

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2, 2020**

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Безукладников Константин Эдуардович – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семененко Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шутемова Наталья Валерьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – ответственный секретарь, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Плюснина Екатерина Михайловна – ответственный за сайт, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Карзенкова Елена Петровна – технический редактор, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Магальянес Фернандо Латас – доктор филологических наук, профессор (Испания, г. Мадрид, университет Complutense, факультет немецкой филологии, г. Севилья, Институт германистики)

Мирчевска-Бошева Биляна – ассоциированный профессор (Македония, г. Скопье, университет им. Св. Кирилла и Мефодия)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Табидзе Манана Шотаевна – доктор филологических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, филологический профессор (Грузия, г. Тбилиси, Грузинский университет им. св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии)

Травински Беата – доктор филологических наук, профессор (Германия, г. Маннгейм, Институт немецкого языка)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Шавхелишвили Бела Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент (Грузия, г. Тбилиси, Сухумский государственный университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор Научно-исследовательского института зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета, постдоктор Хэйлунцзянского государственного университета, КНР (Китай, г. Аньхой, Аньхойский университет)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

Редакционная коллегия, 2020

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Подписано в печать 29.06.2020. Дата выхода в свет 30.06.2020.
Формат 60 × 84 / 8. Усл. печ. л. 16,74. Тираж 500 экз. Заказ № 801

Территория распространения – Российская Федерация.
Договор с НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКОЙ:
№ 422-10 / 2017 от 26 октября 2017 г. Научный журнал теоретических и прикладных исследований. Издаётся с 2017 года. Бесплатно. Периодичность: с 2018 г. 4 раза в год. Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редколлегией.

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL	SCIENTIFIC JOURNAL № 2, 2020
--------------------------------------	---

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD

Svetlana V. Shustova – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Anna V. Averina – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)

Nadezda N. Menshakova – Deputy Editor-in-Chief, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Svetlana V. Androsova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Konstantin E. Besukladnikov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Alexander Yu. Bratukhin – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Tamara I. Zelenina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Aza D. Ioseliani – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)

Yulia A. Komarova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)

Boris V. Kondakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Viktoria M. Kosteva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)

Boris M. Proskurnin – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenko – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, St. -Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Natalia V. Shutymova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Ekaterina M. Plusnina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena P. Karzenkova – Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Fernando Magallanes Latas – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Spain, Madrid, Complutense University of Madrid; Seville, University of Seville)

Biljana Mirchevska-Bosheva – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D., Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Manana Sh. Tabidze – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Member of New York Science Academy (Georgia, Tbilisi, Georgian University. St. Andrey of the First-Called Patriarchate of Georgia)

Beata Travinski – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Germany, Mannheim, Institute of German Language)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Bella A. Shavelishvily – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Georgia, Tbilisi, Sukhumi State University)

Shi Hongsheng – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Director of the Center for the Study of Russia, Postdoc of Heilongjiang State University of China (China, Anhui, Anhui University)

Yahyapur Marziye – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Teheran, Teheran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	4
<i>Аверина А. В.</i> СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИИ <i>WERDEN</i> + <i>INFINITIV I (II)</i> В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	4
<i>Костыря А. В.</i> МЕТАТЕКСТОВАЯ ПРАКТИКА: СИКВЕЛЫ К РОМАНАМ ДЖЕЙН ОСТЕН	11
<i>Кшенинская У. Л.</i> КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ СУЩНОСТЬ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ	16
<i>Петкова Е. Н.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА «GÖPFS» КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В «СЕРЕБРЯНОМ КОДЕКСЕ»	22
<i>Химинец Е. М.</i> ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ВОЕННОГО СОБЫТИЯ «СЕРВАЛ»	31
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	39
<i>Архипова И. В., Шустова С. В.</i> ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЕКУНДАРНОГО ТАКСИСА ОДНОВРЕМЕННОСТИ	39
<i>Сюткина Н. П.</i> К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА «SCHÜREN»	49
<i>Яруллина Л. Р.</i> ТЕМПОРАЛЬНЫЕ КОННЕКТОРЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	55
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	61
<i>Хорошева Н. В., Банникова А. Д.</i> ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОШИБКИ В СИТУАЦИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА ВЫСТУПЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ	61
<i>Хорошева Н. В., Тюрина Д. С.</i> СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В ХОДЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ГЛАВ РОССИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ	70
СОЦИОЛИНГВИСТИКА	78
<i>Korlyakova A. F., Erofeeva T. I.</i> TOLERANCE AS A MORAL AND ETHICAL CONCEPTION IN ENGLISH SOCIETY	78
<i>Маштакова Е. И.</i> ДРИФТ И ЕГО ИСТОРИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СУБКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	85
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	96
<i>Бячкова В. А.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МАТЕРИАЛА)	96
<i>Ши Шаньшань, Кондаков Б. В.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА А. П. ЧЕХОВА В КИТАЕ (1920–1940-Е ГГ.)	104
<i>Лю Янькунь</i> ФОРМИРОВАНИЕ «РУССКОГО КОНТЕКСТА» КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	116
ЛИНГВОДИДАКТИКА	126
<i>Манжула О. В., Исаева Е. В.</i> МЕДИАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	126
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ	140
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	144

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.11-112

Аверина Анна Викторовна

Доктор филологических наук, профессор,

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а

Тел.: +7(495)7800941

E-mail: av.averina@mgou.ru

СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИИ *WERDEN* + *INFINITIV I (II)* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье содержится анализ семантики предложений в немецком языке, содержащих конструкцию werden + Infinitiv I (II). Ввиду того, что она может передавать и темпоральное, и модальное значение, при ее интерпретации важным становится учет аспектуальной семантики полнозначного глагола. Цель настоящей публикации заключается в том, чтобы на фактическом материале рассмотреть зависимость выбора формы выражения будущего времени от аспектуальных характеристик полнозначного глагола в немецком языке и определить тип модальной семантики, передаваемой данной конструкцией. Показано, что темпоральная семантика характерна для конструкции werden + Infinitiv I в том случае, если полнозначный глагол дает характеристику действия с позиции процессности, то есть передается значение несовершенного вида. Модальная семантика в предложениях с werden + Infinitiv I возникает тогда, когда полнозначный глагол маркирует действие в его целостности – речь идет о кодировании семантики совершенного вида. Сделан вывод о том, что в немецком языке предельность глагола мало влияет на выбор формы выражения будущего времени и на семантику конструкции werden + Infinitiv I. Конструкция werden + Infinitiv II в большинстве случаев передает модальное значение. Анализ модальной семантики, выражаемой формой werden + Infinitiv I (II), позволил сделать наблюдение о том, что наряду с эпистемичностью кодируется эвиденциальность, в частности инференциальное значение. Под инференциальностью в работе понимается предположение, сделанное на основе чувственного восприятия либо на жизненном опыте говорящего.

Ключевые слова: модальность, будущее время, аспектуальность, предельность глагола, эпистемичность.

Введение

Система немецкого языка позволяет использовать две временные формы для выражения будущего времени: форму настоящего (Präsens) и аналитическую форму будущего времени, в роли которой преимущественно выступает форма Futur I, сравним:

1) *Das werden wir ja alles feststellen. Ich hole Sie in einer Stunde ab. Wir gehen zusammen hin* (E. M. Remarque. Die Nacht von Lissabon).

В приведенном фрагменте первое предложение содержит форму *werden* + *Infinitiv I*, передается семантика будущего времени. В последующих двух предложениях то же самое временное значение кодирует форма *Präsens*. Возможность синтетического и аналитического выражения будущего времени прослеживается и в русском языке – существует так называемое будущее простое и будущее сложное время, сравним:

(2) *Курс будет состоять из трех блоков* (НКРЯ).

(3) *А все-таки, ваше сиятельство, рановато нам умирать, еще **попрыгаем**, — картавя, говорил ему незнакомец* (НКРЯ).

В примере (2) будущее время передается посредством сочетания глагола *быть* с формой инфинитива, в следующем фрагменте (3) это же значение кодировано в полнозначном глаголе. То, что выбор формы будущего времени в русском языке зависит от глагольного вида, обозначено в существующих грамматиках русского языка [Русская грамматика, 80, с. 625].

Статус конструкции *werden* + *Infinitiv I* в немецком языке уже обсуждался в целом ряде работ по германистике. В этой связи следует отметить исследования Х. Фатера [Vater, 1994], Э. Лайсс [Leiss, 1992], М. Котина [Kotin, 2007]. Конструкция *werden* + *Infinitiv I* двузначна и может передавать не только значение будущего времени, но и семантику предположения. Ряд лингвистов считает, что основное ее назначение – семантика предположения [Diewald, Habermann, 2005, S. 232], [Vater, 1997, S. 61], Л. Зальтвейт [Saltveit, 1960, S. 64]. Несколько иной точки зрения придерживается У. Энгель [Engel, 1988, S. 495], считая, что форма *Futur I* передает значение будущего времени в письменной речи, в то время как в устной – семантику предположения. Согласно наблюдениям Э. Лайсс, семантика конструкции *werden* + *Infinitiv I* зависит от предельности / неопределенности полнозначного глагола: в комбинации с неопределенными глаголами она передает значение будущего времени, в сочетании с предельными – значение предположения¹ [Leiss, 1992, S. 226]. В своих наблюдениях Э. Лайсс проводит параллели между русским и немецким языками. Проблема, однако, видится в том, что в русском языке, как это было видно на примерах (2) и (3), выбор синтетической / аналитической формы определяет видовая семантика. Насколько значение предельности / неопределенности связано с выбором *Futur I* / *Präsens*, требует уточнения. Помимо этого, нуждается в прояснении вопрос о том, какую именно модальную семантику (эвиденциальную, эпистемическую или оба значения одновременно) передает конструкция *werden* + *Infinitiv I* (II).

Цель настоящей публикации заключается в том, чтобы на фактическом материале рассмотреть зависимость выбора формы выражения будущего времени от аспектуальных характеристик полнозначного глагола в немецком языке и определить тип модальной семантики, передаваемой данной конструкцией. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

– обратиться к вопросу о том, действительно ли влияет предельность / неопределенность глагола на выбор аналитической формы – в этой связи хотелось бы обратиться к данным не только немецкого, но и русского языка;

¹ В оригинале: Die nonadditiven Verben verfügen über kein Futurtempus werden + Infinitiv. Diese F ü g u n g gehört zum modalen System der nonadditiven Verben. B. Die additiven Verben weisen ein Tempus Futur I auf. Werden + Infinitiv ist eindeutig temporal.

– проследить взаимосвязь между значением аналитической формы и временной перспективой;

– проанализировать типы модальных значений, передаваемой формой *werden + Infinitiv I (II)*.

В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из немецкого корпуса DWDS. Всего было отобрано и проанализировано около 100 примеров.

Основная часть

1. *Влияние временных и аспектуальных характеристик предложения на интерпретацию формы werden + Infinitiv I (II)*

Совершенно однозначно можно сказать, что в русском языке выбор формы выражения будущего времени зависит от видовой семантики глагола: если полнозначный глагол выступает в форме несовершенного вида, то используется будущее сложное, если в форме совершенного вида – будущее простое. Это можно отчетливо проследить на следующих примерах:

(4) *Ничего, я **приду**, я **буду ходить!*** – пробормотал он вполголоса... (НКРЯ).

(5) *Пилат **щурился**, читал: «Мы **увидим** чистую реку воды жизни... Человечество **будет смотреть** на солнце сквозь прозрачный кристалл...»* (НКРЯ).

Семантика предельности в меньшей степени влияет на выбор формы выражения будущего времени, сравним:

(6) *Надеемся, однако, что с учётом возросших требований рынка конкурентоспособность российских товаров **будет возрастать** и они своих позиций не потеряют* (НКРЯ).

(7) *Кто-то займётся спортом, кто-то **будет слушать** музыку, кто-то танцевать и так далее* (НКРЯ).

На примере приведенных высказываний можно проследить комбинацию вспомогательного глагола *будет* с предельным (6) и непредельным (7) глаголом. Связано это с тем, что предельный глагол в предложении (6) маркирует длящееся действие в его развитии, а семантика несовершенного вида, наслаиваясь на способ действия глагола, служит для обозначения постепенности действия. Это говорит о том, что предельность служит для дифференциации глаголов по способам действия, но не влияет на выбор временной формы – ее определяет категория вида.

В немецком языке форма *Futur I* передает значение будущего времени в сочетании с непредельными глаголами:

(8) *Was das Geld anbelangt: Das **wird** sicher nicht auf einem Sparbuch auf den rechtmässigen Eigentümer **warten*** (DECOW 16A).

(9) *was irgend ein Mensch sät, das **wird** er auch **ernten*** (DECOW 16A).

Конструкция *werden + Infinitiv I* с предельными глаголами также способна передавать значение будущего времени. Полнозначные предельные глаголы передают длящееся действие, в данном случае можно говорить о его процессности независимо от заложенной в глаголах семантике предельности:

(10) *Das **wird sich** wohl noch ein paar Jahre **hinziehen** mit den Zahlungen* (DECOW 16A).

(11) *on mir gibts 10 / 10 Punkte, denn der Film ist einfach Kult und das wird er auch bleiben* (DECOW 16A).

(12) „Das **wird** die FIFA erst ganz kurzfristig **entscheiden**“, erklärt OK-Chefin Steffi Jones (DECOW 16A).

В приведенных примерах полнозначные глаголы *hinziehen*, *bleiben* и *entscheiden* следует трактовать как 'тянуться', 'оставаться' и 'решать', а не 'потянуться', 'остаться' и 'решишь'. Это позволяет предположить, что конструкция *werden* + *Infinitiv I*, передавая семантику времени, влияет на аспектуальную семантику глагола: полнозначный глагол получает интерпретацию как глагол несовершенного вида, а трактовка конструкции *werden* + *Infinitiv I* мало зависит от предельности / неопределенности глагола. По всей видимости, именно скрытая видовая семантика, а не предельность / неопределенность глагола определяет выбор формы выражения будущего времени (Präsens или Futur).

Конструкция *werden* + *Infinitiv II* в большинстве случаев служит для выражения предположения, касающегося событий в прошлом.

(13) *Wie wohltuend für unser Selbstwertgefühl und unsere Konflikte mit uns selbst und den anderen es aber war, wenn jemand für uns Verständnis hatte, wenn wir Freunde besaßen, die uns verstanden, das wird wohl niemand vergessen haben* (DECOW 16A).

(14) *Das wird dir das Christkindchen hineingelegt haben* (DECOW 16A).

(15) *Nun stehen sie vor einem neuen Kapitel ihrer Geschichte, das wird jeder gespürt haben* (DECOW 16A).

(16) *Das wird ihn sicherlich gefreut haben, denn in seinen Abschiedsworten bezeichnete er das Engagement für die Jugend als seinen Lebensinhalt* (DECOW 16A).

(17) *Von XHTML habe ich bis jetzt noch niemals zuvor gehört. das wird mir wohl entgangen sein* (DECOW 16A).

(18) *Klar, es ist durchaus möglich, dass man z.B. die Einleitungskapitel einer Dissertation bei denen es nur um die Darstellung des Status Quo geht, einfach aus Lehrbüchern abschreibt (und das wird sicherlich auch vorgekommen sein)* (DECOW 16A).

Полнозначный глагол как составной компонент формы *Infinitiv II* в данном случае можно рассматривать как несущий семантику совершенного вида.

Особого внимания заслуживает сочетание глагола *werden* со статальным глаголом *sein* – в преобладающем большинстве случаев *werden* + *sein* маркирует предположение (см. (19), (20), (21)) и только при использовании дополнительных маркеров времени – значение будущего (см. (22)). Это можно отчетливо проследить на следующих примерах:

(19) *Ja das wird wohl der Fall sein* (DECOW 16A).

(20) *Das wird in N auch nicht anders sein* (DECOW 16A).

(21) *Naja das wird wohl der Untergang sein* (DECOW 16A).

(22) *Das wird schon in vier Monaten sein, weil ich in den zwei Monaten, in denen ich mit der ARGE kämpfe, versehentlich zu niedrig eingestuft wurde* (DECOW 16A).

Возникает вопрос, почему глагол *werden* в сочетании со статальным глаголом *sein* служит для выражения предположения, а не для передачи семантики будущего времени. Эти случаи рассматривает Э. Лайсс. Она показывает, что это модальная семантика конструкции *werden* + *Infinitiv I* напрямую связана с анафоричностью глаголов. По ее наблюдениям, предельным глаголам свойственна анафоричность, неопределенным глаголам –

катафоричность. Лишь некоторые неопредельные глаголы являются анафоричными¹. Временные формы также могут быть дифференцированы по этому параметру: форма *Futur I* является катафоричной, поэтому комбинация неопредельных (катафоричных) глаголов с глаголом *werden* приводит к возникновению модальной семантики. Глагол *sein* Э. Лайсс относит к анафоричным, что и определяет модальность конструкции *werden + sein* [Leiss, 1992]: только при появлении катафоричных лексических показателей приводит к возникновению значения будущего времени, как это видно из примера (22).

2. Тип модальной семантики, передаваемый конструкцией *werden + Infinitiv I (II)*

Остановимся кратко на вопросе о том, относятся ли эвиденциальные значения к системе модальных. Эвиденциальность предполагает указание на источник сообщаемой информации. В. А. Плунгян выделяет несколько источников информации: прямые, косвенные, опосредованные. Прямые источники информации могут подразделяться на визуальные (говорящий зрительно наблюдал ситуацию), сенсорные (говорящий воспринимал ситуацию слухом, обонянием и т. п.) и так называемые «эндофорические»: граммы этого типа маркируют внутренние ощущения говорящего (страх, голод, намерения и т. п.), которые он может только ощущать, но не может воспринимать их «со стороны». К косвенным источникам В. А. Плунгян относит инферентивы и презумптивы. Для инферентивов характерно использование показателей «заглазости», в то время как для презумптивов – опора на имеющиеся знания о предмете речи. Опосредованная информация может иметь грамматическую дифференциацию: могут различаться средства передачи слов конкретного лица, обобщенного или сведения из так называемого общего фонда знаний («как известно») [Плунгян, 2000, с. 324–325]. По наблюдениям А. П. Сусова, на пропозициональном уровне инферентив связывает две ситуации, состоящие в причинно-следственном отношении (*Дверь взломана, потому что здесь кто-то побывал*), а на интенциональном уровне – вводимую тем или иным способом информацию, в которой говорящий уверен, с инференционным актом, выводом-предположением [Сусов, 2006]. Подробный анализ инферентивов делает в своей работе Р. Д. Шакирова. Она выделяет несколько типов инферентивов: перцептивные инферентивы (реконструкция ситуации посредством чувственного восприятия) и инферентивы общего плана (базирование логических соображений на жизненном опыте говорящего). По ее наблюдениям, инферентивы общего плана составляют обширную группу: «логические соображения говорящего основаны на предварительном знании частичных данных анализируемой ситуации» [Шакирова, 2010, с. 91]. Согласно наблюдениям Н. А. Козинцевой, специфика семантики инференциальности состоит в том, что говорящий наблюдает определенные явления в конкретной предметной ситуации, которые он, исходя из общих соображений, возводит к их причине, которая и оказывается сообщаемым фактом. При этом подчеркивается предположительный характер этого факта (причины). Восстановление ситуации может осуществляться в результате логического вывода, основанного на собственном восприятии говорящим данной ситуации [Козинцева, 2000, с. 228]. Согласно ее наблюдениям, «эвиденциальность близка по своему содержанию к эпистемической модальности» [Козинцева, 1994, с. 98]; «эвиденциальность можно понимать как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений:

¹ Zwischen nonadditiven Verben und anaphorischen Verben besteht eine Inklusionsbeziehung. Alle nonadditiven Verben sind anaphorisch, aber nicht alle anaphorischen Verben sind nonadditiv [Leiss, 1992, S. 220].

говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) – косвенная засвидетельствованность – или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти) – прямая засвидетельствованность; «засвидетельствованность относится к области эпистемических значений, связанных с детализацией степени полноты знания говорящего о передаваемой им ситуации» [Козинцева, 2000, с. 226].

Вопрос о том, какое именно значение маркировано конструкцией *werden + Infinitiv I*, не является до конца решенным. Так, например, Г. Дивальд и Е. Смирнова [Diewald & Smirnova, 2010] указывают на ее эвиденциальный характер; Э. Лайсс [Leiss, 2011] и О. Летнес [Letnes, 2011] сходятся в мнении о том, что эта структура передает больше эпистемическую семантику. Мы склонны считать, что конструкция *werden + Infinitiv I (II)* передает эпистемическую семантику, однако она не лишена эвиденциальных значений. Так, если мы рассмотрим следующие примеры, то заметим, что предположение говорящего базируется на его внутренних ощущениях:

(23) *Äußerst unwahrscheinlich, dass das wegen einem "da yo ne" passiert. Das **wird** wegen etwas anderem **gewesen sein*** (DECOW 16A).

(24) *Ich denke, das **wird** der Hauptgrund **gewesen sein*** (DECOW 16A).

(25) *Ja genau habe bei Null angefangen und gleich so arg das **wird** der Fehler **gewesen sein*** (DECOW 16A).

(26) *Allerdings fand ich die erste Folge der zweiten Staffel ein wenig zu labgutmig. Aber das **wird** sich ja hoffentlich das nächste Mal **gegeben haben*** (DECOW 16A).

(27) *das **wird** auch sicher nicht das letzte Mal **gewesen sein*** (DECOW 16A).

В приведенных высказываниях передается семантика эпистемичности; одновременно с этим кодируется семантика инференциальности.

Заключение

Анализ семантики предложений с конструкцией *werden + Infinitiv I* позволил нам увидеть, что выбор формы выражения будущего времени (Präsens или Futur I) определяет, в первую очередь, скрытая видовая семантика полнозначного глагола: он передает значение несовершенного вида, маркируя длящееся действие, т. е. действие в его процессности. В случае использования конструкции *werden + Infinitiv I* в модальном значении действие предстает как целостное. Предложения с конструкцией *werden + Infinitiv II* имеют, как правило, модальное значение. Конструкция *werden + Infinitiv I (II)* в модальном значении передает эпистемическую семантику, однако можно говорить и об одновременном присутствии эвиденциальных значений – речь идет о кодировании инференциальности.

Список литературы

1. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания, 1994. № 3. С. 92–104.
2. Козинцева Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. Санкт-Петербург: Наука, 2000. С. 226–240.
3. Плуныян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Москва: УРСС, 2000. 384 с.

4. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва: Наука, 1980.
5. Сусов А. П. Многоуровневый анализ риторической структуры // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 6. Тверь, 2006. С. 23–54.
6. Шакирова Р. Д. Инференциальная эвиденциальность и ее разновидности в современном немецком языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2010. № 2 (2). С. 89–93.
7. Diewald G., Habermann M. Die Entwicklung von werden + Infinitiv als Futurgrammem. Ein Beispiel für das Zusammenwirken von Grammatikalisierung, Sprachkontakt und soziokulturellen Faktoren // Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005. S. 229–250.
8. Diewald G., Smirnova E. Abgrenzung von Modalität und Evidentialität im heutigen Deutsch // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht. Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 30. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. S. 113–131.
9. Engel U. Deutsche Grammatik. Groos: Heidelberg 1988. 888 S.
10. Kotin M. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Winter Verlag: Heidelberg 2007.
11. Letnes O. Über 'werden' und 'sollen' als modale und / oder evidentielle Marker // Modalität und Evidentialität / Modality and Evidentiality. Trier: Fokus, 2011. S. 109–123.
12. Saltveit L. Besitzt die deutsche Sprache ein Futur? // Der Deutschunterricht. 1960. № 12. S. 46–65.
13. Vater H. Einführung in die Zeit-Linguistik. 3., verb. Auflage. Hürth-Efferen: Gabel, 1994.
14. Vater H. Hat das Deutsche Futurtempora? // Zu Tempus und Modus im Deutschen. Trier: wissenschaftlicher Verlag, 1997. S. 53–69.

Материалы исследования

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения – 11.01.2020 – 12.02.2020).
2. DECOW. URL: <https://www.webcorpora.org/> (дата обращения – 11.01.2020 – 12.02.2020).

Averina A. V.

Grand Ph.D. (Philology), Professor of the Department of German Philology, Moscow Region State University

THE SEMANTICS OF THE STRUCTURE WERDEN + INFINITIV I (II) IN GERMAN

The article analyzes the semantics of sentences in German containing the construction werden + Infinitiv I (II). Since it can convey both temporal and modal meanings, it is important to take into account the aspectual semantics of a full verb when interpreting it. The purpose of this publication is to examine the dependence of the choice of the future tense expression form on the aspectual characteristics of a full-valued verb in German and to determine the type of modal semantics conveyed by this construction. It is shown that temporal semantics is typical of the construction werden + Infinitiv I if a full-valued verb is interpreted as a stative one, denoting a continuing action, the meaning of the imperfect aspect is expressed. Modal semantics in sentences with werden + Infinitiv I occurs when a full-valued verb marks a single action tending to its limit. The werden + Infinitiv II construction actually always adds a modal value. Along with epistemic semantics, we can also talk about the transfer of inferential values. Inferiority in the work is understood as an assumption made on the basis of sensory perception on the life experience of the speaker.

Keywords: modality, future tense, aspectual semantics, perfect verb, epistemicity.

УДК 821.111

Костыря Алёна Владимировна

Старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 2396283
E-mail: a.v.kostyria@gmail.com

МЕТАТЕКСТОВАЯ ПРАКТИКА: СИКВЕЛЫ К РОМАНАМ ДЖЕЙН ОСТЕН

Статья посвящена исследованию одного из феноменов современной массовой литературы, а именно, сиквелам к романам классического автора Джейн Остен. Несмотря на то, что более чем двести лет разделяют английскую романистку и современную эпоху, её творчество не просто находит отклик у читателей XXI в., но и является источником вдохновения для современных писателей и стимулом к написанию сиквелов. Актуальность работы связана с попыткой классифицировать большое количество работ-продолжений известных романов и выделить условные поджанры, такие как «продолжение любовной линии» и «детектив». Разнообразии жанров вторичных текстов «по мотивам Остен» говорит о востребованности как формы, так и содержания: читатели принимают правила «филологической игры» и проявляют интерес не только к сиквелам, но и к другим вторичным формам как в литературе, так и в кинематографе. Помимо этого сиквелы к романам Д. Остен активно обсуждаются в литературной среде, становятся предметом изучения в университетах. Таким образом, благодаря своему пограничному положению сиквел, хотя и находится в маргинальной зоне литературы, представляет большой интерес для исследователей. Сиквелы к романам Д. Остен вне зависимости от жанра популяризуют классику, транслируют традиционные ценности в эпоху литературного дефолта. Помимо этого они являются ценным материалом для изучения категории вторичности. К причинам популярности сиквелов к романам Д. Остен не только в литературе, но и в массовой культуре (в кинематографе) можно отнести интерес англоязычных авторов и читателей к своему литературному наследию, а также «вечные» темы, поднимаемые в романе и имплицитный характер повествования, который побуждает авторов «продолжить» произведения.

Ключевые слова: сиквел, массовая литература, массовая культура, вторичный текст, филологическая игра, Джейн Остен.

Введение

Романы Джейн Остен по праву считаются «золотым фондом» английской литературы наравне с наследием У. Шекспира и Ч. Диккенса. Интерес к её литературному наследию возник ещё в начале XX столетия, затем был усилен всеобщей коммерциализацией искусства во второй его половине и достиг высшей точки в наши дни с появлением экранизаций её

романов и возникновением интернет-сообществ и фан-клубов. Отношение к Д. Остен на её родине, в Англии, претерпевало изменения – от забвения к поистине национальной любви. Однако в наши дни её творчество представляет огромный интерес как для соотечественников, так и для глобальной аудитории, в частности, для авторов сиквелов.

Основная часть

Кембриджский словарь даёт следующее определение сиквела: «это книга, фильм или пьеса, которые продолжают историю предыдущей книги и т. п.» [Cambridge Dictionary, эл. р.]. Популярность сиквелов, написанных современными авторами к романам Джейн Остен, можно рассматривать как частное проявление всеобщей «моды» на вторичность. Осознанно или нет, но современные «продолжатели» её романов стремятся повторить её стиль, даже если просто заимствуют персонажей и фабулу романов.

Точное количество сиквелов к романам Остен очень трудно подсчитать, поскольку часть работ, в так называемом формате фанфикшн (от fanfiction – творчество поклонников) публикуется на сайтах сообществ с ограниченным доступом, например, в интернет-сообществе JAFF [Jane Austen. Fan Fiction Index, эл. р.]. Современные авторы сиквелов – профессиональные писатели и любители – обращаются именно к произведениям великой романистки. Причины подобной популярности Остен сходны с причинами её «тиражирования» в целом: обращение англоязычных писателей к своему литературному наследию в эпоху всеобщей глобализации, вечные темы, поднимаемые в романах, интерес к эпохе становления национального английского характера и «старой доброй Англии» и т. д.

Сиквелы к романам Остен, несомненно, относятся к массовой литературе, в которой читатели, отдавая предпочтение той или иной книге, неизбежно формируют «тренд», моду на определённое направление. Нельзя сказать, что мода на «классические» сиквелы прошла. Однако нельзя не заметить и то, что именно последние десять-пятнадцать лет ознаменовались появлением новых «трендов» в массовой литературе и в «моде на Остен». Современные сиквелы условно можно разделить на два самых популярных поджанра: *продолжение любовной линии* (marriage plot) и *детектив*. Мы осознанно применяем здесь условное разделение сиквела на группы в связи с тем фактом, что границы между ними весьма расплывчаты, а зачастую, и неопределимы [Breuer, эл. р.].

Продолжение любовной линии (marriage plot) – один из излюбленных сюжетов для написания сиквелов. Авторами подобных продолжений становятся как профессиональные писатели, так и любители, «слепо поклоняющиеся Остен», которые пишут о героях романов, как о своих современниках, строят предположения об их жизни до и после событий, описанных в текстах, считают, что романы посвящены исключительно теме женитьбы. В профессиональной среде нарочитая фамильярность такого рода писателей-джейнистов вызывает активный протест: «их исследования можно считать чем-то наподобие сплетен» [Copeland, 2010, 235]. Примерами данного направления могут послужить сиквелы «Независимость мисс Мери Беннет» К. Маккалоу («Independence of Miss Mary Bennet») [McCullough, 2008], «Продолжение писем из Пемберли» Д. Докинз («More letters from Pemberley») [Dawkins, 2003] и «Эмма влюблена» Э. Теннант («Emma in love») [Tennant, 1996].

Детективы, а точнее детективные продолжения выделены нами в отдельную группу, поскольку обладают отличительной чертой – все из них описывают таинственные события или расследуют преступления, произошедшие в «литературном мире Остен». Один из самых известных детективных романов по мотивам «Гордости и предубеждения» – «Смерть приходит в Пемберли» 2011 г. («Death comes to Pemberley») [James, 2011], на основе которого, был снят одноимённый сериал. Автор этого продолжения П. Д. Джеймс известна в Великобритании как мастер детектива, её перу принадлежит, например, известная серия книг о расследованиях Скотланд Ярда [James, 2001]. Ещё один известный автор – Кэри Бебрис, написавшая целую серию сиквелов-детективов, каждый из которых посвящён одному или нескольким романам Остен: «Pride and Prescience: Or, A Truth Universally Acknowledged» [Bebris, 2007], «Suspense and Sensibility: Or, First Impressions Revisited» [Bebris, 2005], «North by Northanger: Or The Shades of Pemberley» [Bebris, 2007-1].

Другие виды вторичных текстов, рассмотренные нами, показали, что Джейн Остен не выходит из моды: её литературное наследие активно используется современными авторами. Созданные ими тексты относятся к разным «мирам»: кто-то «использует» эпоху XIX в., создавая сиквелы (*любовные романы и детективы*), кто-то «осовременивает» героев и помещает их в XX в. (жанр *чиклит*). Однако есть и те, кто идёт ещё дальше и переворачивает представление о классических романах буквально «с ног на голову», поскольку авторы *мэшапов* не столько «продолжают» сюжетную линию оригинала, сколько смешивают, казалось бы, «несмешиваемое»: мир Д. Остен и мир, где существуют зомби, например. Однако, сиквелы, на наш взгляд, являются наиболее популярным видом творчества среди поклонников Остен и профессиональных авторов. Помимо уже сказанных причин популярности сиквелов к романам, можно добавить ещё и отрывок из статьи американского исследователя П. О’Коннел для газеты «New York Times», 2000 г., в которой она приводит мнение одного из авторов фанфикшн. Оно, на наш взгляд, говорит само за себя: «имплицитная природа письма Остен сталкивается с нашими современными чувствами и стремлением к эксплицитному», и «поскольку Д. Остен не смогла написать об этом, мы вынуждены сделать это за неё» [O’Connell, эл. р.].

Не менее интересен тот факт, что сиквел как метатекстовая практика выходит далеко за рамки *текстовой* практики, как таковой. Каждый из созданных текстов, не только является примером, так называемой, «филологической игры», но и порождает свой отклик в массовой культуре. Сиквелы, как правило, не оставляют читателей равнодушными: они либо получают одобрение, либо вызывают жаркие дискуссии среди поклонников Остен и современных авторов. Помимо этого, они активно экранизируются [Esther’s Narrative, эл. р.], и фильмы, снятые на их основе, зачастую становятся знаковыми работами для своего поколения зрителей. Например, «Дневники Бриджит Джонс» (2001 г.) имели большой кассовый успех, что не могло не способствовать продолжению франшизы: на данный момент в прокат вышло уже три фильма [Bridget Jones Diary Wiki, URL]. Кроме того, благодаря экранизациям, всё большая часть молодой аудитории не только становится поклонниками Д. Остен, но и «играют в Остен», получают вдохновение к написанию сиквелов: например, многие поклонники фильма BBC 1995 г. «Гордость и предубеждение» пишут продолжения «про Колина Фёрта» (актёра, исполнившего роль мистера Дарси) [Crowther, эл. р.]. Как замечает исследователь Остен, Аманда Гилрой, мы переживаем эпоху «одержимости присвоения,

перекодирования и переработки ее романов» [Gilroy, URL]. Парадоксально, но сиквелы, написанные к сиквелам, становятся не менее популярными, чем их «оригиналы», а работы в жанре фанфикшн – «фанфики» (fanfic, от англ. fanfiction) не только порождают цепочку продолжений на волне популярности, но и выводят их авторов «из тени» – на официальный книжный рынок [Jane Austen 101, эл. р.]. Зачастую, современным читателям интересны не столько произведения, созданные Остен, сколько реакция на них, мнение по их поводу. Поэтому, неудивительно, что сиквелы к её романам становятся также предметом изучения и обсуждения в университетской программе США [Gilroy, эл. р.]. Студентам, например, предлагается самим написать продолжение к одному из шести самых известных романов.

Заключение

Таким образом, становится очевидным, что сиквел является одним из самых актуальных направлений современной литературы, а сиквелы к романам Джейн Остен и другие вторичные жанры «вселенной Остен» – в особенности. Изучение сиквела, как примера массовой или «тривиальной» литературы, несомненно, способствует более глубокому анализу феномена «филологической игры», как одного из перспективных литературных жанров XXI в. Ведь, как отмечает М. А. Черняк, «жанровые поиски современной литературы оказались в значительной степени связанными с игровым использованием классического наследия» [Черняк, 2012, с. 236]. Помимо сказанного, надо также отметить, что рефлексивный характер сиквела делает его ценным образцом для изучения категории «вторичности». Сиквел как метатекст «отражает» уже сказанное, но в системе «форма – содержание» неизбежно частично или полностью теряет один из компонентов. Характер рефлексии, таким образом, будет зависеть от намерений автора, осознанных или не осознанных. Однако неизменно одно: та или иная степень стилистической тождественности вторичного текста и его пресуппозиции (романа Остен) позволяют читателю «узнавать» сиквел и воспринимать его в качестве «продолжения» классического романа.

Список литературы

1. Черняк М. А. Филологическая игра как стратегия прозы XXI в. // Ярославский педагогический вестник, 2012, № 1, Том I (Гуманитарные науки). С. 236–240.
2. Bebris C. *Pride and Prescience: or A Truth Universally Acknowledged*. New York: Forge books, 2007. 287 p.
3. Bebris C. *Suspense and Sensibility: or First Impressions Revisited*. New York: Forge books, 2005. 301 p.
4. Bebris C. *North by Northanger: or the Shades of Pemberley*. New York: Tor Books, 2007. 336 p.
5. Bridget Jones diary Wiki. Fandom. <https://bridgetjonesdiary.fandom.com/wiki/Category:Movies> (дата обращения: 25.02.2019).
6. Cambridge On-line Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sequel> (дата обращения: 17.02.2019).
7. Copeland E. McMaster J. *The Cambridge Companion to Jane Austen*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 302 p.
8. Crowther B. *The screen in review: Pride and Prejudice*. New York Times. August, 9, 1940. URL: <https://www.nytimes.com/1940/08/09/archives/the-screen-in-review-pride-and-prejudice-a-delightful-comedy-of.html> (дата обращения: 25.03.2019).

9. Dawkins J. More Letters from Pemberley: 1814–1819: A Further Continuation of Jane Austen's *Pride and Prejudice*. Sourcebooks, 2003. 212 p.
10. Esther's Narrative. *Austenbland: I Think I Need to Give Up on Austen Fanfic*. February, 12. 2019. URL: <https://esthersnarrative.wordpress.com/2013/09/01/austenbland/> (дата обращения: 27.02.2019).
11. Gilroy A. Our Austen: Fan Fiction in the Classroom. *Jane Austen Society of North America. Persuasions on-line*. V. 31, № 1, 2010. URL: <http://www.jasna.org/persuasions/online/vol31no1/gilroy.html> (дата обращения: 27.02.2019).
12. James P. D. *Cover Her Face*. New York: Scribner, 2001. 250 p.
13. James P. D. *Death Comes to Pemberley*. New York: Alfred A. Knopf, 2011. 291 p.
14. Jane Austen. *Fan Fiction Index*. URL: <http://www.jaffindex.com/> (дата обращения: 27.02.2019).
15. Jane Austen 101: Fan Fiction Web Sites. *Austen prose* URL: <https://austenprose.com/2010/12/05/jane-austen-101-fanfiction-web-sites/> (дата обращения: 25.02.2019).
16. McCullough C. *The Independence of Miss Mary Bennet*. New-York: Simon & Schuster, 2008. 337 p.
17. O'Connell P. L. A World without end for fans of Jane Austen. *The New York Times*. January. 13, 2000. URL: <https://www.nytimes.com/2000/01/13/technology/a-world-without-end-for-fans-of-jane-austen.html> (дата обращения: 17.02.2019).
18. Tennant E. *Emma in Love*. New York: Paperback, 1996. 224 p.

Kostyrya A. V.

*Senior Lecturer, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University*

METATEXT PRACTICE: SEQUELS TO JANE AUSTEN NOVELS

The article is devoted to the study of one of the phenomena of modern mass literature, namely, sequels to the novels of the classic author Jane Austen. Despite more than two hundred years that separate the English novelist from the modern era, her work not only resonates with readers of the XXI century, but also is a source of inspiration for writing sequels. The relevance of the work is associated with an attempt to classify a large number of works-continuations of famous novels and to identify subgenres, such as "marriage plot" and "detective story". The variety of genres of secondary texts "based on Austen" indicates the demand for both form and content: readers accept the rules of the "philological game" and show interest not only in sequels, but also in other secondary forms: both in literature and in cinema. In addition, sequels to Austen's novels are actively discussed in the literary environment, becoming the subject of study at universities. Thus, the sequel, being in the marginal zone of literature, is of great interest among researchers due to its borderline position. Sequels to Austen's novels, regardless of genre, popularize the classics and convey traditional values in the era of literary default. In addition, they are valuable material for studying the category of secundariness. The reasons for the popularity of sequels to Austen's novels lay not only in literature, but also in popular culture (cinema) can be attributed to the interest of English-speaking authors and readers to their literary heritage, the "eternal" themes raised in the novels, the implicit nature of the narrative, which encourages the authors to "continue" the work.

Keywords: sequel, popular literature, popular culture, secondary text, a philological game, Jane Austen.

УДК 811.111'37

Кшеновская Ульяна Леонидовна

Доцент кафедры английского языка,

Новосибирский государственный педагогический университет

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28

Тел.: +7 (383) 2441161

E-mail: sj@ngs.ru

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ СУЩНОСТЬ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

Когнитивно-дискурсивный подход к процессам лингвокреативности позволяет выявить специфику нетривиального взаимодействия языковой и концептуальной систем сознания языковой личности и получить доступ к механизмам объективации нестандартными языковыми средствами ментальных конструкторов знания о реальной или конструируемой действительности – инновационных или существующих, но не получивших устойчивой языковой объективации. Особенностью лингвокреативных процессов является то, что они одновременно являются когнитивными и коммуникативными: с одной стороны, осуществляется выбор и конструирование инновационной номинации, с другой – реализация определённой речевой интенции, реализуемой в конкретном дискурсе. Дискурс при этом выступает не только коммуникативным событием, но и трансфером нового знания.

Ключевые слова: лингвокреативность, язык и ментальность, языковая личность, дискурс, когнитивно-дискурсивный подход.

Введение

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания в лингвистике наблюдается смещение фокуса исследований от «языка в человеке» к «человеку в языке» [Кубрякова, 1995, с. 122], к изучению социокультурной действительности и речевой деятельности человека с точки зрения «когнитивных структур, лежащих в глубинах сознания личности» [Манерко, 2000, с. 39].

Дискурсивные характеристики языковых явлений есть по сути продолжение их когнитивных свойств. Языковые явления, зафиксированные в системе языка и обладающие определёнными концептуальными характеристиками, функционируя в дискурсе, могут приобретать иные свойства и передавать иные значения. Кроме того, именно в дискурсе для решения ситуативных коммуникативных задач появляются единицы, не зафиксированные в языковой системе, но предполагаемые.

Таким образом, синтез когнитивной и дискурсивной парадигм даёт возможность рассмотрения языковых явлений, особенно инновационных, более полно и под разными углами зрения.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом современной лингвистики к вопросам лингвокреативности, необходимостью изучения общих и специфичных механизмов лингвокреативности, а также потребностью в обобщении эмпирического корпуса материала и включенностью работы в целый ряд современных лингвистических направлений: когнитивного, дискурсивного, коммуникативного и других.

В зарубежной лингвистике понятие лингвокреативности в широком смысле как врожденной способности личности продуцировать и понимать неопределённое количество новых фраз и предложений из конечного числа слов в коллективной и индивидуальной речевой деятельности восходит к работам Н. Хомского [Chomsky, 1965, p. 12]. Лингвокреативная деятельность «человека творящего» отражает его интенцию к проявлению собственной творческой компетенции в реализации потенциальных языковых возможностей. В отечественных работах делается акцент не только на рассмотрении процессов собственно создания новых единиц, но и на изучении творческого преобразования языка, нестандартного использования существующих языковых единиц, языковых аномалий (см., например, [Козлова, 2012]).

Основная часть

В рамках данного исследования лингвокреативность понимается нами как творческая способность языковой личности создавать в ходе дискурсивной деятельности инновационные единицы из заложенных языковой системой средств по аналогии с существующими моделями или отступая от них, для передачи посредством языкового знака ментальных конструкторов знания о реальной или конструируемой действительности.

Когнитивно-дискурсивный подход к процессам лингвокреативности позволяет выявить специфику нетривиального взаимодействия языковой и концептуальной систем сознания языковой личности и получить доступ к механизмам передачи нестандартными языковыми средствами инновационных ментальных конструкторов знания о реальной или конструируемой действительности или существующих, но не получивших устойчивой языковой объективизации.

Исследования дискурса уже на начальном этапе привели лингвистов к мысли о том, что дискурс напрямую связан с процессом коммуникации. Так, ещё Р. О. Якобсон указал на суть дискурса как коммуникативного процесса кодирования и декодирования информации (при наличии общего кода у посылающего и принимающего) [Jakobson, 1960]. Дж. Лич также определял дискурс как коммуникативный процесс между участниками коммуникации, своего рода «делку» между ними [Leech, 1983].

Таким образом, дискурс соотносится с интенцией говорящего / пишущего определённым образом воздействовать на реципиента. Реципиент принимает условия «делки» и посредством дискурса участвует в процессе коммуникации с говорящим / пишущим. При этом должны учитываться и особенности типа дискурса, и национально-культурная специфика, и исторические, а также социально-экономические условия, в которых осуществляется такая – опосредованная дискурсом – коммуникация.

Вследствие того, что данное исследование проводится в рамках антропоцентрической парадигмы, понятие лингвокреативности напрямую связано для нас с понятием языковой личности, предложенным Ю. Н. Карауловым. «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за

его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю, к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 7].

Под языковой личностью Ю. Н. Караулов понимает «относительно устойчивую во времени, то есть инвариантную в масштабе самой личности, часть в её структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития» [Караулов, 1987, с. 42], носителем национального начала и объектом передачи опыта от поколения к поколению, выраженная «в языке и через язык» [Там же, с. 38]. «Языковую личность вообще можно соотносить с культурой вообще, культурой общечеловеческой, тогда как национальную языковую личность следует соотносить с культурой национальной» [Там же, с. 47]. Таким образом, языковая личность, по Ю. Н. Караулову, – это моделируемая сущность, применимая как к индивидуальному носителю языка (индивидуальная языковая личность), так и к некоему обобщенному абстракту, представляющему совокупность языковых типов в языковом сообществе (коллективная языковая личность).

Подобно тому, как личность реализуется в деятельности, языковая личность проявляет себя в коммуникации, осуществляя в процессе дискурсивной деятельности свой выбор из множества языковых форм. Анализ дискурса, таким образом, даёт возможность выявления как универсалий языковых систем, так и этно- или культурно-специфического (подробнее см.: [Сагнаева, 2006]), более того, именно в ходе дискурсивных практик индивидуальная языковая личность может проявить сугубо индивидуальные – отличительные – черты, реализуя свой творческий потенциал.

Именно поэтому изучение языковых явлений без учёта их дискурсивных характеристик представляется возможным, однако неполным. Дискурс выступает актуализирующей средой лингвокреативной деятельности языковой личности, которая пользуется языком не только и не столько как совокупностью готовых универсальных смыслов, но как инструментом, обладающим значительным потенциалом.

Дискурс во всей совокупности с его лингвистических и экстралингвистических характеристик выступает для креативной языковой личности своего рода экспериментальным полем для творческого переосмысления имеющихся языковых средств и претворения в жизнь ещё нереализованных свойств языковых единиц в соответствии со своими коммуникативными интенциями, которые, следует заметить, не всегда реализуются полно и успешно.

Это связано с возможным неравенством компетенций коммуникантов (автора и реципиента), расхождением их когнитивно-дискурсивных моделей, а также степенью «удачности» выбора того или иного средства для передачи авторского замысла.

Тем не менее, в дискурсивной деятельности языковая личность стремится к успешной интерпретации реципиентом своей интенции, следуя для этого принятым языковым нормам, используя конвенциональные языковые знаки и отступая от них исключительно в рамках смысловой целенаправленности. Именно в этом состоит отличие творческого переосмысления языка (преодоление ограничений, накладываемых языковой системой, преобразование, дополнение и пополнение языковых средств, эксплуатация потенциальных возможностей языка в рамках конкретной коммуникативной ситуации) от неграмотного его использования.

Так, к видам лингвокреативной деятельности можно отнести следующие: словообразовательные процессы, приёмы нестандартной сочетаемости слов, перенос значения слова (в частности, метафоризацию), семантические и грамматические транспозиции, концептуальное смешение и другие (см. подробнее на примере рекламного и политического дискурсов, [Кшеновская, 2014; Kshenovskaya, 2016; 2017]).

Рассмотрим в качестве примера следующие отрывки из политического и художественного дискурсов.

(1) Let us make one comparison. If West Yorkshire can manage without a county council and manage well, and the West Yorkshire district councils can carry out the necessary functions, why does Derbyshire have to be encumbered with a county council? There is a strong feeling in Derbyshire that the county council is an encumbrance and that the sooner that it goes, the better. However, I do not intend to get embroiled in the arguments between the districts and the counties. If I do, I may find myself **kebabled** between the two. They can sort out their own arguments [BNC].

(2) I said, 'Chris is not their father, Dilys'.

'But he does want to be like a father to them', Dilys answered, as if stung. 'The same as Angela is like a mother'.

I'd been **kebabled** on my own skewer [Hill, 2012].

В приведённых примерах авторы экстраполируют переносное значение глагола *grill* «to torment as if by broiling» [MVD] на семантику глагола *kebabe*, который синонимичен глаголу *grill* только в его прямом значении «to cook by exposing to heat».

Таким образом, глагол *kebabe*, разделяющий денотативную сему с глаголом *grill*, но не имеющий в своей семантике коннотативных сем, будучи помещённым в несвойственный ему контекст, в котором, однако, мог бы функционировать *grill* в значении «to torment as if by broiling», расширяет своё семантическое пространство и «перенимает» коннотативную сему.

Развитие новых значений вследствие влияния синонимов является стандартной моделью семантических изменений, тем не менее, намеренное помещение глагола *kebabe* в контекст, актуализирующий потенциально заложенную, однако не эксплицированную ещё языком коннотативную сему, является примером эксплуатации лингвокреативной личностью потенциальных возможностей языка в процессе дискурсивного взаимодействия.

Инновации, получившиеся в результате лингвокреативной деятельности языковой личности, не соответствуют ожидаемым реципиентом в процессе дискурсивного взаимодействия моделям и требуют дополнительных когнитивных усилий со стороны реципиента для их распознавания, осмысления, критического оценивания, а также потенциального присвоения и использования уже в своей дискурсивной деятельности. Реципиент в данном случае выступает своего рода экспертом лингвокреативной деятельности языковой личности и потенциальным транслятором полученного знания. Дискурс при этом выступает не только своего рода лабораторией экспериментального тестирования потенциальных свойств языковой системы отдельной языковой личностью, но и морфогенным полем апробации лингвокреативного опыта, его передачи и распространения.

Заключение

Таким образом, особенностью лингвокреативных процессов является то, что они одновременно являются когнитивными и коммуникативными. С одной стороны, осуществляется выбор и конструирование инновационной номинации, с другой – реализация определённой речевой интенции, реализуемой в конкретном дискурсе. Дискурс при этом выступает не только коммуникативным событием, но и трансфером нового знания.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 264 с.
2. Козлова Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их реализации в тексте // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. 2012. № 2s (18). С.121–128.
3. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. Москва: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 1995. С. 141–237.
4. Кшеневская У. Л., Гусева В. В. Когнитивная метафора и концептуальное смешение в рекламном дискурсе // Когнитивное моделирование: Труды Второго Международного форума по когнитивному моделированию / Отв. науч. ред. С. И. Масалова, В. Н. Поляков, В. Д. Соловьев. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. С. 68–75.
5. Манерко Л. А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. № 2. С. 39.
6. Сагнаева У. Л. Этническая картина мира, этнические константы и этнокультурные доминанты // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: Материалы II Международной научно-практической конференции / под ред. Т. Г. Пшёнкиной. Барнаул: Изд-во «Барнаульский государственный педагогический университет», 2006. С. 206–210.
7. BNC: Hansard extracts 1991–1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 10.01.2020).
8. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1965.
9. Hill D. Dad's Life: A novel about parenthood that will make you laugh and cry. London: Headline Publishing Group, 2012. 246 p.
10. Jakobson R. Closing Statement: Linguistics and Poetics. Style in Language. New York, London: John Wiley & Sons, 1960. P. 350–377.
11. Kshenovskaya U. L. Cognitive blending in political humour // Когнитивное моделирование: Труды Четвертого Международного форума по когнитивному моделированию. В 2-х частях. / Отв. науч. ред. С. И. Масалова, В. Н. Поляков, В. Д. Соловьев. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. С. 320–328.
12. Kshenovskaya U. L. Puns in advertising discourse: cognitive aspect // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2017, Т. 11. С. 84–87.
13. Leech G. Principles of pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
14. MVD – Merriam-Webster Dictionary [On-Line Resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed on 10.01.2020).

Kshenovskaya U. L.

Associate Professor

Novosibirsk State Pedagogical University

COGNITIVE-DISCURSIVE NATURE OF LINGUOCREATIVITY

The research focuses on linguacreativity as a cognitive and discursive phenomenon. The cognitive-discursive approach reveals the specific nature of a nontrivial interaction of two systems in a creative linguistic personality's mind – linguistic and conceptual. A creative linguistic personality exploits the potential of a language to transfer knowledge about objective or constructed reality by either creating innovative language units or via a nontrivial usage of the existent ones. Those units do not exist in isolation but occur in a discourse. Linguo-creative processes are thus both cognitive and communicative: on the one hand, the act of innovative nomination is carried out, on the other hand, a certain speech intention is realized in a particular discourse. Discourse, thus, is not only a communicative event, but also a transfer of new knowledge.

Keywords: linguacreativity, mentality and language, linguistic personality, discourse, cognitive-discursive approach.

УДК 811.114.3

Петкова Екатерина Николовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 2396283
E-mail: enpetkova@gmail.com

**ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА «GŌPS» КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ
ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В «СЕРЕБРЯНОМ КОДЕКСЕ»**

*Настоящая статья посвящена изучению перевода Евангелий, выполненных на готский язык епископом Вульфилой, и традиционно именуемому «Серебряным кодексом», в контексте лингвокультурологии. Специфика и ограничения, накладываемые на исследование сакральным типом текста, отражается на всех языковых уровнях, и хотя для готского перевода Нового завета характерен буквализм, наиболее ярко заметный на синтаксическом уровне, в тексте невелика доля заимствований, а изучение готско-греческих корреляций, демонстрирует ориентацию перевода на автохтонное мировоззрение, что позволяет, несмотря на крайне ограниченный объём изучаемого материала, делать выводы о значимых элементах лингвокультуры готского христианства. В центре внимания данной работы стоит прилагательное *gōps*, которое рассматривается как основное средство актуализации положительной оценки в готском тексте. Будучи наиболее частотным и, выступая в качестве соответствий греческим прилагательным *καλός*, *ἀγαθός*, *χρηστός* и сложным словам с корнем *gō-*, *gōps*, при этом не является их единственным вариантом перевода. Этимологически *gōps* возводят к общегерманскому корню **goda-* со значением «подходящий» и индоевропейскому **ghedh-*, *ghodh-* со значением «присоединять, устанавливать связь», этимологические параллели внутри германской группы указывают на взаимосвязь способов обозначений родства с *gōps*. Это даёт основание рассматривать *gōps* и как «подходящее, приближенное, присоединённое, освоенное» и как «своё, родовое, кровное». В этом усматривается отражение древней концептуальной модели мира, выраженной в дихотомии «своё – чужое», в отличие от греческих способов выражения оценки, где внутренняя форма слов связана с понятиями «красота», «добро», «благо». Анализ контекстного употребления *gōps* позволяет также предположить актуализацию значения «пригодность, полезность».*

Ключевые слова: дихотомия «хорошо – плохо», дихотомия «своё – чужое», лингвокультурема, культура готов, Евангелия, «Серебряный кодекс».

Введение

Небольшие объёмы письменных источников накладывают существенные ограничения на изучение лингвокультур древних народов в целом. Такое утверждение особенно справедливо, когда наиболее полным письменным памятником является перевод

библейского текста, так как в этом случае при переводе транслируется христианская культура, христианский образ мира, христианские смыслы, и восстановление исходной лингвокультуры становится возможным лишь как призмы, через которую воспринималось христианство в изучаемую эпоху. В данной статье предпринимается попытка проследить взаимодействие языка и культуры германского племени вестготов с христианской культурой. Лингвокультура вестготов дошла до нас в форме немногочисленных рунических надписей и обрывков переводов библейских текстов, наиболее полно сохранившимся из которых является «Серебряный кодекс», в котором христианские представления соприкасаются с языческими представлениями готов.

Средневековые переводы Библии ставили своей целью полностью заменять оригинал, быть его абсолютным аналогом, и потому на всех языковых уровнях им был свойственен буквализм. Однако опора на постулат лингвокультурологии об изоморфизме языка и культуры, позволяет рассматривать любой перевод как средство межкультурного взаимодействия, а значит и источника знаний о культуре языка перевода.

Основная часть

«Серебряный кодекс» по настоящее время остаётся одним из главных источников наших сведений о готах. По мнению Л. Мункхаммара, текст готской Библии демонстрирует, как один человек (епископ Вульфилла) предпринял попытку донести библейский текст и его культурные смыслы и феномены до народа, говорящего на готском языке, стараясь при этом не отступать от греческого текста Священного писания [Munkhammar, 2017]. Однако, несмотря на то, что в исследованиях готского языка и культуры, подчёркивается буквализм, характерный для перевода Нового завета, наиболее ярко заметный на синтаксическом уровне, в нём отмечается малая доля заимствований и скрупулёзный подход к подбору слов [Мецгер, 2004, Ганина, 2001]. В статье, посвящённой переводам Библии на древнегерманские языки и их отношение к первоисточникам, Е. Б. Яковенко отмечает, что концептуальные расхождения между переводом и источником, которые проявляются в отсутствии семантического тождества ключевых слов в тождественных структурно-семантических контекстах, являются следствием «неравномерного картинирования мира представителями разных культур» [Яковенко, 2017]. Иными словами, готский перевод, как и любой другой, не мог тождественно отразить переводимый текст; переводчик был вынужден опираться на собственную лингвокультуру, отражающую уникальное мировосприятие, уникальную ментальность, уникальный образ мыслей.

О связи мышления и языка писал ещё А. А. Потебня, развивая идеи В. фон Гумбольдта, он определял внутреннюю форму слова не только как ближайшее этимологическое значение, понятное носителям языка, но и как «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль». Рассуждая далее о внутренней форме слова, он писал: «Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, даёт ещё знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Потебня, 2012]. Интерпретируя взгляды А. А. Потебни, Ю. С. Степанов в труде «Константы: Словарь русской культуры» рассматривает внутреннюю форму слова в качестве одного из слоёв содержания культурного концепта, который выражается в слове, подчёркивая при этом, что для пользующихся данным языком

этот слой существует «опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений» [Степанов, 2004]. Описывая культурный концепт, Ю. С. Степанов пишет о неслучайности именования явлений, которые одновременно принадлежат языку и культуре: «Язык принуждает, точнее мягко и благотворно направляет людей в именованиях, присоединяя поименованное к самым глубинным пластам культуры» [Степанов, 2004]. К сожалению, в случае племени вестготов практически невозможно говорить о реконструкции культурных или лингвокультурных концептов, которые требуют глубокого анализа обширного материала: объём исторических сведений и письменных памятников слишком невелик. Однако терминосистема лингвокультурологии в настоящее время располагает понятием лингвокультуры, определяемой как единица языка с эталонным, образно-метафорическим значением в культуре, которая обобщает результат деятельности человеческого сознания [Опарина, 1999]. В качестве знаковой стороны лингвокультуры может выступать как отдельная лексема, так и целый текст, её языковое содержание легко вычлняется лингвистическими методами. При этом, по словам В. В. Воробьёва лингвокультура более «глубокая» по своей сути единица, чем слово» [Воробьёв, 2008], что возвращает нас к внутренней форме слова, которая, на наш взгляд, как раз и является отражением того глубокого, образно-метафорического содержания языковой единицы, которое превращает слово в лингвокультуру.

В данной статье предпринимается попытка «реконструировать» один из важных элементов готской лингвокультуры германского племени вестготов, опираясь на взаимодействие их языка и культуры с культурой христианской. Изучение готско-греческих корреляций демонстрирует в большей мере ориентир перевода на древнегерманские мировоззренческие категории и автохтонные концепции, и в малой доле – опору на греческие семантические модели [Ганина, 2001]. Потому видится возможным получить представление если не о готской лингвокультуре, то о лингвокультурных особенностях готского христианства. Также, Н. В. Ганина отмечает, что ориентация готского переводчика на категории древнегерманского мировоззрения выражается в регулярном употреблении исконных слов, а выполняемые трансформации преследуют цель не просто подменить исходные понятия и категории, но вытеснить образы чужой традиции. В готской мировоззренческой и сакральной терминологии отчётливо видна опора на общегерманские и индоевропейские основы [Ганина, 2001]. Примером тому служит готское прилагательное *gōþs* «хороший», которое находится в фокусе внимания автора данной статьи.

Прилагательное *gōþs* «хороший» имеет довольно прозрачную этимологию и строгие параллели, как в германских, так и в других индоевропейских языках, особенно языках славянской группы. Восстанавливают общегерманскую основу **goda-* «подходящий, хороший», образованную в результате чередований по аблауту (продлённая *o*-ступень) от утерянного сильного глагола **gadan-* «подходить» (ср. д.и. *gōðr*, д.а. *gōd*, д.в.н. *guot*) и производны слабым глаголом **gadōjan* «подходить друг к другу» [Kroonen, 2013]. В свою очередь о.г. **goda-* и **gadan-* возводятся к индоевропейскому корню **ghedh-*, *ghodh-* «соединять, быть крепко соединённым, устанавливать связь». В словаре Ю. Покорного находим следующие германские параллели: д.фр. *gadia* «объединять», *gaderia* «сливаться, объединяться» д.в.н. *bigatōn* «собирать таким образом, что подходит» и тут же д.а. *(ge)gada* «товарищ, супруг», *gadeling* «товарищ, соратник», гот. *gadiliggs* «двоюродный», д.шв.

gaduling «родственник», д.в.н. *gatulinc*, *gatilinc* «родственник, двоюродный, спутник», д.а. *geador*, *tō gædere* «вместе», д.фр. *gadur*, д.а. *gadrian*, *gæd(e)rian* «собирать». Среди индоевропейских параллелей находим: д.инд. *gádhya-h* «крепко склеивать»; *ú-gadhita-h* «сцепленный»; ст.-слав. *ГОДЬ* «время, пора», *ГОДЬНЬ* «услужливый, угодливый», рус. *годный* “, чеш. *hodný* «пригодный, достойный, способный» и др. [Pokorný, 2007]. В самом наличии в лингвокультуре германских племён единицы с подобной этимологией усматривается отражение древней концептуальной модели мира «свой – чужой».

Бинарное противопоставление «свой – чужой», наряду с «жизнь – смерть», «верх – низ», «космос – хаос», «добро – зло», реализовывалось в мифологических и ритуальных текстах древних; два элемента диады определяли дискретность единого целого – мира, в котором существовал человек, пространства, в котором проживала этническая общность [Байбурин, 1990; Верховский, 2014; Маковский, 1996]. Всё пространство делилось на «метафизически освоенное (познанное) – неведомое, враждебное». Как отмечает Ю. С. Степанов, «мир» в древнейших культурах индоевропейцев – это место, где живут люди «моего племени», «моего рода», «мы», место хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует «порядок», «согласие между людьми», «закон»; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще от другого пространства, где живут «чужие», неизвестные, где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно». [Степанов, 2004]. На основании этого *gōþs* будет рассматриваться в данной статье как один из базовых элементов готской лингвокультуры.

На сохранившихся страницах «Серебряного кодекса» прилагательное *gōþs* встречается наиболее часто в сравнении с другими способами выражения положительной оценки, насчитывает 27 случаев употребления и используется при описании следующих существительных: *akran* «плод», *airþa* «земля», *bagms* «дерево», *hairdies* «пастырь, пастух», *hairtō* «сердце», *mitaþs* «мера», *skalks* «слуга», *waurstw* «деяние, поступок», *wilja* «воля». В большинстве случаев соответствия этим единицам в греческом тексте описываются прилагательным *καλός* (19 случаев). Из прочих оценочных прилагательных, встречающихся в древнегреческом тексте и имеющих соответствия готскому *gōþs*, встречаются *ἀγαθός* (4 случая), *χρηστός* (1 случай), сложное существительное *εὐδοκία* (1 случай перевода широко распространенного в греческом тексте корня *εὐ-*) и один случай полного отсутствия оценки в греческом тексте, своеобразный «семантический ноль».

Греческие синонимы *καλός* и *ἀγαθός* способны указывать как на внутренние, так и на внешние качества: *καλός* – 1) красивый, прекрасный, прелестный; 2) добрый, хороший, благополучный, благоприятный, благодетельный; 3) добрый, благой, добродетельный; *ἀγαθός* – 1) добрый, благой, щедрый; 2) хороший, полезный. Прилагательное *καλός* возводится к индоевропейскому корню **kal-²*, *kali-*, *kalu-* со значением «красивый, здоровый» [Pokorný, 2007] и подчеркивает гармоничную полноту и законченность, стройность, пропорциональность и соразмерность. Прилагательное *ἀγαθός* в ср.р. ед.ч. употребляется в значении существительного «добро, благо», а во мн.ч. – «имущество», его этимология остаётся неясной и чаще относится к догреческому субстрату [Beekes, 2010]. Прилагательное *χρηστός* «хороший, подходящий, полезный» образовано от *χρη* «необходимо» от индоевропейского **gher-⁶* (*gherā-* : *ghrē-*) [Pokorný, 2007]. Корень *εὐ-*, традиционно переводимый как «благо-», непротиворечиво возводится к индоевропейскому **esu-s* со

значением «хороший, благородный, знатный» [Pokorny, 2007; Beekes, 2010] (примечательно, что прилагательное используется либо в среднем, либо в мужском роде, где *ēṛs* (муж.р.) «хороший, смелый, сильный (в военных делах)» [Beekes, 2010]), при этом в готско-греческих парах сложные слова на *ēṛ-* не имеют строгих корреляций.

Перейдём к непосредственному анализу фактов готского языка и попытаемся выявить специфически готские культурные смыслы, опираясь на контексты и ситуации употребления.

Отражения упомянутого ранее древнего и универсального представления «свой – чужой» реализованного в готском *gōþs* в находим в Евангелии от Матфея (5:45), в строках Нагорной проповеди Христа, посвящённых пояснению закона Моисеева:

ei wairþaiþ sunjus attins izwaris þis in himinam, unte sunnon seinu urranneif ana ubilans jah godans, jah rigneif ana garaihtans jah ana inwindans. – ὅπως γένησθε υἱοὶ τοῦ πατρὸς ὑμῶν τοῦ ἐν οὐρανοῖς, ὅτι τὸν ἥλιον αὐτοῦ ἀνατέλλει ἐπὶ πονηροῦς καὶ ἀγαθοῦς καὶ βρέχει ἐπὶ δικαίους καὶ ἀδίκους. – да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Здесь собирательное *godans* «добрые : свои» противопоставлено *ubilans* «злым : чужим», для которого Г. Кроонен реконструирует общегерманское **ubila-* «злой, плохой» (ср. д.а. *yfel* «злой, больной», д.шв. *ubil* «злой», д.в.н. *ubil* «злой, плохой, неправильный») [Kroonen, 2013], а в словаре Ю. Покорного эта основа возводится к индоевропейскому корню **uro, ur, eur, (e)ur-s* со значением «под, из под, нечто находящееся под». Древнее противопоставление «свой – чужой» сливается здесь с другим противопоставлением – «верх – низ».

Ярким примером несовпадения объёмов значения готских и греческих единиц служит отрывок из Евангелия от Матфея (7:17-19), в котором метафорически описываются пророки, лжепророки и их деяния:

swa all bagme godaize akrana goda gatauif, if sa ubila bagms akrana ubila gatauif. ni mag bagms þiufeiþs akrana ubila gatauif, nih bagms ubils akrana þiufeiþa gatauif. all bagme ni taujandane akran god usmaitada jah in fon atlagjada. – οὕτως πᾶν δένδρον ἀγαθὸν καρποῦς καλοῦς ποιεῖ, τὸ δὲ σαπρὸν δένδρον καρποῦς πονηροῦς ποιεῖ: οὐ δύναται δένδρον ἀγαθὸν καρποῦς πονηροῦς ποιεῖν, οὐδὲ δένδρον σαπρὸν καρποῦς καλοῦς ποιεῖν. πᾶν δένδρον μὴ ποιοῦν καρπὸν καλὸν ἐκκόπτεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται. – Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.

В греческом тексте наблюдается последовательное описание дерева, метафоры человека, источника плодов-деяний, при помощи *ἀγαθός* «хороший : добрый, благой, щедрый», что связано с описанием качеств, которыми человек обладает, а описание плодов-деяний при помощи *καλός* «хороший : добрый, благополучный, красивый», и соответствует способу оценки неметафорических деяний (Мф 5:16, Иоан 10:32-33,). В готском тексте в стихе 17 и дерево, и плоды описываются прилагательным *gōþs*, а в стихе 18 – прилагательным *þiufeiþs*. Это единственный случай использования *þiufeiþs* для передачи *καλός* и редкий случай использования прилагательных *gōþs* и *þiufeiþs* в качестве непосредственных синонимов.

В Евангелии от Луки (8:8), встречаем сходную по механизму образования метафору, описывающую распространение слова Божия и его восприятие последователями Христа:

jah anþar gadraus ana airþai godai jah uskeinoda jah tawida akran taihuntaihundfalþ. – kai ἕτερον ἔπεσεν εἰς τὴν γῆν τὴν ἀγαθὴν, καὶ φρέν ἐποίησεν καρπὸν ἑκατονταπλασίονα. – а иное [семя] упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный.

При этом в стихе 15 той же главы в греческом тексте используется синоним (ср. ἐν τῇ καλῇ γῇ), а готский переводчик остаётся верен первоначальному способу описания (*ana þizai godon airþai*). В Евангелии от Марка (4:8, 4:20) при описании того же эпизода в греческом встречаем *εἰς τὴν γῆν τὴν καλὴν* и *ἐπὶ τὴν γῆν τὴν καλὴν*, а в готском *in airþa goda* и *ana airþai þizai godon* соответственно. И метафора «дерево», и метафора «земля» в готском более последовательно описывались, а значит, и воспринимались в архаическом ключе, когда этическое противопоставление было ограничено преимущественно представлениями о пользе или вредности для коллектива тех или иных явлений [Метелинский, 1991]. Земля хороша, только если она пригодна для взращивания, дерево хорошо, только если оно плодоносит (о том, что готы жили осёдло и занимались плужным земледелием и скотоводством свидетельствуют как археологические данные о вестготах в IV в. [Корсунский, 1984], так и довольно обширный пласт засвидетельствованной земледельческой лексики [Скардильи, 2012]).

Особый интерес представляет случай готской интерпретации полного отсутствия оценки в греческом тексте. В Евангелии от Иоанна (15:2) переводчик окрашивает греческое безоценочное суждение положительно, приравнивая «плод» к «хорошему, пригодному плоду»:

all taine in mis unbairandane akran goþ, usnimip ita: jah all akran bairandane, gahraineip ita, ei managizo akran bairaina. – πᾶν κλήμα ἐν ἐμοὶ μὴ φέρον καρπὸν, αἴρει αὐτό, καὶ πᾶν τὸ καρπὸν φέρον καθαίρει αὐτὸ ἵνα καρπὸν πλείονα φέρῃ. – Всякую у меня ветвь не приносящую плода, он отсекает; и всякую приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода.

Подобная интерпретация-уточнение может свидетельствовать о попытке проникновения в сакральные смыслы, отнюдь не противоречащие духу христианства. При этом снова на первый план выходит утилитарный взгляд: плохие плоды так же бесполезны, как и отсутствие плодов.

Актуализацию значения пригодности также можно наблюдать в описании людей, выполняющих свою работу, служащих своему делу: в Евангелии от Иоанна (10:11, 10:14) Иисус проповедует и описывает себя как «доброго пастыря», хорошего пастуха, который следит за своими овцами *hairdeis gods, hairdeis sa goda* (в греч. *καλός*), и в Евангелии от Луки (19:17) в притче слуга (в синод. «раб»), приумноживший богатство господина, именуется «хороший слуга» *goda skalk* (в греч. *ἀγαθός*). Если в первом случае можно говорить о последовательном переводе с греческого, то второй случай явно представляет собой переводческую интерпретацию, в которой душевные качества слуги отходят на второй план, а на первый выходит его способность соответствовать заданной роли.

В случаях описания качеств человеческой души, доброты сердца *gōþs* встречается лишь однажды (*in hairtin godamma jah seljamma*) и скорее является ходом переводчика, который строго следовал сакральному первоисточнику, где сердце описывалось при помощи двух слов: ἐν καρδίᾳ καλῇ καὶ ἀγαθῇ (Лк 8:15). При этом *gōþs* соответствует *καλός*, а *ἀγαθός*

передается прилагательным *sēls* «хороший, добрый». В остальных случаях используется *þiubeigs* «добрый, благой», производное от *þiuf* «добро, благо», возводимое к общегерманской основе **þeudja-* «благоприятный, благоволяющий» [Kroonen, 2013].

Выбиваются из общей тенденции два случая употребления. В Евангелии от Луки (6:35) Христос, в отрывке из Нагорной проповеди о добром отношении к людям неблагодарным, злым, врагам, описывает Бога-отца:

unte is gods ist þaim unfafram jah unseljam. – ὅτι αὐτὸς χρηστός ἐστὶν ἐπὶ τοὺς ἀχαρίστους καὶ πονηροὺς. – ибо Он благ и к неблагодарным и злым.

И хотя традиционный перевод *χρηστός* – «благ, милостив», первичный взгляд на этимологию греческой единицы даёт больше оснований говорить о пользе, полезности, необходимости того, что с его помощью описывается.

Также только однажды готское *gōþs* соответствует греческому корню *εὖ-* в *εὐδοκία* (Лк 2:14). Сложные слова с этим корнем часто встречаются в тексте Писания на греческом и имеют самые разнообразные готские корреляты. В данном контексте, ангел является пастухам возвестить о рождении Христа и к нему присоединяется небесное воинство, славящее Господа словами:

wulþus in hauhistjam guda jah ana airþai gawairþi in mannam godis wiljins. – δόξα ἐν ὑψίστοις θεῷ καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη ἐν ἀνθρώποις εὐδοκίας. – слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!

В готском встречаем форму родительного падежа *godis wiljins*, явно относящуюся к *mannam*; то есть в готском тексте речь идёт о «людях доброй воли», или, если отталкиваться от греческого текста, о «людях благой воли», в чьих руках «мир на земле». Если эта догадка верна, то *gōþs* также реализует в данном контексте представление о «своём». Однако оба примера требуют более подробного концептуального анализа греческих контекстов и прочих соответствий в готском.

Заключение

В результате исследования этимологии и употребления в контексте *gōþs* можно рассматривать как основное средство актуализации положительной оценки в готском тексте. Будучи наиболее частотным, *gōþs* в большинстве случаев выступает в качестве соответствий греческим прилагательным *καλός* и *ἀγαθός*, единичны случаи соответствий *χρηστός* и сложным словам с корнем *εὖ-*. Этимология, внутренняя форма и этимологические параллели *gōþs* раскрывают глубинные слои значения исследуемой единицы: «хороший» значит «близкий, находящийся в своём круге обитания, связанный с нами родством». В этом усматривается отражение древней концептуальной модели мира, выраженной в дихотомии «своё – чужое». Готское «хороший» – это также «подходящий, пригодный, полезный», о чем ярко свидетельствует контекстное употребление *gōþs*. Отсутствие очевидной расчленённости представлений о «хорошем» и «добром» при переводе *καλός* и *ἀγαθός* вновь и вновь наводят на мысль об ахраичности представлений готов. Для более полной реконструкции семантической и культурной наполненности *gōþs* необходимо провести дальнейший этимологический и контекстный анализ его синонимических и антонимических полей, где будут подробно рассматриваться и вписываться в лингвокультурологический контекст пары *gōþs* – *ubils*, *sels* – *unsels*, оценочные прилагательные и наречия.

Список литературы

1. Байбурин А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры / ред. Путилов Б. Н. Ленинград: Наука, 1990 // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/012/baybur.htm> (дата обращения: 02.05.2020).
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Москва: Изд-во «Российский университет дружбы народов», 2008. 340 с.
3. Верховский И. А. Мифологема «свое-чужое» в архаической мирорефлексии (опыт философской интерпретации) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Том 14. Вып. 3. С. 58–69
4. Ганина Н. А. Готская языческая лексика. Москва: Изд-во «Московский университет», 2001. 176 с.
5. Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). Москва: Изд-во «Московский университет», 1984. URL <http://annales.info/evrope/korsunsk/index.htm> (дата обращения: 02.05.2020).
6. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.
7. Метелинский Е. М. Мифологический Словарь. Москва: Советская Энциклопедия, 1991. URL <http://www.bibliotekar.ru/mif/index.htm> (дата обращения: 02.05.2020).
8. Мецгер Б. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения. Москва: Изд-во «Библейско-богословский институт», 2004. 552 с.
9. Опарина Е. О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура: Сб. обзоров. Москва: ИНИОН РАН. 1999. 109 с.
10. Потебня А. А. Мысль и язык. Москва: Нобель Пресс, 2012. 234 с.
11. Синодальный перевод Библии. URL: <https://allbible.info/bible/sinodal> (дата обращения: 04.05.2020).
12. Скардилы П. Готы: язык и культура. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012. 388 с.
13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Академический проект, 2004. 992 с.
14. Яковенко Е. Б. Переводы Библии на древнегерманские языки и их отношение к первоисточникам // LINGUA GOTICA: новые исследования. Вып. 3. / Отв. ред. Е. Б. Яковенко. Москва: БукиВеди, 2017. С. 223–231
15. Beekes R. Etymological Dictionary of Greek // Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. by A. Lubotsky. Vol. 1. URL: https://www.bulgari-istoria-2010.com/Rechnici/Etymolog_Greek.pdf (дата обращения: 04.05.2020).
16. Codex Argenteus. The Gothic Bible // Project Wulfila. 2004. URL : <http://www.wulfila.be/gothic> (дата обращения 14.10.2019).
17. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Brill. Leiden-Boston 2013 // Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. by A. Lubotsky. Vol. 2 URL : https://www.bulgari-istoria-2010.com/Rechnici/A_Lyubotski_Protogermanik_dict.pdf (дата обращения: 04.05.2020).
18. Munkhammar L. Codex Argenteus in Print // LINGUA GOTICA: новые исследования. Вып. 3. / Отв. ред. Е. Б. Яковенко. Москва: БукиВеди, 2017. С. 33–45
19. Pokorny Proto-Indo-European Etymological Dictionary. A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch // Ed. by A. Lubotsky. Indo-European Language Revival Association. 2007. 3441p. URL: <https://marciorenato.files.wordpress.com/2012/01/pokorny-julius-protogermanic-etymological-dictionary.pdf> (дата обращения 04.05.2020).

Petkova E. N.

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University

«GŌÞS» AS LINGUISTIC AND CULTURAL CONCEPT IN «CODEX ARGENTUS»

The article aims at researching the Gothic translation of the Sacred Scriptures, known as “Codex Argenteus” or the Silver Book. Bishop Ulfila is credited with its translation. The nature of the text and limitations of the analysis imposed by the sacred character of the material are reflected on all linguistic levels. However, despite the fact that the Gothic translation of the New Testament is parallel in respect of the word order and syntax patterns, very few lexical borrowings from Greek or Hebrew occur on the lexical level. Basing on previous research of Gothic correspondences to Greek, which have demonstrated that the Gothic text is in alignment with the autochthonous motifs, this work attempts to describe key elements of Gothic Christianity. This work focuses on the adjective gōþs and views it as the main means of expressing positive assessment in the Silver Book. Most frequent Gothic correspondences to Greek καλός is gōþs, however it is also used to translate ἀγαθός, χρηστός and some complex words with εὔ-root, other variants of translation still occurring. The adjective gōþs has a clear etymology with reconstructed Proto-Germanic *goda- “suitable” and Indo-European *ghedh-, ghodh- “to join, to make a bond”, other Germanic cognates suggest correlation of gōþs with indications of kinship. This allows to view gōþs both as “suitable, fitting, joined, made bond with” and as “bonding, belonging to the same kin, blood-related”. Given that, gōþs might as well reflect ancient conceptual views of the world and convey the dichotomy “good – bad” in “my kin – their kin” or “familiar – unknown” perspective, in contrast to Greek means of expressing positive assessment where the inner forms of the words also refer to the concepts of “outward beauty” and “kindness”. The results of context analysis leads to conclusion that gōþs also leans toward the concept of “usefulness, utility”.

Keywords: linguistic and cultural concept, dichotomy of good and bad, Gothic, the Gospels, Codex Argenteus

УДК 81`37

Химинец Елена Михайловна

Старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 2396306
E-mail: ellen.lm@mail.ru

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ВОЕННОГО СОБЫТИЯ «СЕРВАЛ»¹

Статья посвящена изучению семантического поля военного события «Сервал», которое получило широкое освещение в СМИ Франции и позиционировалось как операция, война, интервенция, наступление. Учитывая, что структура семантического поля может варьироваться в различных источниках, рассмотрим детально, какие лексические единицы (ЛЕ) репрезентировали данное событие (на материале старейшей французской ежедневной газеты «Le Figaro»). Для проведения анализа был составлен корпус, работа с которым проводилась с применением программы Sketch Engine. С помощью данного инструмента был составлен список ЛЕ, который был проанализирован и из которого были отобраны только единицы, репрезентирующие военное событие «Сервал». Далее было изучено контекстное употребление ЛЕ, составлена лексико-семантическая группа и выявлена архисема. Изучение компонентов семантического поля проводилось с помощью компонентного анализа – метода исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющего целью разложение значения на минимальные семантические составляющие. Были проанализированы отраслевые словари, посвящённые военному делу, политологии, юриспруденции, составлена схема военного события, которая включает следующие компоненты значения: форма, характеристика, средства, причина, цель, масштаб. По данной схеме был проведен анализ ЛЕ. После проведённого анализа был определён гипероним лексико-семантической группы, проанализированы компоненты значения ЛЕ и выявлены семантические признаки. В рамках данной статьи рассматриваются принципы анализа семантического поля, изучается семантическое ядро наиболее частотных ЛЕ.

Ключевые слова: семантическое поле, сема, отраслевой словарь, операция, война, французские газеты.

¹ В январе 2013 г. на территории Мали началось военное событие «Сервал». Это было вызвано опасной ситуацией, которая складывалась на территории бывшей колонии Франции (Мали стало независимым государством только в сентябре 1958 г.). Среди многочисленных этносов Мали особое место занимают туареги, конфликт с которыми и привёл к расколу страны и образованию непризнанного Независимого Государства Азавад (НГА), на территории которого действовали группировки исламистов «Ансар-ад-Дин», «Аль-Каида в странах исламского Магриба» и «Движение за единство и джихад в Западной Африке». Север страны стал не подконтрольным официальной столице Мали Бамако. 11 января 2013 г. началось наступление джихадистов на Бамако, и Франция, по согласованию с правительством Мали, начала военные действия. В результате исламисты были выбиты из основных населённых пунктов и отнесены в отдалённые районы Мали.

Введение

Одним из способов изучения номинации военного события «Сервал» является составление семантического поля. В современном языкознании семантическое поле определяется как совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [Кобозева, 2000, с. 99].

Семантическое поле характеризуется следующими основными свойствами:

- 1) наличием семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- 2) системным характером этих отношений;
- 3) взаимозависимостью и «взаимоопределяемостью» лексических единиц;
- 4) относительной автономностью поля;
- 5) непрерывностью обозначения его смыслового пространства;
- 6) взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря) [Там же].

В семантическое поле обычно входят лексико-семантические группы (ЛСГ). Это «большая группа слов одной части речи, объединённых одним словом – идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах» [Попова, Стернин, 2007, с. 257]. ЛСГ определяется идентификатором или архисемой – это признаки, объединяющие группы слов внутри части речи [Там же, с. 249].

В рамках данной статьи планируется описать работу с корпусом статей, построить лексико-семантическое поле с помощью компонентного анализа и провести анализ ЛСГ, включающей наиболее частотные номинации.

Изучение компонентов семантического поля будет проводиться с помощью компонентного анализа. Он понимается как процедура расщепления значения на составные части [Селиверстова, 2004, с. 81], как «последовательность процедур, которая будучи применённой к словам языка, ставит в соответствие каждому слову определённым образом организованный набор семантических компонентов» [Кобозева, 2000, с. 111]. Предположение о том, что значение каждой единицы языка (в том числе слова) состоит из набора семантических компонентов – это одна из основных гипотез, на которых базируется метод компонентного анализа [Там же, с. 110].

Основная часть

В рамках данной статьи предпринята попытка исследования номинаций, репрезентирующих военное событие «Сервал» во французской прессе. Для проведения данного исследования вручную составлялся лингвистический корпус. Под лингвистическим корпусом понимается информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме [Национальный корпус русского языка]. Источником корпуса послужила электронная версия газеты «Le Figaro». Был проведён отбор материала сначала по датам военного события в период с 12.01.2013 г. по 31.01.2013 г., далее по ключевому слову «Сервал». Затем проводился контент-анализ и отбор статей,

посвящённых военному событию на территории Мали. Сформированный корпус включает 50 статей или около 150 тыс. знаков.

Для получения списка ЛЕ, объективирующих военное событие в составленном корпусе, была применена программа Sketch Engine, (предназначенная для управления корпусом и анализа текста) и инструмент «keywords» (определяющий отдельные слова, которые чаще встречаются в корпусе) [Sketch Engine]. С помощью данного инструмента составлен список ЛЕ, который был проанализирован и из которого были отобраны только единицы, репрезентирующие военное событие «Сервал». Данные представлены на рисунке 1.

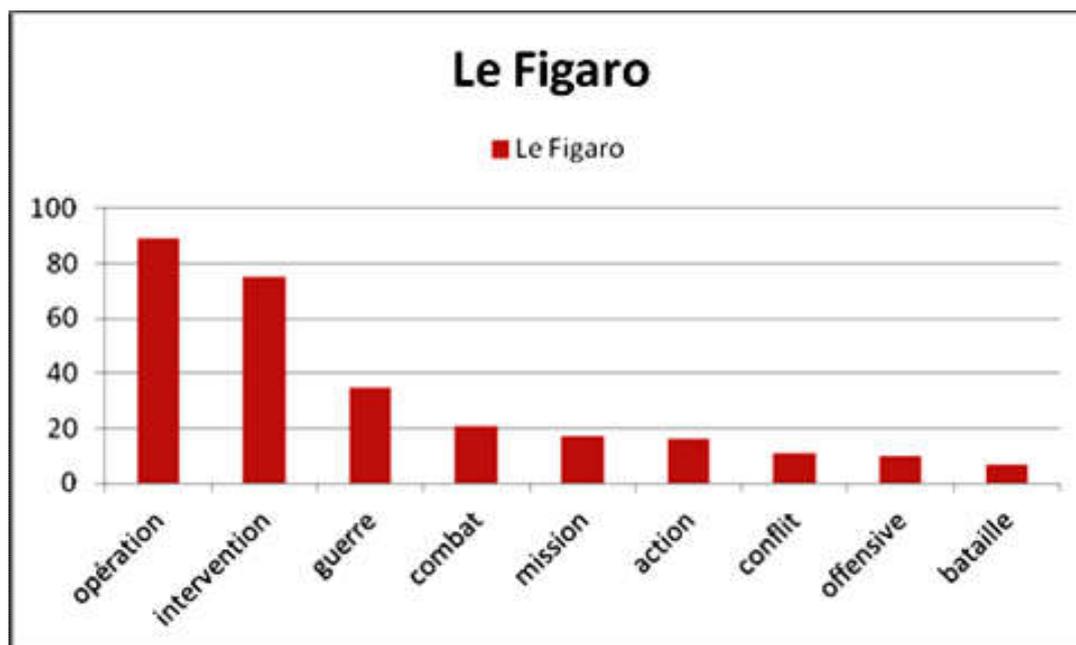

Рис. 1. ЛЕ репрезентирующие военное событие «Сервал»

Всего было отмечено 9 ЛЕ – это opération (89), intervention (75), guerre (35), combat (21), mission (17), action (16), conflit (11), offensive (10), bataille (7). В рамках данной статьи предлагаем рассмотреть самые частотные языковые единицы: opération (операция), intervention (интервенция), guerre (война), combat (бой). Рассмотрим, контекстное употребление наиболее частотных ЛЕ.

Французская и малийская армии вошли в город Диабали, который был захвачен джихадистами. Не встретив сопротивления, войска вошли в город и были тепло встречены местными жителями: «*Cette entrée dans Diabali confirme que les quelque 2000 soldats français de l'opération Serval déjà présents au Mali progressent vers le Nord, après avoir consolidé leurs positions sur deux points stratégiques à plusieurs centaines de kilomètres au nord-est de Bamako, Niono et Sévaré*» («Это присутствие в Диабали подтверждает, что около 2000 французских солдат участвующих в операции «Сервал» и находящихся в Мали, продвигаются в северном направлении, закрепив свои позиции в двух стратегических точках в нескольких сотнях километров к северо-востоку от Бамако, Нионо и Севарэ») [Le Figaro]. В данном случае принадлежность к военной сфере репрезентируют, такие лексемы как «солдат», «операция», «закрепить позиции», «стратегические точки».

Следующая ЛЕ «*intervention*» встречается в текстах, описывающих самое начало военного события, а именно: 12 января был убит первый французский военный, пилот боевого вертолета. Позже глава государства выразил свои соболезнования. «*Samedi soir, le chef de l'État lui a rendu hommage tout en assurant que la mission de la France n'était pas achevée. Selon lui, l'intervention française a porté «un coup d'arrêt» à la progression de la rébellion*» («В субботу вечером, глава государства почтил его память гарантируя, что миссия Франции не была завершена. По его словам французская интервенция нанесла удар по наступлению повстанцев») [Le Figaro]. В этом примере принадлежность к военной сфере репрезентируют такие лексемы как «интервенция», «нанести удар», «наступление», «повстанцы».

ЛЕ «*guerre*» очевидно репрезентирует военное значение в следующем примере, когда в одной из статей газеты «Le Figaro» появляется информация о ходе военных действий на территории Мали: «*La deuxième phase de la guerre sera terrestre*» («Второй этап войны будет наземным») [Le Figaro]. Принадлежность к сфере военного значения репрезентирует лексема «война».

Последний пример репрезентирует значение ЛЕ «*combat*». Министр обороны объявил, что «*pour l'heure, l'armée malienne a enregistré dans ses rangs 11 morts et une soixantaine de blessés dans les combats menés conjointement contre les islamistes*» («На данный момент в рядах малийской армии констатировано 11 убитых и около шестидесяти раненых в боях с исламистами») [Le Figaro]. В данном примере отношение к военному значению репрезентировано лексемами «армия», «убитые», «раненные», «бой», «исламисты».

На основании приведённых примеров можно утверждать, что архисемой данных ЛЕ является принадлежность к военной сфере, что позволяет объединить данные ЛЕ в лексико-семантическую группу.

Далее проведём компонентный анализ и выявим компоненты значений указанных ЛЕ. Под компонентным анализом слова принято понимать метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие [Лингвистический энциклопедический словарь]. Компонентный анализ значения непосредственно связан со структурой лексического значения и строится на той предпосылке, что все значения, кроме тех, что совпадают с элементарными понятиями, состоят из компонентов, а именно содержат более простые понятия, связанные зависимостями в целостную структуру значения [Никитин, 2007, с. 110]. В основе анализа лежит гипотеза о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов, и что словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и относительно небольшого числа семантических признаков. Метод заключается в анализе дефиниций лексем в толковых словарях, выделении компонентов этих словарных дефиниций и интерпретации их как отдельных дифференциальных признаков значения слова – сем [Попова, Стернин, 2007, с.125]. Компонентный анализ наиболее эффективен в выявлении семантического ядра ЛЕ при анализе словарных значений.

Были проанализированы отраслевые¹ словари посвященные военному делу, политологии, юриспруденции и т. д. На материале изученных словарей нам представляется целесообразным представить схему военного события, которое включает следующие

¹ Под отраслевыми словарями, понимаются словари содержащие терминологию одной или нескольких специальных областей знаний [Русский язык. Энциклопедия русского языка].

компоненты значения: форма, характеристика, средства, причина, цель, масштаб. Согласно предложенной схеме, мы изучили наиболее частотные единицы.

Проанализируем самую частотную ЛЕ «*opération*» (операция):

– по форме – это «*боевые действия*» [Краткий словарь оперативно-тактических и общевойсковых терминов];

– характеристика – это «*совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени одновременных и последовательных операций нижестоящего уровня, сражений, боевых действий, ударов и маневра, проводимых по единому замыслу и плану во взаимодействии с объединениями, соединениями и частями других видов и родов войск Вооруженных Сил и воинскими формированиями*» [Военный энциклопедический словарь];

– средством для проведения операции являются действия «*разнородных войск*» [Словарь военных терминов];

– цель – это решение стратегических и оперативных задач, «*проводимых по единому замыслу и плану для решения стратегических, оперативно-стратегических, оперативных или оперативно-тактических задач на ТВД, стратегическом (операционном) направлении или в районе (зоне) чрезвычайной ситуации в установленный период времени*» [Словарь терминов МЧС];

– масштабы «*операции определяются пространственным размахом, продолжительностью и составом привлекаемых войск (сил флота)*» [Война и мир в терминах и определениях].

Следующая по встречаемости ЛЕ – это «*intervention*» (интервенция). В словаре В. Г. Гака первое значение данной ЛЕ – «*вмешательство*», второе значение с пометой *milit.* «*интервенция*». Согласно схеме эта ЛЕ включает следующие компоненты значения:

– форма – «*насильственное вмешательство*» [Политическая наука: Словарь-справочник: Электронный ресурс].

– характеристика «*признается международным правом тяжчайшим преступлением против международного мира, наиболее опасной формой применения силы*» [Энциклопедия права].

– причина «*вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства, направленное против его территориальной целостности или политической независимости*» [Большой юридический словарь: Электронный ресурс].

– цель – «*захват территории, установление своего политического доминирования, экономического подчинения, приобретение разного рода привилегий*» [Военный энциклопедический словарь].

Далее рассмотрим компоненты значения ЛЕ «*guerre*»:

– форма – «*социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения противоречий между государствами, народами, нациями*» [Словарь военных терминов];

– характеристика – «*наряду с вооружённой борьбой, которая составляет главное содержание войны, для достижения поставленных в войне целей применяются также дипломатические, экономические, информационные и другие формы и средства противоборства, а также соответствующие им средства*» [Справочник по терминологии в оборонной сфере: Электронный ресурс];

– средства – «главным средством ведения войны являются вооруженные силы и другие военизированные формирования» [Политическая наука: Словарь-справочник];

– причина – «война в отличие от других форм вооруженного насилия (военного конфликта, вооруженного восстания и др.) порождается прежде всего глубинными социально-политическими и социально-экономическими причинами ... сущностью войны является продолжение внутренней и внешней политики воюющих сторон» [Военный энциклопедический словарь];

– цель «сохранение, восстановление или приобретение спорных прав и интересов, участниками которой могут быть государства, народы, национально-освободительные движения, а также социальные группы и другие стороны во внутреннем вооруженном конфликте» [Энциклопедия права: Электронный ресурс];

– масштаб – «война ведет к качественному изменению состояния всех сфер общественной жизни: социальной, политической, экономической, духовной, так как происходит их кардинальная перестройка на военный лад» [Военный энциклопедический словарь], кроме того «война как явление имеет весьма неопределенные границы» [Политика. Толковый словарь].

Последняя рассматриваемая в рамках данной статьи единица «combat». В словаре В. Г. Гака в первом и втором значении переводится как «бой». Далее рассмотрим ЛЕ согласно предложенной схеме:

– форма – «организованное вооруженное столкновение подразделений, частей и соединений сухопутных, воздушных или морских сил воюющих сторон» [Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных терминов];

– средства – действия «войск, авиации и сил флота» [Война и мир в терминах и определениях];

– цель «уничтожение противника, отражение его атак, принуждение к отказу от выполнения поставленной задачи» [Справочник по терминологии в оборонной сфере];

– масштаб – «проводится обычно ... в ограниченном районе в течение короткого времени» [Военный энциклопедический словарь].

Результаты данного анализа представим в виде таблицы.

Таблица 1. Результаты компонентного анализа

СЛОВА	СЕМА					
	форма	характеристика	средства	причина	цель	масштаб
opération	+	+	+		+	+
intervention	+	–		+	+	
guerre	+	+	+	+	+	+
combat	+		+		+	+

Заключение

ЛЕ «guerre» является гиперонимом данной ЛСГ. Данный гипероним отличается богатой семантической структурой, включает все компоненты значений и отличается достаточно полным толкованием данных компонентов. Остальные компоненты ЛСГ

обладают рядом конкретизирующих семантических признаков. Компонент значения «характеристика» присутствует у ЛЕ «intervention» со знаком «–», так как была отмечена крайне негативная характеристика данного события, которая репрезентирована как агрессивная война, противоречащая правилам и уставам. Отдельно отметим компонент значения «масштаб», который присутствует только у двух ЛЕ «guerre» и «combat», однако репрезентирует противоположные значения. ЛЕ «guerre» характеризуется масштабным распространением и затрагивает все сферы жизни, в то время как «combat» – ограничен по времени и распространению. В рамках данной статьи мы рассмотрели принципы анализа семантического поля и изучили семантическое ядро наиболее частотных ЛЕ.

Список литературы

1. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
2. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург: Изд-во «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», 2007. 819 с.
3. Попова Д. С., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 226 с.
4. Попова Д. С., Стернин И. А. Общее языкознание. Москва: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 408 с.
5. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.

Список словарей и источников

6. Большой юридический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/> (дата обращения: 29.04.2020).
7. Военный энциклопедический словарь. Том 1. Москва: Издательство «Рипол Классик», 2001, 848 с.
8. Военный энциклопедический словарь. Том 1. Москва: Издательство «Рипол Классик», 2001, 816 с.
9. Война и мир в терминах и определениях. URL: https://war_peace_terms.academic.ru (дата обращения: 29.04.2020).
10. Гак В. Г., Триумф Ж. Французско-русский словарь активного типа. Москва: Русский язык-Медиа, 2006. 1055 с.
11. Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных терминов. URL: https://tactical_terms.academic.ru (дата обращения: 29.04.2020).
12. Лингвистический энциклопедический словарь. URL.: <http://tapemark.narod.ru/les/233d.html> (дата обращения: 29.04.2020).
13. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 29.04.2020).
14. Политика. Толковый словарь. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/politology/> (дата обращения: 29.04.2020).
15. Политическая наука: Словарь-справочник. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/political-science/index.htm> (дата обращения: 29.04.2020).
15. Русский язык. Энциклопедия русского языка. URL: <https://russkiyyazik.ru/925/> (дата обращения: 29.04.2020).
17. Словарь военных терминов. Москва: Военное издательство, 1988. 335 с.
18. Словарь терминов МЧС. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/emergency/> (дата обращения: 29.04.2020).

19. Справочник по терминологии в оборонной сфере. URL: <https://dictionary.mil.ru/dictionary> (дата обращения: 29.04.2020).
20. Энциклопедия права. URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru (дата обращения: 29.04.2020).
21. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2013/01/21/97001-20130121FILWWW00662-mali-les-soldats-francais-et-maliens-a-diabali.php?redirect_premium (дата обращения: 29.04.2020).
22. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/international/2013/01/12/01003-20130112ARTFIG00387-un-pilote-francais-tue-au-mali-lors-de-l-operation-serval.php> (дата обращения: 29.04.2020).
23. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/international/2013/01/15/01003-20130115ARTFIG00698-mali-la-france-monte-en-puissance-dans-le-conflit.php> (дата обращения: 29.04.2020).
24. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2013/01/15/97001-20130115FILWWW00328-mali-hommage-national-au-soldat-tue.php> (дата обращения: 29.04.2020).
25. Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения: 29.04.2020).

Khiminets E. M.

*Lecturer, Department of Linguistics and Translation
Perm State University*

PRINCIPLES OF SEMANTIC ANALYSIS OF “SERVAL” MILITARY EVENT FIELD

The article is devoted to the study of “Serval” military event semantic field. This incident was widely covered in French media, however, it was positioned as an operation, a war, an intervention, an offensive etc. Taking into account the fact that the structure of semantic field can vary in different sources, this article considers in detail particular lexical units that represent the event on material of the oldest daily French newspaper “Le Figaro”. We compiled a corpus and analyzed it using the Sketch Engine program. Applying this tool, a list of lexical unit was created and analyzed. From this list we selected the units that represent “Serval” military event. Then we studied contextual use of lexical units, compiled a lexical-semantic group and identified an archiseme. The study of semantic field components was conducted using component analysis that is understood as a research method of the semantics of lexical units. Its purpose is to decompose the meaning into minimal semantic elements. The LSP dictionaries devoted to military affairs, political science, law, etc. were analyzed in this study. Based on the material of the dictionaries, the scheme of a military event is presented. It includes the following components of meaning: form, characteristic, means, cause, purpose and scale. The lexical units analysis was carried out according to the scheme. Then the hyperonym of the lexical-semantic group was determined, the components of the lexical units meaning were analyzed and semantic features were identified. This article discusses the principles of semantic field analysis and studies the semantic core of the most frequent lexical units.

Keywords: semantic field, seme, LSP dictionary, operation, war, French newspapers.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

УДК 811.112.2'36

Архипова Ирина Викторовна

Кандидат филологических наук, профессор кафедры французского и немецкого языков,
Новосибирский государственный педагогический университет

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д.28

Тел.: +7 (383)2441368

E-mail: irarch@yandex.ru

Шустова Светлана Викторовна,

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7 (342) 2396283

E-mail: lanaschust@mail.ru

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЕКУНДАРНОГО ТАКСИСА ОДНОВРЕМЕННОСТИ

Настоящая статья посвящена описанию прототипической семантики секундарного таксиса одновременности, актуализируемого в высказываниях с предложно-девербативными конструкциями немецкого языка. Прототипическая секундарно-таксисная семантика одновременности реализуется в высказываниях, репрезентирующих секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (инструментально-таксисные, медиально-таксисные, модально-таксисные, кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, концессивно-таксисные и др.). В статье рассмотрены различные разновидности секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности: модально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные, кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, концессивно-таксисные, финально-таксисные, а также сопряженные итеративно-секундарно-таксисные (при наличии в высказываниях генетически- и словообразовательно-итеративных девербативов, глаголов итеративной семантики, а также количественно-итеративных адвербиалов и атрибутов). При актуализации секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности наибольшей прототипичностью характеризуются таксисообразующие (поли- и моноксисные) предлоги гетерогенной семантики: bei, in, mit, durch, vor, aus, wegen, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, zu, für.

Ключевые слова: секундарный таксис, прототипическая семантика, таксисообразующие предлоги, политаксисные предлоги, моноксисные предлоги, секундарно-таксисные категориальные ситуации, секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Введение

В фокусе нашего внимания находятся значения секундарного (обстоятельственного, сирконстантного, логически обусловленного) таксиса одновременности в высказываниях с предложными девербативами с гетерогенно-таксисными предлогами *bei, in, mit, durch, vor, aus, wegen, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, zu, für*.

Категория таксиса неоднократно привлекала исследовательский интерес отечественных лингвистов (Бондарко А. В., Храковский В. С., Полянский С. М., Архипова И. В. и др.) [Архипова, 2012а, 2012б, 2013, 2016, 2019а, б, в, г, 2020а, б, в, г; Бондарко, 1984, 2002, 2008, 2011а, б, 2015, 2017; Полянский, 1990, 1991; Храковский, 2001]. Таксис определяется как сложное полицентрическое (бицентрическое) функционально-семантическое поле (ФСП), формируемое грамматическими средствами языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами. Бицентрическая структура данного ФСП подразумевает выделение двух сфер или субполей – зависимого и независимого таксиса.

Секундарный таксис относится к сфере зависимого таксиса, трактуемой как временная соотнесенность основного действия (процесса, события, состояния) глагола и сопутствующего (побочного) действия (процесса, события, состояния) девербатива и актуализируются в высказываниях с предложно-девербативными конструкциями обстоятельственной модификации.

Под семантикой секундарного таксиса следует понимать обстоятельственно-таксисные значения одновременности, осложненные различными обстоятельственными элементами логической обусловленности (уступки, причины, условия и др.) [Архипова, 2012а, 2012б, 2013, 2016, 2019а, б, в, г, 2020а, б, в, г].

Основная часть

Семантика секундарного таксиса актуализируется в высказываниях как «связь действий во времени в сочетании со значениями обусловленности (значениями условия, причины, следствия, цели, уступки, обусловленности времени одного действия временем другого ...)» [Бондарко, 2011б, с. 237].

Секундарно-таксисные значения одновременности репрезентируются в высказываниях логически обусловленного (нехронологического, секундарного, обстоятельственного, сирконстантного) типа. Такие высказывания содержат предложные девербативы с гетерогенными предлогами *in, bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, zu, für* в модальном, инструментальном, каузальном, кондициональном, concessивном и финальном значениях.

Среди гетерогенно-таксисных предлогов *in, bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, zu, für* целесообразно выделять две группы:

(1) политаксисные предлоги *in, bei, unter, mit, durch*, употребляемые в модальном, инструментальном, медиальном, кондициональном и каузальном значениях;

(2) монотаксисные предлоги инструментальной, каузальной, concessивной и финальной семантики *mittels, per, dank, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, für, zu*.

В рамках выделяемого нами темпорально-аспектуально-таксисного семантического комплекса следует различать шесть секундарно-таксисных семантических

субкомплексов: (1) кондиционально-таксисный; (2) каузально-таксисный; (3) инструментально-таксисный; (4) медиально-таксисный; (5) концессивно-таксисный; (6) финально-таксисный.

Данные секундарно-таксисные семантические субкомплексы актуализируют аспектуально-таксисные значения одновременности (полной, частичной), сопряженные с другими значениями логической обусловленности или обстоятельственной модификации (в частности, модальными, каузальными, инструментальными, медиальными, кондициональными, концессивными, финальными) [о каузальных отношениях, см. Шустова, 2020, с. 13].

В секундарно-таксисных семантических субкомплексах репрезентированы следующие секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (полной, частичной) с элементами обстоятельственной модификации (условия, причины, уступки, инструмента, цели): модально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные, каузально-таксисные, кондиционально-таксисные, концессивно-таксисные и финально-таксисные:

(1) модально-секундарно-таксисные категориальные ситуации:

Unter dem Klopfen des Hammers von Gunter Demnig spielten die Schülerinnen der St. Hildegard-Grundschule Haldensleben, Maria Labeit und Berte Dehne, gemeinsam mit Musiklehrer Uwe Blamberg auf der Klarinette (www.volksstimme.de, gecrawlt am 27.03.2018).

Mit einem metallischen Surren zerlegt das Gerät diesen in seine Einzelteile (www.hildesheimer-allgemeine.de, gecrawlt am 25.03.2018).

(2) инструментально-таксисные категориальные ситуации:

«*Durch Ziehen* wird automatisch eine zusätzliche Fussstütze ausgefahren», wird mir kurz und bündig erklärt (www.news.ch, gecrawlt am 25.03.2018).

Sie setzen einen Anker, indem Sie sich tief entspannen und sich *mittels Visualisierung* in die gewünschte Situation begeben (www.cash.ch, gecrawlt am 26.03.2018).

(3) медиально-секундарно-таксисные категориальные ситуации:

Sie macht *mit Winken* auf sich aufmerksam ... (www.op-online.de, gecrawlt am 28.03.2018).

Die Angestellte ließ sich darauf nicht ein, verlangte das Bargeld, was der Mann *mit einem Achselzucken quittierte* (www.nordbayern.de, gecrawlt am 27.03.2018).

Doch zunächst *ruft* ihre erste Ausstellung, und zwar *durch ein Klopfen an der Tür*: der Elektriker (www.obwaldnerzeitung.ch, gecrawlt am 25.03.2018).

Anwohner *brachten* ihren Protest *durch Schlagen auf Kochtöpfe zum Ausdruck* (www.dzonline.de, gecrawlt am 27.03.2018).

(4) кондиционально-секундарно-таксисные категориальные ситуации:

Aber *beim genaueren Betrachten* fallen Details auf, die stutzig machen (www.maz-online.de, gecrawlt am 28.03.2018).

Doch beim genauen Hinhören merkt man erst die versteckte Message hinter den Lyrics der Hits (www.focus.de, gecrawlt am 28.03.2018).

Bei näherem Hinsehen zeigt sich, dass das kaum glaubwürdig sein kann (www.taz.de, gecrawlt am 27.03.2018).

(5) каузально-секундарно-таксисные категориальные ситуации:

Wegen Missachtung des Gerichts drohen ihm bis zu sechs Monate Haft, wenn im Oktober über das Strafmaß entschieden wird (bazonline.ch, gecrawlt am 28. 03. 2018).

Wegen des Austauschs mehrerer Teile der Anlage war der Reaktor fast drei Monate außer Betrieb (www.radio.cz, gecrawlt am 26.03.2018).

Nach Villach war er *aus Verzweiflung* gefahren (www.salzburger-fenster. at, gecrawlt am 25.03.2018).

(6) концессивно-секундарно-таксисные категориальные ситуации:

Das Gericht könnte die Sache bearbeiten, *ungeachtet der Verjährung* und sogar einen Schuldspruch fällen, ohne ihn zur Verantwortung zu ziehen (ukraine-nachrichten. de, gecrawlt am 26.03.2018).

Auch Apples iPhone ist *trotz Behauptungen treuer Jünger* nicht frei von Fehlern (www.heute.at, gecrawlt am 27.03.2018).

(7) финально-таксисные категориальные ситуации:

Für das Basteln benötigt die Stiftung immer viele Materialien wie Farben oder Rohlinge (www.hamburger-allgemeine.de, gecrawlt am 25.03.2018).

Auch ein „Arbeitshund“, wurde er als Farmhund und *zum Ziehen von Karren* benutzt (baltische-rundschau.eu, gecrawlt am 26.03.2018).

При наличии в высказываниях с гетерогенно-таксисными предложениями *in, bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per* квантитативно-итеративных адвербиалов и атрибутов с семантикой частотности, интервала, узуальности, счетного комплекса и др. (*immer, immer wieder, immerfort, immer mehr, oft, selten, manchmal, häufig, zweimal, dreimal, mehrfach, mehrmalig, stets, jeder, jedesmalig*), а также глаголов итеративной семантики и генетически- или словообразовательно-итеративных и мультипликативных девербативов (*das Nicken, das Kopfnicken, das Klingeln, das Klopfen, das Schlucken, das Schütteln, das Kopschütteln, das Summen, das Brummen, das Schnatzen, das Scharren, das Rascheln, das Seufzen, das Zucken, die Beobachtungen, die Besichtigungen, die Überlegungen*) актуализируются сопряженные итеративно-секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности [Архипова, 2012б, с. 98–99]. Например:

Bei jedem Klingeln begegnet man ihr: der Gegensprechanlage (www.zeit.de, gecrawlt am 26.03.2018).

Diese ergänzen die Fotos, die im Hause des Metelener eintrudelten – *manchmal* auch erst *nach mehrmaligem Nachfragen* (www.wn.de, gecrawlt am 29.03.2018).

Der Fahrer wachte daraufhin *nach mehrmaligem Klopfen* gegen die Scheibe auf (www.nordbayerischer-kurier.de, gecrawlt am 29.03.2018).

Bei so vielen Terminen habe sie *immer im Gehen* etwas gegessen (www.stern. de, gecrawlt am 27.03.2018).

Nach knapp 20 Minuten Reden rollt der Stolz der Daimler-Trucker flott und *mit kaum wahrnehmbarem Sirren* an den hunderten anwesenden Journalisten vorbei (www.managermagazin.de, gecrawlt am 27.03.2018).

Riesige Flammen verschlingen die Zuckerrohrblüten *mit lautem Knistern* (www.bilanz.ch, gecrawlt am 27.03.2018).

Кондиционально-секундарно-таксисные значения одновременности актуализируются в кондиционально-таксисном семантическом субкомплексе с предложениями *bei* и *unter* в

кондициональном значении. При имплицитно выраженной семантике условия в кондиционально-таксисном семантическом субкомплексе с предлогом *bei* употребляются кондициональные актуализаторы (частиц и атрибуты *genau, genauer, näher, länger, oberflächlich, erst, aber*). Ср.:

Hoffmann betonte, dass die Ausweisung *unter Beachtung der Rechte der Grundeigentümer* stattfindet (www.waz-online.de, gecrawlt am 27.03.2018).

Aber bei näherem Kennenlernen wussten wir, dass unsere Gäste nicht nur Deutsche, sondern in gleichem Maße Chilenen sind, mit Leib und Seele (www.condor.cl, gecrawlt am 25.03.2018).

Erst bei näherem Hinsehen erkennt der Betrachter den wahren Wert seiner Arbeiten (www.faz.net, gecrawlt am 26.03.2018).

Beim genauen Hinschauen merkt man, dass das Video in einer kurzen Zeit gefilmt worden sein muss (www.salzburg24.at, gecrawlt am 26.03.2018).

При актуализации инструментально-таксисных значений одновременности в инструментально-таксисном семантическом субкомплексе девербативы употребляются с политаксисными предлогами *mit* и *durch* в инструментальном значении и монотаксисными инструментальными предлогами *mittels, dank, per*. Например:

Durch Ziehen der Reißleine werden die Ballons mit einem Stickstoff-Luft-Gemisch gefüllt (www.bild.de, gecrawlt am 27.03.2018).

Mit dem Verschieben des sogenannten Waagerings lässt sich der Drachen einstellen (www.nnn.de, gecrawlt am 25.03.2018).

Das System sorgt für die biologische Sanierung *mittels Belüftung* (www.wn.de, gecrawlt am 29.03.2018).

Wie sich herausstellte, war es *dank des schnellen Eingreifens der Zeugen* noch zu keiner Straftat gekommen (www.wochenanzeiger.de, gecrawlt am 28.03.2018).

При актуализации медиально-таксисной категориальной ситуации как разновидности инструментально-таксисной категориальной ситуации в медиально-вторично-таксисном семантическом субкомплексе взаимодействуют акциональные девербативы-кинемы и девербативы-соматизмы с предлогом *mit* (*das Achselzucken, das Schulterzucken, das Augenzwinkern, das Nicken, das Kopfnicken, das Senken der Augenlider, das Zurückwerfen des Kopfes, das Kopfschütteln, das Händeschütteln, das Winken*) [Полянский, 1991, с. 101–102] и каузативные глаголы психического (эмоционального или интеллектуального) и физического воздействия с интегральной семой «физическая / психическая модификация», а также информативно-модифицирующие глаголы с семой «модификация информативного состояния лица / модификация системы убеждений» (*belegen, erweisen, nachweisen, beteuern, anmahnen, ermahnen, beweisen, überzeugen, begründen, aufweisen, aufzeigen, zeigen, erklären, reagieren, hindeuten, andeuten, behaupten, bestätigen, bekunden, bekräftigen, auffordern, abtun, abschneiden, quittieren, entlarven*) [Шустова, 2020]. Ср.:

Chirac und Schröder *bekräftigten* die Worte Putins *mit energischem Kopfnicken* (www.koenigsberger-express.com, gecrawlt am 25.03.2018).

Viele werden die nächste *mit einem Schulterzucken quittieren* (www.op-online.de, gecrawlt am 26.03.2018).

Käpt'n Quino *quittiert* mein Erscheinen *mit einem Nicken*, deutet auf mich und zählt weitere Crewmitglieder ab (www.rhein-zeitung.de, *gecrawlt am 26.03.2018*).

Das Duo *habe* den 38-Jährigen *durch Winken* zum Mitnehmen *aufgefordert*, teilte die Polizei mit (www.fnp.de, *gecrawlt am 25.03.2018*).

Mit einem Augenzwinkern und kurzen Anekdoten *entlarvt* er irreführende Vorstellungen und Erklärungen: Alles hat seinen Sinn, man muss nur genau hinschauen (www.wochenanzeiger.de, *gecrawlt am 27.03.2018*).

Durch eifriges Nicken *bekundete* Zustimmung kam an diesem Abend nicht nur von den Ausschussmitgliedern (www.dewezet.de, *gecrawlt am 25.03.2018*).

При актуализации модально-таксисной категориальной ситуации одновременности в модально-секундарно-таксисном семантическом субкомплексе тесно взаимодействуют:

(1) акциональные и процессуальные девербативы с семантикой кинетического и эмоционального («психического») поведения субъекта (*das Herzklopfen, das Lachen, das Nicken, das Kopfnicken, das Kopfschütteln, das Achselzucken, das Schulterzucken, das Augenzwinkern*) с политаксисными предложениями *mit, durch, in, unter* в модальном значении и глаголы вербальной / невербальной коммуникации (в том числе, речи, слухового или зрительного восприятия) (*meinen, sagen, fragen, antworten, erwidern, mitteilen, zeigen, sehen, ansehen, schauen, anschauen, gucken, angucken, blicken, anblicken, starren, anstarren, betrachten, beobachten, wahrnehmen*);

(2) процессуальные девербативы с интегральной семой «естественные или природные шумы и звуки» (*das Schluchzen, das Schreien, das Ächzen, das Kreischen, das Zischen, das Quietschen, das Knistern, das Krachen, das Schnurren*) и различные глаголы с семантикой конкретного физического действия. Например:

Sie lesen *mit Kopfnicken* in ihren Leitmedien, der Papst sei naiv, wenn er von einer kapitalistischen "Wirtschaft, die tötet" spricht – und sehen sich davon dispensiert, die von Franziskus unterbreiteten Fakten genauer anzuschauen (www.heise.de, *gecrawlt am 27.03.2018*).

Einiges betrachte ich *mit Augenzwinkern* (www.profil.at, *gecrawlt am 28.03.2018*).

Mit breitem Lachen schlagen sich die Anwesenden gegenseitig auf die Schulter (www.zsz.ch, *gecrawlt am 26.03.2018*).

Mit Herzklopfen fahre ich zwei Stunden später in die oberste Etage (www.blickamabend.ch, *gecrawlt am 26.03.2018*).

«Ich hab dich nie vergessen, Renate», sagt Rosi *mit einem Schluchzen* (www.rtl.de, *gecrawlt am 26.03.2018*).

Wenig später fällt die Eiche *mit lautem Ächzen und Krachen* plangemäß um (www.infranken.de, *gecrawlt am 25.03.2018*).

Mit dem charakteristischen Knistern erhebt sich Schirm um Schirm in die heisse Nachmittagsluft (www.zuonline.ch, *gecrawlt am 26.03.2018*).

Концессивно-секундарно-таксисные ситуации одновременности актуализируются при соотнесении в рамках целостного периода времени сопутствующего действия-уступки и основного действия-следствия в высказываниях с монотаксисными концессивными предложениями *trotz* и *ungeachtet*, репрезентирующих концессивно-секундарно-таксисные семантические субкомплексы одновременности. Например:

Auch in der Türkei wächst *trotz brutaler Unterdrückung* die Friedensbewegung (www.zollernalbkurier.de, gecrawlt am 27.03.2018).

Sein Asylgesuch in Brandenburg wird *trotz der Bedrohung* im Heimatland abgelehnt (www.tagesspiegel.de, gecrawlt am 25.03.2018)

Brandenburg hält *ungeachtet des Scheiterns der geplanten Kreisreform* an der Ertüchtigung der Verwaltung auf kommunaler Ebene fest (www.neues-deutschland.de, gecrawlt am 26.03.2018).

Каузально-секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются при временной соотнесенности действия-причины девербатива и действия-следствия глагола в высказываниях с гетерогенно-таксисными (политаксисными и монотаксисными) предложениями каузальной семантики *aus, vor, wegen, aufgrund, mit, bei, unter, durch*.

Данные высказывания репрезентируют каузально-секундарно-таксисный семантический субкомплекс. Например:

Wegen der Sperrung der Schillerstraße kam es zu starken Verkehrsbehinderungen (www.volksfreund.de, gecrawlt am 26.03.2018).

Staatschef Alijew steht *wegen der Unterdrückung der Opposition* in seinem Land in der Kritik (www.stern.de, gecrawlt am 28.03.2018).

Worauf eine Frau *aus Verzweiflung* in Tränen ausbrach (www.beobachter.ch, gecrawlt am 25.03.2018).

Das Publikum brüllt fast *vor Lachen* (www.kreiszeitung.de, gecrawlt am 26.03.2018).

Sie bebt *vor Schluchzen* (www.taz.de, gecrawlt am 26.03.2018).

Bei dem Anblick der Küche bleibt Tine fast der Atem weg (www.rtl.de, gecrawlt am 28.03.2018).

Финально-секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в высказываниях с предложными девербативами с предложениями целевой семантики *zu, für*, репрезентирующих финально-секундарно-таксисный семантический категориальный субкомплекс одновременности. Например:

Zur Verminderung dieser Schäden setzen die VBZ vermehrt Personal ein, welches die Baustellen überwacht (www.tagblattzuerich.ch, gecrawlt am 25.03.2018).

Haiti kündigte ein Programm *zur Identifizierung* an, durch das haitianische Staatsbürger, die in der Dominikanischen Republik leben, Ausweispapiere bekommen können, mit einer wesentlichen Verminderung der Kosten für die Ausstellung eines Reisepasses (www.fides.org, gecrawlt am 28.03.2018).

Кроме того, секундарно-таксисные семантические субкомплексы одновременности могут демонстрировать синкретическое объединение различных значений обстоятельственной модификации, в частности, инструментальных, каузальных, кондициональных или финальных.

В таких высказываниях актуализируются сопряженные инструментально-каузально-таксисные, инструментально-кондиционально-таксисные или инструментально-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности. Например:

Die Täter haben die Hütte *durch Drücken* zum Einsturz gebracht (www.volksfreund.de, gecrawlt am 25.03.2018).

Gegen 8.15 Uhr wurde der Mann von zwei Unbekannten *durch Klopfen an der Scheibe* geweckt (www.haz.de, *gecrawlt am 28.03.2018*).

Der Einstieg in die dritte Sitzreihe wird *durch Ziehen eines Hebels* ermöglicht, der die zweite Sitzreihe nach vorn gleiten lässt (www.marktspiegel.de, *gecrawlt am 25.03.2018*).

Заключение

Таким образом, прототипическая секундарно-таксисная семантика одновременности реализуется в высказываниях с предложными девербативами с гетерогенно-таксисными (поли- и монотаксисными) предложениями *bei, in, mit, durch, vor, aus, wegen, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, zu, für*.

Данные высказывания логически обусловленного (секундарного, обстоятельственного) типа репрезентируют секундарно-таксисные семантические субкомплексы, актуализирующие секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности: инструментально-таксисные, медиально-таксисные, модально-таксисные, кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, concessивно-таксисные и финально-таксисные, а также итеративно-секундарно-таксисные (при наличии генетически- или словообразовательно-итеративных девербативов и итеративных глаголов, а также квантитативно-итеративных адвербиалов и атрибутов) и сопряженные (синкретичные) секундарно-таксисные (инструментально-каузально-таксисные, инструментально-финально-таксисные, инструментально-кондиционально-таксисные и др.).

Список литературы

1. Архипова И. В. Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. Т. 9. № 5. С. 95–104.
2. Архипова И. В. Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2012. 148 с.
3. Архипова И. В. Предложные девербативы в современном немецком языке. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2013. 80 с.
4. Архипова И. В. Предложный девербатив как конституент зависимого таксиса современного немецкого языка // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 135–142.
5. Архипова И. В. Обстоятельные таксисные ситуации в современном немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 89–93.
6. Архипова И. В. Функционирование девербативов в итеративно-таксисной категориальной ситуации // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 564–565.
7. Архипова И. В. Синкретизм в сфере актуализации таксисных значений одновременности // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. Издательство: Научные технологии. 2019. № 12 (2). С. 149–154.
8. Архипова И. В. Функционально-семантическая категория таксиса в отечественной лингвистике // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4 (1). С. 59–66.
9. Архипова И. В. Функциональный потенциал девербативов и его реализация в контексте // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 74–87.

10. Архипова И. В. Модель функционально-семантического поля таксиса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 131–137.
11. Архипова И. В. Предложные девербативы в инструментально-таксисной и каузально-таксисной категориальных ситуациях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 127–131.
12. Архипова И. В. Функционально-семантическое поле таксиса // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2020. № 14. С. 16–21.
13. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Ленинград: Наука, 1984. 134 с.
14. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. Санкт-Петербург: Наука, 2008. 472 с.
15. Бондарко А. В. Теория значения в аспекте функциональной грамматики: На материале русского языка / Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
16. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. Москва: Языки славянских культур, 2011. 488с.
17. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 6-е. Москва: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 234–242.
18. Бондарко А. В. Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева. Санкт-Петербург: Наука, 2015. С. 21–36.
19. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. Москва: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
20. Полянский С. М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка): Учебное пособие к спецкурсу. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1990. 90 с.
21. Полянский С. М. О категории таксиса и путях ее исследования (На материале немецкого языка) // Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосибирск. гос. пед. ин-т; редкол.: С. М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1991. С. 3–18.
22. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Монография. Изд. 3-е. Москва: ЛЕНАНД, 2020. 248 с.
23. Храковский В. С. Таксисные конструкции (опыт классификации) // Теоретические проблемы функциональной грамматики: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 2001. С. 109–112.

Arkhipova I. V.

Ph.D. (Philology),

Novosibirsk State Pedagogical University

Shustova S. V.

Grand Ph.D. (Philology), Department of Linguistics and Translation,

Perm State University

PROTOTYPIC SEMANTICS OF SECONDARY TAXIS OF SIMULTANEITY

This article is devoted to the description of the prototypical semantics of the secondary taxis of simultaneity actualized in sentences with prepositional-deverbic constructions of the German language. The prototypical secondary taxis semantics of simultaneity is realized in statements representing secondary taxis categorical situations of simultaneity (instrumental and taxis, medial and taxis, modal and taxis, conditional and taxis, causal and taxis, concession and taxis, etc.). The article considers several varieties of secondary taxis categorical situations of simultaneity: modal and taxis, instrumental and taxis, medial and taxis, conditional and taxis, causal and taxis, concessive and taxis, final and taxis, as well as conjugate iterative secondary taxis (with the presence in the statements of genetically- and word-formation and iterative deverbatives, verbs of iterative semantics, as well as quantitative-iterative adverbials and attributes). In actualization of secondary taxis categorical situations of simultaneity, most prototype taxis-forming (poly- and monotaxis) prepositions of heterogeneous semantics are: bei, in, mit, durch, vor, aus, wegen, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, zu, für.

Keywords: secondary taxis, prototypical semantics, taxis-forming prepositions, polytaxis prepositions, monotaxis prepositions, secondary taxis categorical situations, secondary taxis categorical situations of simultaneity.

УДК 811.112.2

Сюткина Надежда Павловна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 2396283
E-mail: info@psu.ru

**К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА «SCHÜREN»**

В статье рассматриваются особенности функционирования эмотивного каузатива «schüren». С точки зрения когнитивной лингвистики эмоции рассматриваются как концепты, фрейм или сценарий. Когнитивный сценарий эмотивного каузатива «schüren» представляет собой ситуацию со стандартным набором участников с закрепленными социальными ролями, в этом случае можно говорить о прототипическом каузативном сценарии. Вышеуказанный глагол относится к группе эмотивных каузативов диффузной эмоциональной модификации. Эта группа носит несколько условный характер, поскольку она включает в себя, во-первых, глаголы, реализующие значение диффузной модификации эмоционального тона у объекта каузации, а во-вторых, к ней относятся лексемы, функционирующие в речи в качестве операторов каузативной связи в функциональных структурах, которые в контексте актуализируют как положительные, так и отрицательные эмоции. Знак эмоции определяет группа существительного или прилагательного, сам глагол реализует только значение каузации. Глагол «schüren» относится к вышеуказанной группе в силу того, что его семантический потенциал включает в себя ситуации, актуализирующие каузацию как положительных, так и отрицательных эмоций, а также ситуации каузации эмоций без указания их знака по шкале «положительные / отрицательные». Эмпирический материал свидетельствует о том, что мы наблюдаем процесс семантической трансформации, расширения и переноса значения, с возможной последующей десемантизацией. Поскольку глагол, семантический потенциал которого изначально предполагал актуализацию отрицательных чувств, постепенно приобретает возможность актуализировать и положительные значения. Расширяется набор именных групп, отвечающих за эмотивный компонент каузативной конструкции. Расширение семантического потенциала может свидетельствовать о развитии эмотивной составляющей данного глагола.

Ключевые слова: немецкий язык, каузативный глагол, эмотивный каузатив, категория каузативности, когнитивный сценарий, субъект каузации, объект каузации.

Введение

Эмоции составляют основу мотивационной сферы человека, они составляют существенную часть когнитивной системы человека, а процессы вербализации эмоций высвечивают важные моменты устройства и механизмы функционирования человеческого

мышления [Шаховский, 2008, с. 1]. Для В. И. Шаховского человек является не только *homo sapiens*, но и *homo sentiens*: «все активности мышления осуществляются на базе эмоциональных мотивов *Homo sentiens*» [Шаховский, 2010, с. 42].

Эмоции проявляются в речевом общении крайне разносторонне: «эмоции актуализируются на всех уровнях языковой системы, затрагивают формальные, семантические, функциональные, семиотические аспекты языковых единиц, образуют отдельный тип семантики в языке, в определенной степени обуславливают функционирование языковой системы в речи» [Королева, 2016, с. 22].

Ш. Балли указывал на то, что «в языке все эмоционально» [Балли, 1961, с. 207]. Эмоции являются важной составляющей деятельности человека и проявляются в языке и речи крайне разносторонне: «эмоции актуализируются на всех уровнях языковой системы, затрагивают формальные, семантические, функциональные, семиотические аспекты языковых единиц, образуют отдельный тип семантики в языке, в определенной степени обуславливают функционирование языковой системы в речи» [Королева, 2016, с. 22].

Основная часть

В русле когнитивной лингвистики эмоции представлены как концепты, фреймы или сценарии. Под сценариями понимается «концептуальная структура для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» [Баранов, 2001, с. 18]. Когнитивный сценарий – это абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закреплёнными социальными ролями [Плотникова, 2005, с. 23].

Разумеется, «каждая типовая ситуация формируется определённым минимальным набором компонентов – действующих лиц, их действий, предметов, состояний, отношений, свойств» [Всеволодова, Яценко, 2008, с. 9]. При этом «каждый компонент ситуации – исполнитель определённой роли, и эта роль постоянна относительно данной типовой ситуации» [Там же].

Известно, что каузативная ситуация включает в себя каузатора, объект каузации, содержание каузации. Действие в каузативной ситуации складывается из побуждения инициатора и производимого его партнёром результирующего действия, связанных друг с другом. Важным здесь оказывается семантический потенциал, который мы понимаем как совокупность семантических потенциалов языковой единицы, которые актуализируются в различных типах среды и расширяют семантический объем языковой единицы [Шустова, 2013, с. 162].

Наше исследование посвящено анализу функционирования немецкого эмотивного каузатива *schüeren*. Сема «эмотивность» представлена в словарных дефинициях глагола «*schüeren*» следующим образом: (*in jmdm.*) *etwas entstehen lassen, entfesseln* (DBW); *anfachen, vergrößern; etw. wecken, erwecken, erregen* (dwds); *etwas anstacheln, entfachen, entfesseln* (DO). Сема «каузативность» представлена в словарях следующим образом: *erregen* (dwds); *entfachen* (DO).

Если обратимся к словарям, то обнаружим следующие значения: 1. *(ein Feuer) durch Stochern mit einem Feuerhaken o. Ä. zum Aufflammen bringen: das Feuer, die Glut schüren*. 2. *[in jmdm.] etwas Negatives entstehen lassen, entfesseln [und steigern]: jmds. Argwohn, Neid schüren; den Hass, den Widerstand, die Unzufriedenheit schüren* (DWB). Как следует из дефиниции, глагол имеет прямое значение «разжигать (огонь)» и производное, возникшее на основе метафорического переноса – «воспламенить отрицательные чувства, такие как зависть, злоба, ненависть».

Однако данный глагол мы относим к базовым эмотивным каузативам группы диффузной эмоциональной модификации, поскольку в корпусах фиксируются примеры, в которых актуализируются значения разжигания как положительных, так и отрицательных эмоций.

– *Gleichwohl schüren Anhänger des syrischen Regimes Ängste vor Chemiewaffen in den Händen islamistischer Terroristen* (dwds).

– *Doch auch das Verschweigen der wahren Lage einzelner Institute schürt neue Ängste* (dwds).

– *Immer höhere Preisgelder locken immer mehr Spieler an und schüren die Hoffnung aufs große, schnelle Geld* (dwds).

– *Die Euphorie wird durch Banken und Medien geschürt* (dwds).

– *Gute Geschichten schüren Emotionen* (Corpora).

Возможны также и собственно диффузные эмоции, без указания знака (положительного или отрицательного) этих эмоций.

– *So etwas schürt Emotionen auf allen Seiten, und nicht jede Reaktion ist vorher kalkulierbar* (dwds).

– *Wir brauchen Künste, weil sie unsere Emotionen und Leidenschaften schüren* (dwds).

Вышеуказанные примеры свидетельствуют о том, что мы наблюдаем развитие семантики лексемы «schüren», «размывание» значения глагола, за счёт его переноса на положительные и диффузные эмоции и чувства. Рассматриваемый в данной статье глагол относится к зоне ближней периферии семантического поля базовых эмотивных каузативов диффузной (в прежней терминологии – нейтральной) модификации [Шустова, Сюткина, 2020, 129; Шустова, 2020].

Как базовые были определены глаголы с наибольшей частотностью (согласно данным корпуса Leipzig Corpora Collection) и высокой степенью синонимичности, определенной с помощью дефиниционно-синонимического анализа.

Итак, мы установили, что глагол «schüren» относится к эмотивным каузативам нейтральной модификации, поскольку, как указано выше, потенциально он способен выражать как положительные, так и отрицательные эмоции. Но в его семантическом потенциале преобладают отрицательные значения, что подтверждают данные корпуса dwds.de.

Наиболее частотные именные группы, функционирующие с этим глаголом и актуализирующие эмотивный компонент каузативной ситуации: Angst (1498 контекстов), Hass (389), Konflikte (361), Misstrauen (267), Ressentiment (248), Unruhe (203), Spannungen (152), Furcht (149), Verdacht (131), Sorgen (129), Zweifel (126), Gewalt (109 контекстов).

– *Oberbürgermeister Arthur König sagte, die Extremisten **schürten** Menschenfeindlichkeit und **Hass*** (dwds).

– *Beide Länder scheinen die **Spannung** im türkischen Südosten zu **schüren**, um die Türkei vor einem stärkeren Eingreifen auf Seiten der syrischen Opposition zu warnen* (dwds).

Выбор именных групп, актуализирующих эмотивный компонент с положительным знаком эмоции не так богат: Hoffnung (380 контекстов), Erwartungen (251 контекст).

– *Mercedes-Pilot Nico Rosberg **schürte** durch Rang fünf **Hoffnungen** auf einen Achtungserfolg* (dwds).

– *Erst **schürte** er mit großspurigen Erklärungen die **Erwartungen*** (dwds).

– *Ohnesorg **schürte** große **Erwartungen*** (dwds).

Рассмотрим также контексты, в которых эмотивный компонент неоднозначно указывает на знак эмоции. Это контексты с дополнением Stimmung (контекстов 212), Emotionen (203), Vorurteile (169), Spekulationen (135 контекстов).

– *Gysi hatte die **Spekulationen** über eine Rückkehr Lafontaines an die Parteispitze bereits vor Monaten als erster **geschürt*** (dwds).

– *In einer ungewöhnlichen Allianz **schüren** Union, FDP und Linke die **Spekulationen** über eine rot-rot-grüne Zusammenarbeit nach der Bundestagswahl* (dwds).

– *Tiere und Zoos **schüren Emotionen**, rühren Herzen – aus Wohlgefallen, auch aus Mitleid* (dwds).

– *Es ist eine Schande, dass Lafontaine, um **Emotionen** gegen Ausländer zu **schüren**, zu solchen Worten greift* (dwds).

– *Der Vorsitzende der Türkischen Gemeinde in Deutschland, Kenan Kolat, kritisierte, Körting **schüre** damit die **Stimmung** gegen Ausländer* (dwds).

– *Sie **schüren** nicht nur eine antieuropäische **Stimmung**, sondern auch den Antiamerikanismus und den Antisemitismus, und das mit einigem Erfolg* (dwds).

– *Die undifferenzierte Betrachtung würde **Vorurteile** zwischen Migranten und der Mehrheitsgesellschaft **schüren*** (dwds).

Как мы видим из примеров, именные группы *Stimmung, Emotionen, Vorurteile, Spekulationen schüren* диффузны в своих значениях, требуется широкий контекст, чтобы понять, о какой группе эмоций – положительной или отрицательной – идёт речь, потенциал таких именных групп предполагает обе возможности.

Заключение

Когнитивный сценарий эмотивного каузатива «schüren» представляет собой ситуацию со стандартным набором участников, то есть мы наблюдаем прототипический каузативный сценарий.

Глагол «schüren» относится к группе эмотивных каузативов диффузной эмоциональной модификации, что обусловлено его семантическим потенциалом, включающим ситуации, актуализирующие каузацию как положительных, так и отрицательных эмоций, а также ситуации каузации эмоций без указания их знака. Это говорит о том, что эмотивная составляющая глагола находится в стадии динамики.

Мы наблюдаем, как эмотивный каузатив *schüren* проходит свой путь развития, не исключено, что этот путь приведет данный глагол к тому, что он станет оператором каузативной связи. Глагол, который в сфере эмоций изначально был связан исключительно с отрицательными чувствами, что доказывают дефиниции словарей, постепенно приобретает возможность актуализировать положительные значения.

Расширяется набор именных групп, отвечающих за эмотивный компонент каузативной конструкции. Теряется изначально жесткая семантическая привязанность данной лексемы к отрицательным эмоциям. Таким образом, мы наблюдаем процесс семантической трансформации, расширения и переноса значения. Далее возможна десемантизация глагола, усиление его грамматического значения, превалирование каузативного значения.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. Москва: Иностранная литература, 1961. 394 с.
2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. Москва: Эдиторал УРСС, 2001. 360 с.
3. Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. Изд-е 2. Москва: ЛКИ, 2008. 208 с.
4. Королева Е. И. Экспрессивные грамматические средства в языке в аспекте функционально-семантического поля (на материале современной британской беллетристики). Дисс.... к. филол. н. Екатеринбург. 2016. 221 с.
5. Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов). Екатеринбург: Изд-во «Уральский университет». 2005. 140 с.
6. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Мир лингвистики и коммуникации. 2008. № 10. С. 8–12.
7. Шаховский В. И. Эмоции: долигвистика, лингвистика и лингвокультурология. Москва: Либроком, 2010. 128 с.
8. Шустова С. В. К вопросу о функциональном потенциале языковой единицы (на примере семантической и синтаксической валентности) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3 (19). С.161–164.
9. Шустова С. В., Сюткина Н. П. Рацио и эмоцио в грамматике: эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Ratio et Emotio: рациональное и эмоциональное в языке и речи. Санкт-Петербург: Изд-во «Русская христианская гуманитарная академия», 2020. С. 72 – 169.
10. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Монография. Изд. 3-е. Москва: ЛЕНАНД. 2020. 248 с.

Словари

1. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Band 10. Dudenverlag. Mannheim. Wien. Leipzig. 2010. 1152 S.
2. Duden-online. URL: www.duden.de (дата обращения: 28.03.2020).

Источники иллюстративного материала

dwds.de – электронный корпус
 Leipzig Corpora Collection – электронный корпус

Список принятых обозначений и сокращений

dwds – dwds.de
 DO – Duden-online. Электронный словарь.
 DBW – Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 2010.
 Corpora – электронный корпус Leipzig Corpora Collection

Syutkina N. P.

*PhD (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University*

**ON THE PROBLEM OF SEMANTIC
POTENTIAL EXPANSION OF THE GERMAN VERB «SCHÜREN»**

The present paper is concerned with the special aspects of functioning of the emotive causative verb «schüren». Cognitive linguistics considers emotions as concepts, frames and scripts. Cognitive script of emotive causative verb «schüren» presents the situation with the typical actors with fixed social roles, that it is a prototypical causative script. The verb belongs to the group of emotive causatives of neutral emotional modification. This group is somewhat conditional in nature, because it includes, firstly, verbs that realize the meaning of neutral modification of the emotional tone of the object of causation, and secondly, it includes lexemes that function in speech as operators of the causative link in functional structures, which in the context actualize both positive and negative emotions. The sign of emotion is determined by the group of the noun or adjective, the verb itself implements only the meaning of causation. The verb “schüren” refers to the above group due to the fact that its semantic potential includes situations actualizing the causation of both positive and negative emotions, as well as situations of causation of emotions without indicating their sign on the “positive / negative” scale. The empirical evidence suggests that we are observing a process of semantic transformation, expansion and transfer of meaning, with possible subsequent desemantization. Since the verb, the semantic potential of which initially assumed the actualization of negative feelings, gradually acquires the ability to actualize positive values. The set of noun groups responsible for the emotive component of the causative structure is expanding. The expansion of semantic potential may indicate the development of the emotive component of this verb.

Keywords: German language, causative verb, emotive causative, cognitive script, category of causativeness, subject of causation, object of causation.

УДК 81; 811.112.2.

Яруллина Лилия Рамилевна

Магистрант, Московский государственный областной университет

119530, г. Москва, Аминьевское шоссе, д. 9

Тел.: +7 926 528 43 91

E-mail: ilramilevna28@gmail.com

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ КОННЕКТОРЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*В статье рассматривается лингвистическое содержание понятия «коннектор», выделяются его общие и частные свойства, подчёркивается возможность коннекторов выражать таксисные отношения. Поясняется необходимость выделять коннекторы как особый раздел лексических и грамматических единиц. Коннекторы с их синтаксическим и семантическим содержанием создают связность текста и определяют его структуру, поэтому одной из главных задач статьи является описание их функциональных свойств. Проанализированы критерии распознавания коннектора в тексте согласно Лингвистической теории синтаксической школы Института немецкого языка. Помимо функции связи коннектор как слово с внутренней семантикой может выполнять дополнительную функцию при соединении предложений: в частности, коннектор может выражать конкретное соотношение времён. В немецком языке различают три соответствия времён по отношению к настоящему: предшествование, одновременность и следование одного действия за другим; в статье приводятся различные примеры с целью демонстрации роли коннектора в предложениях. Опираясь на главные свойства коннектора – неизменяемую словоформу и отсутствие надежных признаков, в роли коннектора мы рассматриваем наречия и формы кратких прилагательных таких как: *davor, vorher, gleichzeitig, danach, früher, später*. Перечисленные коннекторы анализируются нами с точки зрения выражения темпоральных отношений.*

Ключевые слова: коннектор, темпоральные и таксисные отношения, коннекторные функции, скопус коннектора.

Введение

Изначально понятие «коннектор» принадлежало математической логике, где обозначает элемент, который выражает отношение между двумя или более понятиями. В лингвистике считается, что коннектор служит для оформления связи между двумя или более предложениями, таким образом, в класс коннекторов входят союзы и союзные слова, модальные частицы, дискурсивные слова, способные выполнять функцию соединения предложений на уровне микротекста [Аверина, 2019, с. 45; см. также Аверина, 2010, 2017; Урысон, 2012].

Исследованием коннекторов в лингвистике занимались многие лингвисты. Ульриху Энгелю принадлежит первое употребление термина в грамматике Рената Паш выделила коннекторы в отдельный класс речи и даже называла подклассы – конъюнкторы,

субъюнкторы и адвербиальные коннекторы. G. Antonioli называет следующих лингвистов: Breindl, исследовавшего противительные коннекторы (adversative Konnektoren); Stede и Walter, занимающихся коннекторами причины (Kausalkonnektoren); Schilder и Blühdorn, выделивших коннекторы времени (Temporalkonnektoren); Wassner, определившего коннекторы результативности (Konklusivkonnektoren) [Antonioli, 2010, S. 16].

Коннекторная функция, или связь между несколькими явлениями, может выражать самые разные отношения между ними: отношения подчинения, каузальности, атрибутивности, сравнения и т. д. Рассматривая язык как нечто постоянно меняющееся, одним из главных его элементов признаётся время – маркер темпоральности. Отношение времени становится ключевым в восприятии художественных, публицистических и научных текстов, а также «в представлении устного дискурса». В немецком языке понятие времени основывается на трёх отношениях к настоящему: предшествование действию настоящего времени (Vorzeitigkeit), одновременность обоих действий (Gleichzeitigkeit) и следование одного действия за другим (Nachzeitigkeit).

Объектом исследования в нашей работе являются коннекторы, выражающие какое-либо из трёх названных отношений времени и являющиеся связующим элементом между двумя и более предложениями. Выделение коннекторов как отдельной составляющей языка позволяет распределить существующие средства связи по группам: как части речи и/или как виды связи. Такое распределение позволит не только обозначить логические взаимоотношения предложений в тексте, но и самостоятельно создать структурированный текст с плавным переходом от одной проблемы к другой. Целью нашей статьи является анализ свойств коннекторов в немецком языке, позволяющих установить темпоральные отношения в предложении. В задачи нашей статьи входит определить: 1) понятие «коннектор» и показать его отличие от союза, например; 2) какие отношения – темпоральные или таксисные – передают коннекторы; 3) подгруппы коннекторов и какие отношения ими передаются (предшествования, следования или одновременности); 4) можно ли выделенные нами коннекторы обозначить как маркеры таксисных отношений.

В качестве материала исследования послужили примеры, отобранные из корпуса DWDS. Всего было отобрано и проанализировано 150 примеров.

Основная часть

Остановимся подробнее на толковании термина «коннектор» и свойств коннектора в лингвистике. В современной российской лингвистике за ним закрепляется следующее определение: «коннекторы – это слова, которые являются элементами лексического наполнения сложного предложения и вместе с тем выполняют строевую роль, выражая отношения между явлениями, о которых говорится в частях сложного предложения, более точно и специализированно, чем союзы» [Белявцева, 2008, с.131]. То есть в самом определении уже лежит разделение коннектора и союза по внутренним функциям. Однако если рассматривать коннектор как элемент, связующий не только части сложного предложения, но и несколько предложений или даже абзацев целого текста, то следует признать, что сочинительные союзы (subordinierende Konjunktionen) могут выступать в роли коннектора. Согласно лингвистической теории коннекторов (Мангейм, Германия), ученые определяют следующие признаки для распознавания коннектора в тексте: 1) наличие

неизменяемой словоформы; 2) отсутствие падежных признаков; 3) расположение двусторонней реляцией; 4) должны быть выражены только предложениями [Голубева, 2010, с. 23].

Таким образом, коннектор точно не может быть ни глаголом, ни существительным, ни предлогом, вероятнее всего в роли коннектора может выступать союзное слово или наречие.

Коннекторы могут участвовать в передаче темпоральных и таксисных отношений. Под таксисными значениями С. М. Полянский понимает языковые значения, указывающие на взаимное положение представленных в высказывании элементарных ситуаций в пределах общего для них целостного периода времени (то есть на их одновременность либо неодновременность) безотносительно к моменту речи) [Полянский, 1990].

В инвентарь средств функционально-семантического поля таксиса входят полипропозитивные высказывания, формирующиеся на базе разнообразных синтаксических типов предложений, которые можно подразделить на две группы: полипредикативные конструкции и монопредикативные односложные конструкции [Полянский, 1990, с. 37]. Если темпоральные отношения предполагают отношение к моменту речи, то таксисные отношения возникают между действиями относительно друг друга.

Остановимся на вопросе о том, какие средства связи позволяют оформить таксисные отношения в полипредикативных конструкциях.

Отношение предшествования, одновременности и следования в рамках сложного предложения выражается непосредственно союзами, и соответствие времён отображается в изменении глагольных форм. Однако поскольку коннектор по определению не равняется союзу, рассмотрим другие лексические средства выражения временных отношений. Учитывая такое свойство коннектора как неизменяемость его формы, можно предположить, что наречие определённо может выполнять эту функцию. Рассмотрим в связи с этим несколько примеров, при этом обратим внимание на скопус (или сферу действия) коннекторов.

1. *Davor erhebt sich die zweite Ausstellung des Marine-Ministeriums auf dem Gebiet der Betonung, Bebakung und Küstenbefeuering.*

2. *Davor versucht er jetzt doch noch einmal, sein Leben, das Geld und die vielen Reisen in Lässigkeit zu hüllen.*

В обоих предложениях наречие *davor* является соединительным элементом приведённого предложения с предыдущим. А по контексту предложения 2 можно предположить, что оно является неким результатом или выводом по сравнению с некими произошедшими событиями, то есть коннектор *davor* связывает данное предложение с несколькими другими одновременно.

3. *Die Proben waren vorher sorgfältig poliert, mit Wasser, Alkohol und Aether gewaschen und genau gewogen.*

Наречие *vorher* в данном примере относится к относительному недавнему отрезку времени в сравнении с описанным действием, а в предложении 4 напротив, *vorher* обозначает неопределённый период времени в прошлом, точно неустановленный.

4. *Vorher gab es verschiedene Bezeichnungen wie „Granzoye“ – was so viel wie Grenzaue bedeutet.*

Кроме наречий, неизменяемой формой и отсутствием падежных признаков обладают прилагательные в сравнительной степени. Так, предшествование одного действия другому можно выразить с помощью формы *früher*. Сравните.

5. *Früher waren Montagefehler, minderwertiges Material und Schlaglöcher in schlechten Straßen die Hauptursachen für "Einäugige" im Straßenverkehr.*

6. *Früher hat man schnell arbeitende Mühlen mit verhältnismäßig geringer Kapazität verwendet.*

7. *Früher galt Mercedes-Benz als Inbegriff für Zuverlässigkeit und Qualität.*

Во всех приведённых предложениях *früher* является отсылкой к относительно давнему периоду времени, тем самым указывая на какие-либо изменения или усовершенствования описанных явлений в настоящем времени, то есть *früher* можно назвать темпоральным коннектором.

В качестве средства выражения одновременности действий проанализируем очевидное наречие *gleichzeitig*.

1. *Gleichzeitig wusste ich, dass dieser Auftrag alle zwanzig Jahre an genau eine Person vergeben wird.*

2. *Gleichzeitig war ihm klar, daß er nun keine Möglichkeit mehr hatte, so zu tun, als habe er ihn nicht erhalten.*

В обоих предложениях *gleichzeitig* относится больше к предыдущему, так как свидетельствует об одновременности каких-либо событий, происходящих в жизни автора.

В следующем предложении *gleichzeitig* также можно рассматривать как коннектор, так как его роль – связь явления, описанного в данном предложении, с общей идеей текста.

3. *Gleichzeitig ist die Arbeit als Schauspieler eine hochemotionale.*

На основе анализа приведённых примеров, нельзя точно сказать, является ли наречие *gleichzeitig* непосредственно темпоральным коннектором, так как оно больше подразумевает какое-либо состояние. Однако это слово имеет право называться коннектором, поскольку выражает одновременность описанных состояний и связь с предыдущим или последующим контекстом.

Рассмотрим последнее соотношение времён – отношение следования одного действия за другим. Если в отношении предшествования мы приводили примеры с наречиями *davor*, *früher*, то в отношении следования действия проанализируем их лексические антонимы – *danach*, *später*.

1. *Danach kamen das Königreich Bayern, der zweitgrößte Flächenstaat, und die Königreiche Sachsen und Württemberg.*

В приведённом примере *danach* относится больше к предыдущему предложению или даже к нескольким, так как даёт описание некой истории, то есть *danach* в себе уже содержит какую-то известную читателю информацию: то, о чём шла речь ранее в тексте.

2. *Danach wollte sich allerdings keines der bekannten Institute mehr auf das "Donald-Risiko" einlassen.*

В этом примере *danach* также коррелирует с указанной ранее информацией, при этом является итогом/следствием ряда выше описанных нововведений. Таким образом, наречие *danach* в некоторых случаях употребления можно рассматривать как темпоральный коннектор.

3. *Später* errichtete er die weltberühmte Porzellanfabrik, aus der sich allmählich die Philipp Rosenthal & Co. A.-G. entwickelte und die heute zu den drei größten Porzellankonzernen gehört.

4. *Später* entfernte das Unternehmen mehrere Äußerungen von seiner Homepage, in denen das Ministerium kritisiert wurde.

В приведённых примерах *später* играет роль связки в истории развития определённого явления, то есть представляет собой коннектор, указывающий на связь с предшествующей информацией, а также последующей.

Заключение

Термин «коннектор» мы определяем как неизменяемое слово, служащее для связи нескольких предложений, а также участвующее в создании некой связности текста и упорядочивании его структуры. Согласно лингвистической теории коннекторов им свойственны такие признаки как неизменяемая словоформа, отсутствие падежных признаков, расположение двусторонней реляцией. Так, являясь соединительным элементом, коннектор может выражать различные виды соединения, в частности, временную связь. Немецкий язык различает три вида соотношения времён по соотносению их с настоящим: предшествование, одновременность действий и следование одного действия за другим.

Руководствуясь тем, что коннектором является слово неизменяемое, нами были рассмотрены следующие немецкие наречия, указывающие на соотношение времён: 1) для выражения предшествования действия – *davor, vorher*; 2) для одновременности – *gleichzeitig*; 3) для выражения следования одного действия за другим – *danach*.

Также нами были рассмотрены прилагательные в сравнительной степени в роли коннекторов: *früher* и *später*. Наш демонстрационный анализ подтверждает теорию о том, что некоторые наречия и прилагательные могут выступать в роли коннекторов, так как обычно их лексическое содержание выходит за рамки одного предложения и является связкой с рядом стоящими. Наречия и прилагательные в немецком языке могут выражать по отношению к рядом стоящим предложениям предшествование, одновременность или следование действия одного за другим.

Таким образом, с целью более полного понимания текста темпоральные коннекторы следует рассматривать как средство внутренней связности текста с определённым временным значением. Исследование коннекторов может быть продолжено для создания развернутой классификации, а также их структурирования по различным аспектам.

Список литературы

1. Аверина А. В. Эпистемическая модальность как языковой феномен. Москва: УРСС, 2010. 192 с.
2. Аверина А. В. Функции модальных частиц в публицистических текстах (на материале немецкого языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. С. 69–72.
3. Аверина А. В. Валентность модальных слов и частиц в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 43–52.
4. Белявцева И. В. Место коннекторов в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале русского и немецкого языков) // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Изд-во «Воронежский университет», 2008. С. 130–138.

5. Голубева Н. А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Дисс. ... д. филол. н. Н. Новгород, 2010. 417 с.
6. Голубева Н. А., Зуева Е. И. К понятию коннектора в лингвистике // Язык и культура. 2017. С. 20–32.
7. Полянский С. М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1990. 235 с.
8. Урысон Е. В. Союзы, коннекторы и теория валентностей. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. <http://docplayer.ru/32609973-Soyuzu-konnektory-i-teoriya-valentnostey-1.html> (дата обращения: 12.01.2020).
9. Antonioli G. Konnektoren im gesprochenen Deutsch. Deutsche Sprachwissenschaft International, Band 23. Peter Lang Edition. 2016. 207 S.
10. Averina A. Partikeln im komplexen Satz: Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Frankfurt – am – Main, 2015. 240 S.
11. Pasch R., Brauße U. et al Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln). Berlin, New York : de Gruyter, 2003 (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache. Bd. 9). 824 S.

Yarullina L. R.

Master, Moscow Region State University

TEMPORAL CONNECTORS IN THE GERMAN LANGUAGE

The article deals with the linguistic content of the notion "connector", it highlights its General and particular properties and the ability of connectors to express taxic relations as well. It explains the need to distinguish connectors as a special section of lexical and grammatical elements. Connectors with their syntactic and semantic content create the coherence of the text and determine its structure, so one of the main tasks and the the purpose of the article is to describe their functional properties. The criteria for recognizing the connector in the text are analyzed according to the linguistic theory of the syntactic school of the Institute of German language in Mannheim. In addition to the connection function, the connector as a word with internal semantics can carry an additional meaning in the connection of sentences, in particular, the connector can express the correlation of tenses. In German, there are three tenses that correspond to the present: preceding, simultaneous, and following one action after another, so the article provides various examples to demonstrate the role of the connector in sentences. Based on the main property of the connector – an unchangeable word form and the absence of case features, as connectors can be used adverbs and forms of short adjectives such as davor, vorher, gleichzeitig, danach, früher, später. These connectors were analyzed from the point of view of expressing temporal relations.

Keywords: connectors, temporal and taxis relations, connection function, scope of connectors.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81-26'06.053. 56

Хорошева Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Тел. +7 (342) 2396306

E-mail: romanphyl@gmail.com

Банникова Анастасия Дмитриевна

Факультет современных иностранных языков и литератур,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Тел. +7 (342) 2396306

E-mail: anastasiia.bannikova98@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОШИБКИ В СИТУАЦИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА ВЫСТУПЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Настоящая статья посвящена анализу переводческих ошибок, возникающих в процессе синхронного перевода встречи политических лидеров на высшем уровне. Материалом исследования послужила видеозапись встречи и пресс-конференции президента Российской Федерации В. В. Путина и президента Французской республики Э. Макрона от 19 августа 2019 года, сопровождавшихся синхронным переводом на французский и русский язык соответственно. В фокусе внимания авторов находились переводческие ошибки, ведущие в той или иной степени к искажению информации для реципиентов. Выявленные ошибки были отнесены к трем типам: ошибки передачи фактической информации и референциальных значений; ошибки, приводящие к искажению логики оригинала; ошибки, приводящие к стилистическим искажениям. Был сделан вывод, что при синхронном переводе вступительных речей большую степень искажения проявляли ошибки, связанные с некорректной передачей фактической и референциальной информации, а при переводе вопросов журналистов – ошибки, связанные с искажением логики оригинала. Обнаружено, что фактические и логические ошибки возникают при некорректном использовании переводчиком различных переводческих трансформаций и приемов – прежде всего, опущения и смыслового развития, а также при использовании «ложных друзей переводчика». Часть рассматриваемых ошибок интерпретируется в рамках принадлежности анализируемых текстов устных выступлений к сфере международных отношений как связанных с нарушением норм дипломатического дискурса. В целом синхронный перевод во многом подвержен возникновению переводческих ошибок в силу собственной специфики. При этом, по всей видимости, переводчик в сфере международных отношений имеет особый статус и

дипломатические полномочия, позволяющие ему в отдельных случаях отклоняться от содержания оригинала с целью поддержания продуктивного межгосударственного диалога.

Ключевые слова: перевод, синхронный перевод, переводческая ошибка, дипломатический дискурс

Введение

Синхронный перевод – это наиболее сложный вид устного перевода, при котором переводчик транслирует информацию одновременно с оратором, при этом отступление от речи говорящего не может составлять более нескольких секунд. В процессе синхронного перевода задействованы различные когнитивные механизмы: механизм восприятия и понимания, механизм обработки поступающей информации, механизм вероятностного прогнозирования, механизм переключения между языками, механизм выработки варианта перевода, механизм синхронизации [Балаганов, Князева, 2020]. Синхронисты должны одновременно поддерживать в сознании две языковые системы в активном состоянии, распределяя внимание между пониманием и порождением, варьируя его в зависимости от возникающих сложностей при выполнении перевода [Lambert, 2004, p. 297]. Подобная ситуация практически неизбежно увеличивает вероятность появления в переводе ошибок.

В сфере международной дипломатической коммуникации ошибка синхронного перевода может иметь очень серьёзные последствия для мирового сообщества, поэтому подробное изучение и типологизация переводческих ошибок в рамках данного типа дискурса представляются весьма актуальными. В качестве предмета нашего исследования выступают переводческие ошибки, возникающие в процессе синхронного перевода в дипломатическом дискурсе. Цель исследования – выявление и анализ ошибок в синхронном переводе на двух языках встречи политических лидеров на высшем уровне. Материалом анализа послужила видеозапись встречи и пресс-конференции президента Российской Федерации В. В. Путина и президента Французской республики Э. Макрона от 19 августа 2019 г. в г. Брегансон (Франция), сопровождавшихся синхронным переводом на французский и русский язык соответственно. Общая длительность анализируемого видео составила 45 минут 52 секунды. В качестве методов исследования использовались дискурсивный, лингвостилистический и лексико-семантический анализ.

Основная часть

В связи со спецификой перевода как многоаспектного явления, которое приобретает разные формы и работает с устными и письменными текстами самых различных стилей, жанров и ситуаций, вопрос о типологии ошибок в переводе и их классификации остаётся актуальным уже не первое десятилетие [Илюхин, 2001; Комиссаров, 2001; Куниловская, 2013; Латышев, 2005; Минченков, 2008; Миньяр-Белоручев, 1996; Михайлова, Фомин 2017; Швейцер, 1988].

Минимальными единицами синхронного перевода являются очень короткие сегменты текста, с содержанием которого переводчик зачастую не знаком заранее, поэтому одним из ключевых навыков для успешной реализации целей синхронного перевода является способность переводчика к прогнозированию и вычленению прагматической составляющей текста, производимого оратором. В таких условиях вероятны ошибки и неточности

в переводе, а компенсирование собственных ошибок становится одной из функций переводчика-синхрониста. Как утверждает И. С. Алексеева, в этом переводчику помогает ввод корректирующей информации, который требует определенного времени, но, задействуя это время, переводчик может отстать от оратора и потерять нить высказывания и понимание логики производимого оратором текста [Алексеева, 2004, с. 17].

Переводчик, работающий с дипломатическим дискурсом должен учитывать все языковые особенности данного типа дискурса, которые включают в себя «наличие речевых клише, фразеологизмов, заимствованной лексики, неологизмов и так далее» [Волкова, 2011, с.256], а также обладать знаниями в области истории, культурологии, международных отношений и других областей, чтобы успешно реализовать перевод текста дипломатического дискурса.

Отрывок встречи, анализируемый нами, представляет собой заявление для прессы, предшествующее переговорам, и ответы на вопросы журналистов. У каждой из сторон был свой переводчик-синхронист, как это принято на международных встречах высокого уровня. Немаловажными факторами при выборе материала для данного исследования являлись не только важность события, которое было объектом перевода, но также критика качества перевода данных переговоров со стороны СМИ, получившая широкий общественный резонанс. В фокусе нашего исследования находились переводческие ошибки, ведущие в той или иной степени к дезинформации реципиентов. Выявленные ошибки были отнесены к трем типам: ошибки передачи фактической информации и референциальных значений; ошибки, приводящие к искажению логики оригинала; ошибки, приводящие к стилистическим искажениям.

При анализе материала встречи президентов В. В. Путина и Э. Макрона мы учитываем в нём наличие двух смысловых блоков: вводной части – вступительных речей президентов и основной части – ответов на вопросы прессы. Данное деление необходимо учитывать, потому что вступительные речи президентов – это чаще всего заранее подготовленный дипломатическими службами материал, к которому политический переводчик может иметь доступ. Даже если у него нет полного текста речи президента, основные моменты для обсуждения ему так или иначе известны заранее, и у него есть больше возможностей для подготовки. В свою очередь общение президентов с прессой – это регулируемый, но не всегда подготовленный процесс. Он отличается большей степенью неожиданности как для участников переговоров, так и для переводчиков, именно поэтому вероятность переводческой ошибки возрастает. Особенно важным становится корректный перевод вопросов прессы, потому что ошибки на этом уровне могут изменить всю логику хода встречи. Более того, общение с прессой переносит встречу из поля дипломатического дискурса в политический медийный дискурс, и подобное смещение может затруднить работу переводчика и привести к ошибкам.

По своему прагматическому содержанию и потенциальным последствиям ошибки передачи фактической информации и референциальных значений, имеющих прагматическую ценность, можно считать наиболее серьезными в дипломатической сфере. В ситуации анализируемого нами дискурса любое искажение информации переводчиком вносит неясность в межгосударственную коммуникацию.

Примеры подобных ошибок мы можем наблюдать уже на этапе анализа вступительных речей президентов. Так, переводчик допускает ошибку при переводе прецизионной информации: *В следующем году мы намеряем провести во Франции так называемую серию мероприятий в рамках так называемых русских сезонов – это 270 мероприятий практически во всех департаментах Франции, во всех крупных городах Франции / L'année prochaine, nous pensons organiser toute une série d'événements culturels dans le cadre des Saisons russes. Il s'agit de 170 événements qui se dérouleront presque dans toutes les grandes villes, dans tous départements français.* Переводчик не прибегает ни к генерализации, ни к «округлению» данного числового показателя, ни к использованию маркеров приблизительности. Причиной данной ошибки может служить сближение выражений «*Il s'agit de 170 événements*», прозвучавшего в переводе, и «*Il s'agit de 270 /de deux cent.../ événements*», но это не оправдывает ошибки переводчика.

Еще одна переводческая ошибка: *Le libéralisme politique, c'est l'Europe des Lumières. / Политический либерализм нас отводит к той самой Европе эпохи Возрождения.* В данном варианте переводчик неверно передал эпоху. *L'Europe des Lumières* – это Европа эпохи Просвещения, но в силу стрессовой ситуации или иных обстоятельств переводчик выбрал неправильный референт, и подобная ошибка в итоге может усложнить восприятие реципиента и создать ложное представление о появлении института политического либерализма, к которому отсылают в ходе обсуждения президенты РФ и Франции.

В некоторых ситуациях переводчик, применяя переводческие трансформации, в частности, приём смыслового развития, упускает важную информацию: *...благодаря инициативе Президента Франции у нас кроме традиционных наших направлений сотрудничества развивается и диалог общественности – «Трианонский диалог». / ...grâce à l'initiative du Président français, en outre des axes traditionnels de notre coopération, nous avons aussi le dialogue des sociétés civiles qui se développe très activement.* В случае дипломатического перевода замена устоявшегося специального политического термина «Трианонский диалог» перифрастическим переводом – серьезное упущение.

Учитывая нацеленность дипломатического дискурса на установление межгосударственного сотрудничества, считаем следующий пример переводческой ошибки нарушающим цели сближения государств: *Ещё генерал де Голль высказал эту мысль по существу, когда сказал о Европе от Лиссабона до Урала. Но Россия простирается до Тихого океана, это всё пространство европейской культуры. / C'était encore le général de Gaulle qui a avancé cette idée, quand il a mentionné à l'époque l'Europe de Lisbonne à l'Oural. Mais en fait, la Russie a son territoire qui ne s'arrête pas à l'Oural, c'est jusqu'à l'océan Pacifique. Cela constitue toujours l'espace de la culture russe. Это важно понимать.* Говоря о европейском пространстве, В. В. Путин подчеркивает культурную принадлежность к нему России. Это было сказано в контексте обсуждения проблемы интеграции России в Европу и важности данного процесса. В переводе, заменяя пространство европейской культуры пространством русской культуры, переводчик не транслирует интенции интеграции и сотрудничества, имеющие большое политическое значение.

Другим примером ошибки может стать неточная передача значения выражения *un allié solide* в следующем случае: *M. le président Poutine, considérez-vous la France comme un allié plus solide qu'auparavant ? Plus solide, par exemple, que lors du dernier quinquennat ? / Господин*

Президент Путин, рассматривает ли Вы Францию как солидного партнёра, более солидного, чем в ходе предыдущего пятилетнего мандата? Данная ситуация – пример использования так называемых «ложных друзей переводчика», которые встречаются даже в переводе профессионалов высокого уровня. В контексте дипломатического дискурса выражение *un allié solide* – устойчивое выражение, клише, которое переводится на русский язык как *надёжный партнёр*. Выбирая прилагательное *солидный*, имеющее в русском языке переносное значение «важный, представительный», переводчик искажает содержание высказывания. А учитывая то, что данный пример мы наблюдаем в переводе вопроса журналиста, такая ошибка могла привести к неправильной трактовке вопроса и изменению хода встречи политиков.

Одним из самых показательных примеров ошибочного перевода, искажающего фактическую информацию и привлёкшего внимание со стороны средств массовой информации, является следующий: *Et une question subsidiaire: un accident nucléaire a eu lieu la semaine dernière sur la plateforme militaire de Nyonoksa. On évoque des prélèvements radioactifs élevés dans les villes alentour. / И недавно произошёл ядерный инцидент в Сибири. Говорят о высоком уровне радиоактивности в воздухе.* Реакция на данный вопрос президента В. В. Путина вызвала большой резонанс: *«Надо с географией разобраться. В Сибири не было никаких инцидентов. Если Вы имеете в виду в Северном море, то это другой регион Российской Федерации»*. Таким образом, президент В. Путин сразу же вносит ясность в ситуацию, начинает свою речь с безличного императивного предложения, выражающего необходимость – *надо разобраться*, поправляя французского журналиста и не подозревая, что на самом деле вина за это искажение лежит на переводчике. Более того, если следить за ходом данной встречи, именно эта переводческая ошибка и реакция на неё становятся неким переломным моментом переговоров. После этого вопроса риторика президентов становится более жесткой, и из интенционального поля подчеркнутого сотрудничества президенты переходят к обсуждению конкретных событий и различий между странами.

Другой показательной ситуацией, которая также привлекла внимание СМИ, стал перевод той части встречи президентов, где они обсуждают акции «жёлтых жилетов». Описывая имеющуюся у российской стороны информацию об этих протестных выступлениях, президент В. В. Путин называет конкретные цифры и даёт указание на источник данных: *Мы все знаем события, связанные с так называемыми желтыми жилетами, в ходе которых, как нам кажется, по нашим подсчётам, погибло 11 человек, 2500 – получили ранения, 2000 полицейских в том числе.* Переводчик часть этой информации игнорирует, а другую – явно искажает: *Vous savez tous que pendant les manif des gilets jaunes, il y avait plusieurs dizaines de personnes qui avaient été blessées, il y avait aussi des policiers qui avaient été blessés.* Учитывая серьёзность ситуации и её актуальность на момент встречи, можно сказать, что подобное искажение показателей количества жертв неприемлемо. Более того, игнорируя источник таких данных, переводчик дискредитирует российскую сторону переговоров.

Следующий тип ошибок приводит к нарушению логики и формального содержания ИТ в переводе. Часто такие ошибки становятся причинами определенных противоречий и деформации целостности оригинала в переводе.

Так же, как и в случае с первым типом ошибок, начнём анализ с рассмотрения вступительных речей президентов. Рассмотрим данный фрагмент: *À Saint-Pétersbourg, à Istanbul, nous avons lancé ensemble des opérations humanitaires mais je dois bien le dire notre préoccupation aujourd'hui qui est profonde sur la situation qui est vécue à Idlib.* / В Санкт-Петербурге и в Стамбуле мы положили начало некоторым гуманитарным операциям, **разработали новые инициативы.** Сегодня мы очень озабочены тем, что происходит в Идлибе. В данном случае, переводчик добавляет предложение о разработке новых инициатив, чего не было в оригинале, и, более того, смещает тема-рематические акценты, разбивая одно распространённое предложение с противлением «mais». И если в речи Э. Макрона обозначен приоритет ситуации в Идлибе над глобальной проблемой гуманитарных операций в актуальной политической повестке, то в переводе мы этого не обнаруживаем.

В данном контексте можно рассматривать и следующий вариант перевода: *Люди, которые, к сожалению, пострадали и погибли, безусловно, выполняли важнейшую государственную функцию. Все они будут представлены к государственным наградам Российской Федерации.* / *C'est vrai qu'il y a eu, malheureusement, des morts. Les gens qui étaient en train d'exercer leur service militaire, qui étaient en train de travailler. Sans doute, on va, à titre posthume, leur donner des décorations parce que... leur vie était perdue.* В речи В. В. Путина мы прослеживаем следующую логику: президент высказывает сожаление о смерти людей, но подчёркивает важность государственной функции, которую они выполняли, и за эту самоотдачу на государственной службе они будут представлены к наградам. В переводе же ситуация интерпретируется таким образом: эти люди получают награды потому, что они погибли. Данная интерпретация ошибочна и искажает восприятие военных государственных реалий.

Подобное прослеживается и в другом примере: *On aura beaucoup d'autres sujets mais ces crises seront au coeur de notre discussion parce que la France a à préparer le prochain G7, compte-tenu de notre présidence et parce que la Russie a un rôle absolument incontournable sur chacune de ces crises. C'est pourquoi je souhaitais pouvoir échanger avec le président Poutine sur ces sujets* / Эти кризисы будут, конечно, главной темой нашей сегодняшней дискуссии, поскольку во Франции через несколько дней будет проходить саммит «Большой семёрки», в течение которого мы также будем обсуждать данные темы. Именно поэтому я и хотел обсудить эти темы с господином Путиным в преддверии данного саммита. Опуская часть предложения о значительной роли России в геополитических кризисах, переводчик также нарушает тема-рематическое членение высказывания. В результате реципиент перевода связывает важность двустороннего обсуждения кризисов именно с проведением саммита «Большой семёрки», а не со значительной в данных условиях ролью России, не принимающей участие в саммите.

В общем смысле опущение как один из приёмов компрессии – это та переводческая трансформация, которая в некоторых случаях может очень серьёзно изменить ход переговоров и нарушить логику говорящих.

Анализируя перевод других вопросов прессы, можно также рассмотреть следующий пример: *Господин Макрон, Вы сейчас сказали, что в ходе этого саммита можете согласовать условия проведения саммита уже в «нормандском формате» встречи четырёх*

лидеров. При этом **Вы, Владимир Владимирович**, не раз говорили о том, что для проведения такого саммита нужны необходимые предпосылки. / *M. Macron, vous venez de dire que lors de ce sommet, il est possible que vous pourrez négocier des conditions du sommet en format Normandie, donc une rencontre des quatre leaders. Mais il a été dit plusieurs fois que pour organiser un sommet de ce genre, il faut avoir des conditions.* В оригинале журналист обращается к российскому и французскому президентам по вопросу проведения встречи «Нормандской четверки», подчеркивая для каждого из них определенный аспект, связанный с проведением этой встречи. Более того, обращаясь к В. В. Путину, он говорит «*вы не раз говорили...*», отсылая к его прошлым выступлениям. В переводе же эта часть вопроса полностью деперсонализируется, и комментарии российского президента по поводу условий организации встречи приобретают обобщенное значение. Таким образом, в переводе вопроса не было сделано акцентов на интересующие журналиста моменты и была нарушена логика вопросов, что отразилось на ответах президентов.

Рассмотрим ошибки, приводящие к стилистическим искажениям. В некоторых моментах при переводе на русский язык мы наблюдаем деперсонализацию высказываний, но в ином ключе по сравнению с тем, что мы рассматривали выше: *C'est aussi pour nous l'opportunité de revisiter cette situation, de pouvoir échanger et de pouvoir aussi préparer des rendez-vous à venir, et en lien étroit avec le président Zelensky et la chancelière Merkel nous aurons à considérer l'opportunité, ce qui est mon souhait, d'un nouveau sommet en format Normandie dans les prochaines semaines.* / *Так что мы сможем об этом поговорить, подготовить будущие встречи, и вместе с господином Зеленским, Владимиром Путиным и госпожой Меркель мы постараемся рассмотреть возможность созыва «нормандского формата» через несколько недель.*

В этом и подобных случаях Э. Макрон пытается подчеркнуть не только государственный, но и свой личный интерес (*mon souhait*) в установлении отношений с Россией. Подобная форма призвана способствовать сближению президентов и установлению более тесных связей. Нейтрализация, которую допускает переводчик, нивелирует интенциональное значение высказывания президента. Впрочем, это можно объяснить, учитывая различия двух языков и культур и нормы российского дипломатического дискурса, где в речи главы государства не принято говорить от первого лица и высказывать личные намерения.

Подобные сдвиги мы наблюдаем и в следующем примере: *C'est pourquoi la France, et je l'assume, s'est tant battue pour qu'on trouve une solution utile, pertinente au sein du Conseil de l'Europe qui permet à la Russie d'y retrouver sa place.* / *Именно поэтому Франция приложила все усилия для того, чтобы Россия вернулась в лоно Совета Европы.* В данном случае нейтрализуется тот эффект, при котором реципиент мог бы воспринять нацеленность всего государства на сотрудничество еще и как личный, может быть даже эмоциональный, интерес президента. Подобную нейтрализацию можно наблюдать на протяжении всего перевода речи французского президента.

Со стилистической точки зрения, интерес вызывает и следующий фрагмент перевода: *Merci Monsieur le Président, cher Vladimir, d'être aujourd'hui à Brégançon, d'avoir pris ce temps, d'avoir pris la peine. Je suis très heureux que nous puissions ainsi échanger.* / *Спасибо, господин Президент, спасибо, дорогой Владимир, за то, что ты приехал в Брегансон сегодня, за то,*

что *ты* выделил на это время. *И я очень рад твоему присутствию здесь. Спасибо.* В оригинале речи Э. Макрона, не было указаний на местоимение «ты», но именно так переводчик позволил себе в данной ситуации перевести обращение с благодарностью к президенту В. Путину. Возможно, маркером для этого переводчик посчитал обращение «*cher Vladimir*», но в русскоязычном поле обращение к президенту во время встречи на высшем уровне на «ты» при переводе неприемлемо, тем более, если такого обращения не было зафиксировано в исходном тексте.

Заключение

В целом при переводе двух блоков встречи В. В. Путина и Э. Макрона перед переводчиками стояли разные задачи. Если при переводе вступительных речей большую степень искажения проявляли ошибки, связанные с некорректной передачей фактической и референциальной информации, то при переводе вопросов журналистов – ошибки, связанные с искажением логики оригинала. Часть рассматриваемых нами ошибок интерпретируется в рамках принадлежности анализируемых устных выступлений к сфере дипломатии и связаны с нарушением норм дипломатического дискурса. В иных обстоятельствах данные примеры не рассматривались бы в качестве ошибок в рамках выделенной нами классификации.

В целом синхронный перевод в силу собственной специфики во многом подвержен появлению в нём переводческих ошибок. При этом, по всей видимости, переводчик в сфере международных отношений имеет особый статус и дипломатические полномочия, позволяющие ему в отдельных случаях отклоняться от содержания оригинала с целью поддержания продуктивного межгосударственного диалога.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Санкт-Петербург; Москва: Филологический факультет СПбГУ; Издательский центр «Академия». 2004. 352 с.
2. Балаганов Д. В., Князева Е. Г. Психолингвистические основы синхронного перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 3. С. 192–197.
3. Волкова Т. А. Методика анализа дискурса в моделировании перевода дипломатических текстов // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 17–24.
4. Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода). Дисс. ... к. филол. н. Москва, 2001. 223 с.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва: Изд-во «ЭТС», 2001. 424 с.
6. Куниловская М. А. Классификация переводческих ошибок и их электронная разметка в brat // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 16. Т. 1. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2013. С. 59–71.
7. Латышев Л. К. Технология перевода. Москва: Академия, 2005. 320 с.
8. Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка). Дисс. ... д. филол. наук. Санкт-Петербург, 2008. 319 с.
9. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. Москва: Московский лицей, 1996. 208 с.
10. Михайлова Е. Е., Фомин А. Г. Ошибки в процессе синхронного перевода // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oshibki-v-protsesse-sinhronnogo-perevoda> (дата обращения: 01.02.2020).
11. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. Учебное пособие. Москва: Наука, 1988. 214 с.

12. Lambert S. Shared Attention during Sight Translation, Sight Interpretation and Simultaneous Interpretation // Meta. 2004. Vol. 49. № 2. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/a16b/14d8a05ea3d929514b8b18d73fd3997a4c54.pdf?_ga=2.50527594.219970244.1587971973-2009831524.1587971973 (дата обращения: 03.04.2020).

Источники материала

1. <http://kremlin.ru/events/president/news/61336> (видео и транскрипт встречи на русском языке) (дата обращения: 01.04.2020).

2. <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/20/declaration-de-presse-demmanuel-macron-president-de-la-republique-avec-vladimir-poutine-president-de-la-federation-de-russie> (видео и транскрипт встречи на французском языке) (дата обращения: 01.04.2020).

Khorosheva N. V.

*PhD (Philology), Head of the Department of Linguistics and Translation,
Perm State University*

Bannikova A. D.

*Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University*

THE PROBLEM OF TRANSLATION ERROR IN THE PROCESS OF SIMULTANEOUS INTERPRETATION OF POLITICAL SPEECHES

This article is devoted to the analysis of translation errors arising in the process of simultaneous interpreting of the summit of political leaders. The research material was a video of the meeting and press conference of the President of Russia Vladimir Putin and of the President of France Emmanuel Macron on August 19, 2019, accompanied by simultaneous interpretation into French and Russian, respectively. The authors focused on translation errors which in one way or another cause the distortion of the information in the text transmitted to recipients on the respective sides. Identified errors were assigned to three types: errors of the factual information aspect; errors leading to logic distortions of the original; errors leading to stylistic distortions. It was determined that in the simultaneous interpretation of introductory speeches, a large degree of distortion was caused by errors of the factual information aspect. At the same time, in the process of the interpreting of journalists' questions, the majority of errors was associated with the distortion of the logic of the original text. It was found that factual and logical errors arise when the interpreter fails to use various translational transformations and techniques correctly – first of all, omission and semantic development – as well as when using the “false friends of a translator”. A select part of the errors was studied in the context of the original texts belonging to the field of international relations where the errors described break the norms of diplomatic discourse. In general, simultaneous interpretation is largely susceptible to the occurrence of translation errors due to its specific nature. At the same time, most likely, the interpreter in the field of international relations has a special status and diplomatic capabilities that allow him in some cases to deviate from the contents of the original in order to maintain a productive international dialogue.

Keywords: translation, simultaneous interpretation, translation error, diplomatic discourse

УДК 81-26'06.053. 56

Хорошева Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук, заведующий кафедрой лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 2396306
E-mail: romanphyl@gmail.com

Тюрина Дарья Сергеевна

Факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 2396306
E-mail: dariatiurina97@gmail.com

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА
В ХОДЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ГЛАВ РОССИЙСКОЙ
И ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ**

Статья посвящена анализу переводческих стратегий и их реализации в рамках пресс-конференции министров иностранных дел России и Франции Сергея Лаврова и Жана-Ива Ле Дриана, которая состоялась в Париже 6 июля 2017 г. Материалом исследования стала запись синхронного перевода выступавших на русский и французский язык соответственно. При анализе перевода выступления российского министра на французский язык были отмечены регулярные добавления, служащие для экстерииоризация логических связей в тексте. Выявлены три вида ситуаций, в которых переводчик прибегает к подобного рода добавлениям: переводчик акцентирует внимание на известной a priori или понятной из общего контекста информации; переводчик отсылает к одному из предыдущих тематических блоков, логически связывая новую информацию со старой; переводчик отсылает к звучавшей ранее информации из того же тематического блока. При переводе с французского языка на русский прослеживается стратегия сохранения линейности, которая позволяет уменьшить перцептивную нагрузку для реципиента, благодаря упрощению структуры высказывания. Наиболее существенной для перевода первой части пресс-конференции оказалась установка на комплексное понимание реципиентом смысла исходного текста. В связи с этим обоими переводчиками применялись стратегии, направленные на упрощение восприятия оригинала. Что касается вопросов журналистов и ответов на них министров, при трансляции критических высказываний обоими переводчиками широко использовалась компрессия. При этом русский текст модифицировался переводчиком в сторону большей связности, в то время как французский текст в переводе значительно упрощался, в том числе в силу строевой и функциональной разницы русского и французского языков. Среди наиболее частотных приемов,

использованных переводчиками, выделены приемы добавления, деперсонификации, диалогизации и инверсии.

Ключевые слова: конференц-перевод, синхронный перевод, дипломатический дискурс, переводческая стратегия, переводческие приемы.

Введение

Активизация международного сотрудничества привела к возникновению множества вопросов, связанных с переводческим сопровождением в сфере межгосударственных коммуникаций. Большинство современных исследований, посвященных конференц-переводу [Илюхин 2001; Погодин 2015; Усачева, Шовгенина 2012; Хромых, Шагеева, Хромушина, 2017; Чужакин, Палажченко 1999 и др.], исходят в основных положениях из интерпретативной теории, разработанной французским переводоведом Д. Селескович в 70-е гг. XX в. [Selescovitch, Lederer, 1984].

В рамках данной теории была выдвинута идея трехфазности процесса перевода (этап понимания – этап девербализации – этап перевыражения) как альтернатива представлениям о переводе как о «перекодировке языков». В современном переводоведении переводчик рассматривается не просто как посредник, «еще одно звено» между говорящими, но как важный элемент коммуникации, переводящая личность, а перевод – как когнитивная деятельность индивида.

Предметом нашего исследования выступают переводческие стратегии и их реализация в синхронном переводе выступлений министров иностранных дел России и Франции в рамках пресс-конференции. Пресс-конференция представляет собой жанровый вариант интервью, коммуникативной целью которого является получение актуальной информации от общественно значимого лица. Как и для интервью, для пресс-конференций характерны непосредственность общения, публичность, вопросно-ответная форма, двуадресность. Когнитивная готовность конференц-переводчика основана на знании им основных сценариев масштабных международных мероприятий, а также владении различными техниками перевода, среди которых синхронный конференц-перевод наиболее сложен, ввиду ограниченности времени, контекста и возможного влияния на процесс перевода экстралингвистических факторов.

Основная часть

В качестве материала для исследования использовалась видеозапись пресс-конференции в Париже министров иностранных дел России и Франции Сергея Лаврова и Жана-Ива Ле Дриана от 6 июля 2017 г. с синхронным переводом на русский (<https://francais.rt.com/international/42937-jean-yves-drian-serguei-lavrov-conference-presse-moscou>) и французский язык (https://www.youtube.com/watch?v=e3n3xlhLx7o&feature=emb_logo) продолжительностью около 44 минут.

Пресс-конференция начинается со вступительного слова министров (продолжительностью примерно по 10 минут) и продолжается в форме ответов на вопросы журналистов. Большую часть эфирного времени занимают речь и ответы на вопросы журналистов Сергея Лаврова (вопросы, заданные его французскому коллеге, зачастую были переадресованы представителю России).

Тексты выступлений представляют собой образцы дипломатического и политического типов дискурса. «Публичность» данного смешанного дискурса особенно релевантна во второй части встречи, где плотность когнитивной информации значительно ниже: ответы на вопросы журналистов фактически представляют собой повторяющиеся выдержки из выступлений первой части пресс-конференции. Основное прагматическое задание текстов – кратко обозначить результаты встречи представителей двух государств. Преобладающий тип аргументации – подтверждение.

При анализе синхронного перевода вступительной речи Сергея Лаврова на французский язык наблюдается регулярное введение в ПТ ряда добавлений-связок: *Только что мы подписали заявление о запуске «Трианонского диалога» / On vient de signer, vous le voyez, l'initiative de démarrage de ce «Dialogue de Trianon».* Добавление «vous le voyez» (букв. «как видите») выполняет в данном случае двойную функцию: с одной стороны, акцентируется время совершения действия – заявление было подписано *только что, сейчас, «у вас на глазах»*, с другой – введение «vous» говорит о «диалогизации» перевода. Также обратим внимание на указательное местоимение *ce*, транслирующее тема-рематические отношения в предложении.

Рассмотрим и другие примеры переводческих добавлений: *Это была договоренность наших президентов, достигнутая в Версале. / C'était l'initiative de nous et les Français, toujours acquise à Versailles.* Текст вновь модифицируется в сторону большей связности. Добавление «*toujours*» как бы намекает, что речь о Версале уже шла, и что эта, казалось бы, совершенно новая информация, на самом деле логически вытекает из предыдущей.

Еще один пример «логичного» перевода: *Безусловно, не могли мы обойти вниманием и тему насыщенного культурного сотрудничества. Через неделю министр культуры России Владимир Мединский будет в Париже для встречи со своей французской коллегой <...>. / On n'a pas non plus pu passer le volet de la coopération culturelle, puisque le ministre russe, monsieur Medinski, va faire le déplacement à Paris la semaine prochaine pour rencontrer son homologue français <...>.* Здесь мы можем заметить появление лингвистически выраженной причинно-следственной связи («*puisque*» – поскольку): переводчик подчеркивает, что насыщенное культурное сотрудничество упоминается в связи с приездом в Париж российского министра культуры.

Рассмотрим пример с противопоставлением, уже из второй части пресс-конференции: *В двух этих пилотных зонах разведение состоялось. В третьей пилотной зоне, это так называемая станция Луганская, уже много-много месяцев невозможно выполнить то, о чем договорились лидеры. / Dans deux endroits cela avaient été assuré, alors que dans le troisième point, sous le nom de stanitsa Louhanskaya, la village de Louhanskoye, on en piétine toujours, on ne peut pas procéder à ce que avait été convenu.* Мы можем заметить добавление переводчиком противительного союза «*alors que*», в то время как в ИТ союз не используется. Переводчик лексически подчеркивает противопоставление между двумя первыми пилотными зонами и третьей (в которой разведение сил и средств не состоялось). В речи Сергея Лаврова это противопоставление понятно нам, русскоговорящим, исходя из общего контекста выступления. Также в начале второй фразы тон говорящего меняется на более высокий. Становится ясно, что следующая фраза контрастирует с обозначенной только что информацией. Такое переводческое решение можно объяснить и тем, что французское

высказывание в большей степени характеризуется маркерами «внешней» связности», употреблением большого количества союзов. В русском же языке установление отношений между синтагмами нередко осуществляется посредством просодических средств: интонации, паузации и др. В случае перевода на французский язык экстериоризация логических связей в тексте, которая может считаться частным случаем стратегии декомпрессии, позволяет учитывать разницу между языками. В этом случае переводчик выступает не только как собственно переводчик, но и как носитель французского языка, в той или иной степени осознающий эту разницу.

В примере *Достаточно подробно Президент эту инициативу презентовал <...> Но я еще раз, может быть, некоторые детали уточню / En fait, le Président a présenté sa propre initiative d'une manière assez détaillée <...> Mais alors permettez-moi de clarifier quelques détails à cet égard* вновь наблюдаются добавления: «*en fait*», «*sa propre*», «*à cet égard*». Переводчик создает логические узлы между опорными концептами высказывания, включая их в общий контекст, при этом «*en fait*» – не только вводная конструкция, но и союз, маркирующий начало ответа. Как видим, введенные добавления не искажают основную интенцию высказывания, органично вписываясь в семантическую структуру фразы. Переводчик лишь «вывел на поверхность» то, что присутствовало в тексте имплицитно, делая видимыми «логические нити» между высказываниями, трансформируя текст в более доступный, иногда – близкий к разговорному.

В целом при анализе рассмотренных примеров выявлены три вида ситуаций, в которых переводчик прибегает к подобному рода добавлениям:

- 1) переводчик акцентирует внимание на известной *a priori* или понятной из общего контекста информации;
- 2) переводчик отсылает к одному из предыдущих тематических блоков, логически связывая новую информацию со старой;
- 3) переводчик отсылает к звучащей ранее информации из того же тематического блока.

Еще одно средство для «закрепления» смысла в синхронном переводе – использование синонимов. Например: *Прежде всего, принятие на постоянной основе особого статуса вот этих вот территорий с закреплением этого статуса в Конституции, проведение амнистии и организацию всеобщих выборов. / Ensuite qu'il y ait une amnistie totale et l'organisation des élections pour tout le monde, globales.* В данном случае синонимы могут выступать не только в качестве инструмента акцентирования внимания, но и (как в данном случае) – в качестве «переводческой страховки» от возможного недопонимания реципиентом смысла высказывания.

Стратегия столлинга наблюдается в следующем случае: <...> *и о необходимости высвободить силы и ресурсы на главный приоритет, подавление терроризма. / <...> ils ont en même temps l'intérêt de trouver plus de ressources pour anéantir le terrorisme, pour le liquider.* Здесь использование глагольных синонимов представляется достаточно факультативным, но, анализируя видеозапись, можно предположить, что синонимы используются переводчиком в том числе, чтобы заполнить паузу в переводе, «перевести дыхание».

Особый интерес представляет перевод метафорических выражений. Например: *Наверное, у тех, кто не хочет обеспечивать разведение сил и средств, сторон на безопасное*

расстояние, будет меньше поводов **кивать на риски**, которые создаются для наблюдателей ОБСЕ. / *Et si jamais il y a des forces qui ne sont pas intéressées à organiser cette séparation, des forces armées présentes sur place, ça ne leur va du tout donner des prétextes pour entraver le processus de séparation des forces armées.* Данное переводческое решение сочетает в себе элементы описательного перевода и деидеоматизации. Достаточно нетипичный, почти окказиональный оборот «кивать на риски» передается переводчиком как «давать повод сдерживать процесс», причем предложение перестраивается и синтаксически.

Интересно проанализировать перевод обращений к Сергею Лаврову или упоминаний о нем в речи французского министра. Обратимся к следующему примеру: *Merci, je me réjouis de nous retrouver pour la troisième fois en trois mois pour des entretiens très francs et positifs avec mon ami Sergueï Lavrov.* / *Мне очень приятно в третий раз за три последних месяца встретиться с господином Лавровым. Мы провели очень позитивную, открытую дискуссию с моим другом Сергеем Лавровым.* Переводчик сначала называет российского министра «господином Лавровым», а потом уже «моим другом», как бы смягчая возможный эффект от несколько непривычного обращения для официальной сферы публичного общения. Наряду с этим, мы можем говорить в данном случае о стратегии сохранения линейности, которая к тому же позволяет уменьшить перцептивную нагрузку для реципиента, благодаря упрощению структуры высказывания.

Есть и другой пример перевода обращения: *C'est déjà un symbole et un signe de renforcement de nos relations qui se manifesterait aussi par la tenue du CEFIC dont a parlé il y a un instant mon ami Lavrov.* / *И свой вклад в это укрепление сделает также CEFIC, встреча которого произойдет в декабре, о котором говорил мой друг Сергей Лавров.* На этот раз переводчик добавляет в обращение имя, что избавляет текст перевода от оттенка фамильярности. Нежелательный эффект вновь устраняется за счет добавления.

В переводе речи французского министра на русский язык переводчик также использует добавления: *Nous avons abordé la question de la Libye. Nos points de vues sont proches.* / *Мы говорили также о Ливии. Наши позиции здесь очень близки.* В данном случае используются сразу три наречия-акцентуатора. Стоит отметить, что подобные логические «точки» считываются в просодике исходного текста: так, о начале нового тематического блока можно во многом понять по восходящей интонации, которая является маркером заглавной фразы, «открывающей» блок.

Как выяснилось в ходе анализа, общей для переводчиков в обеих частях конференции оказывается стратегия декомпрессии, реализующаяся в форме добавления, однако в переводе второй, вопросно-ответной части есть и свои особенности.

Рассмотрим данный пример: *J.-Y. Le Drian: Sur la première question je crois avoir répondu dans mon propos liminaire. – Le Figaro: Pas en détailles... – J.-Y. Le Drian: Oui, mais parce que quand je dis qu'on utilise la question, c'est le Président qui va pouvoir répondre ensuite dans les détails. // Ж.-И. Ле Дриан: Я думаю, в том, что касается первого вопроса... Я думаю, что я на это уже ответил. – «Le Figaro»: Да, но недостаточно подробно. – Ж.-И. Ле Дриан: Да, потому что я... Ну, я считаю, что я об этом достаточно сказал.* Вопрос, заданный корреспондентом «Le Figaro», вызвал у представителя Франции явное раздражение, что выразилось не только лингвистически, но и в модуляции тона. Мы видим, что переводчик делает попытку сгладить высказывания, выполняя компрессию (в переводе

ссылка на Президента отсутствует). Здесь и далее нежелание французского министра что-либо комментировать будет достаточно заметно: он многократно ссылается на уже сказанное и с «нажимом» повторяет тематическую информацию, иногда выстраивая ряды практически идентичных высказываний, как, например, в части об Асаде.

Выступающий трижды акцентирует внимание на том, что не только Украина, но и Россия должна выполнить свои обязательства, употребляя семантически маркированное слово «*pressions*» и параллельные синонимичные конструкции («*Il n'y a pas de...*»): *Le fait que le cessez-le-feu soit maintenu est une bonne chose. Il n'importe que des deux côtés des pressions soient mises en œuvre pour que chacun remplisse ses obligations. C'est le cadre du format de Normandie qui le permet. Il n'y a pas d'autres issues que ce cadre-là. Il n'y a pas de plan B, donc il faut que chacun s'en rende compte.* / В настоящий момент он действует позитивно, и необходимо, чтобы обе стороны [Россия и Украина] действовали. Так сказать, выполняли свои обязательства для того, чтобы все было выполнено. Все то, что было предусмотрено Минскими соглашениями. Я думаю, что никакой другой альтернативы этому процессу нет. Переводчик трансформирует первое высказывание в более «положительное» («*<...> est une bonne chose*» – «в настоящий момент он действует позитивно»), второе – в более нейтральное («*необходимо, чтобы обе стороны действовали*»), третья часть сокращается и также становится более нейтральной («*Я думаю, что никакой другой альтернативы этому процессу нет*»).

Смягчение путем компенсирующего добавления также используется при переводе речи российского министра: *Надеюсь, будет достигнут прогресс, но уже скоро будет год как в Берлине лидеры «Нормандского формата» согласовали конкретные вещи, которые очень легко воплотить в жизнь <...> / <...> et j'espère qu'il aura du progrès mais en même temps, cher collègue, ça va bientôt faire une année depuis qu'à Berlin les leaders de ces pays du format de Normandie étaient tombés d'accord sur des pas qui sont très faciles à mettre en application <...>* Переводчик диалогизирует исходный текст, делая его более «дружелюбным», открытым, ориентированным вовне.

Тот же прием используется при переводе следующего комментария: *Тот факт, что господин Серебренников получал государственные деньги для того, чтобы реализовывать свои творческие замыслы, уже говорит о том, что никто никакого «зажима искусства» здесь не допускает.* / *Monsieur Serebrennikov touchait de l'argent public pour réaliser ses idées créatives. Cela veut dire qu'il n'y a pas vraiment des entraves et de la discrimination contre l'art.* Помимо деперсонализации наблюдается и стратегия сохранения линейности, связанная с синтаксической спецификой русского и французского языков.

Макростратегия переводчика основана на экстерииоризации внутренних, имплицитных связей в тексте, позволяющей как снизить перцептивную нагрузку реципиента, так и обеспечить синтаксическое и стилистическое соответствие переводного текста нормам французского языка. Проанализировав конкретные примеры переводов, мы пришли к выводу, что наиболее часто встречающимися стратегиями в первой части пресс-конференции можно считать стратегию проб и ошибок и стратегию сохранения линейности. Стратегия проб и ошибок выражалась, как и в случае с переводом на французский язык, в употреблении рядов синонимов, что позволяло не только подчеркнуть главное, но и уточнить слова, перевод которых в условиях недостаточности контекста был затруднителен

(как со словом *principes*). Стратегия линейности выражалась в разбиении высказываний, как правило, сложноподчиненных предложений, на отдельные, более мелкие высказывания. Это позволяло сделать текст перевода более понятным и адаптированным для русскоязычной аудитории, а также трансформировать исходный текст в соответствии с нормами русского языка.

Во второй части пресс-конференции, как и в случае с первым переводчиком, наиболее часто применялась стратегия компрессии. Макростратегия переводчика опирается в основном на стратегии сохранения линейности, проб и ошибок и компрессии. Как видим, наиболее существенной для перевода первой части пресс-конференции оказалась установка на комплексное понимание реципиентом смысла исходного текста. В связи с этим обоими переводчиками применялись стратегии, направленные на упрощение восприятия оригинала. Что касается ответов на вопросы журналистов, здесь первоочередной оказалась цель поддержания благоприятной рабочей атмосферы события, поэтому в части передачи высказываний с оттенком критики обоими переводчиками широко использовалась компрессия.

Обнаружены и существенные различия. Так, русский текст модифицировался переводчиком в сторону большей связности, в то время как французский текст вторым переводчиком максимально упрощался, что вызвано в том числе спецификой каждого из языков. Ввиду строевой и функциональной разницы языков в ряде случаев требовалось сжатие или же, наоборот, «развертывание» оригинала. Среди наиболее частотных приемов, продемонстрированных переводчиками, можно выделить приемы добавления, деперсонализации, диалогизации и инверсии.

Заключение

Трудности, с которыми сталкивается переводчик в процессе трансляции текста конференций, связаны со структурной сложностью конференции как мероприятия. К таким трудностям можно отнести ограниченность переводчика-синхрониста временем и контекстом, зависимость от технического оборудования, индивидуальных особенностей ораторов, необходимость подстраиваться под конкретный язык, тип речи и конкретную тематику.

Для преодоления существующих трудностей переводчик может обращаться к стратегиям компрессии и декомпрессии, проб и ошибок, сохранения линейности. Наиболее востребованными при переводе данной международной пресс-конференции оказались первые две стратегии. В целом базой для конференц-переводчика является когнитивная готовность, основанная на знании типичных сценариев международных мероприятий. Синхронный перевод на конференциях особенно сложен и требует серьезной предварительной работы. В качестве одного из этапов такой работы может выступать анализ текстов конференций и их переводов, выполненных профессиональными переводчиками-синхронистами.

Список литературы

1. Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода). Дисс. ... к. филол. н. Москва, 2001. 223 с.
2. Погодин Б. П. Конференц-перевод в международных организациях. Санкт-Петербург: Изд-во «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», 2015. 174 с.

3. Усачева А. Н., Шовгенина Е. А. Лингвокогнитивные проблемы конференц-перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. Вып. 2. С. 68–73.
4. Хромых А. А., Шагеева А. А., Храмушина Ж. А. Конференц-перевод (попытка осмысления теоретических основ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (75). 2017. С. 193–196.
5. Чужакин А. П., Палажченко П. Р. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. Москва: Валент, 1999. 192 с.
6. Selescovitch D., Lederer M. *Interpréter pour traduire*, 3ème edition, 1996.

Khorosheva N. V.

*PhD (Philology), Head of the Department of Linguistics and Translation,
Perm State University*

Tiurina D. S.

*Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University*

SPECIFIC FEATURES OF THE REALIZATION OF SIMULTANEOUS INTERPRETATION STRATEGIES IN THE PRESS-CONFERENCE OF THE HEADS OF RUSSIAN AND FRENCH DIPLOMACY

The article reviews interpretation strategies and its realization within the press-conference of Sergey Lavrov and Jean-Yves Le Drian, Russian and French Ministers for Foreign Affairs. The conference was held on 6 July 2017 in Paris. The record of simultaneous interpretation of the speakers into Russian and French respectively was used as a material for the present study. The analysis of the Russian minister's speech translation from Russian into French identified the regular use of additions, served to exteriorize textual logical links in order to: a) draw attention to information known a priori/clear from the context; b) or refer to one of previous thematic clusters, logically linking new information to previous one; c) or refer to previous information from the same thematic cluster. In the translation from Russian into French the strategy of "preserving linearity" can be traced back, enabling to reduce perceptual load of a recipient by simplifying sentence structure. The most essential for the translation of the first part of the press conference was to provide to a recipient comprehensive understanding of the source text. Thus, both interpreters implemented strategies aimed at simplification of the perception of the source text. With regard to journalists' questions and answers, given by the two ministers, the transmission of criticism was provided with extensive use of compression. Russian text was also transformed into a more coherent text while the French one was considerably simplified, in particular due to the structural and functional difference between Russian and French languages. Among the most frequently used methods, applied by both interpreters, were methods of addition, depersonification, dialoguization and inversion.

Keywords: conference interpretation, simultaneous interpretation, diplomatic discourse, translation strategy, translation methods.

УДК 81'27; 811.111

Korlyakova Alla Firsovna

PhD (Philology), Associate Professor of English for Professional

Purposes Department, Perm State University

6140990, Perm, ul. Bukireva, 15

Tel.: +7 (342) 2396833

E-mail: southstar@inbox.ru

Erofeeva Tamara Ivanovna

Grand PhD (Philology), Professor, Theoretical and

Applied Linguistics Department, Perm State University

6140990, Perm, ul. Bukireva, 15

Tel.: +7 (342) 2396477

E-mail: genling.psu@gmail.com

TOLERANCE AS A MORAL AND ETHICAL CONCEPTION IN ENGLISH SOCIETY

The present paper deals with the national specifics of the assessment aspect in the meaning of the words. A modern scientific paradigm considers the language as a cognitive tool of understanding the world and keeping and representing people's experience and values which reflect the people's vision of the world ("the world picture"). Usually linguistics understands the language world picture as a way of understanding reality fixed in the language and typical of a given language group. One of the most important components of the language picture of the world is the category of assessment a system of social and personal values objectified in language units. Problems of assessment senses formation at different language levels (morphological, lexical, syntactical). However, the national assessment specifics is still not studied enough. Since man's world view is based on the assessment components of sense in the world picture, ignoring them makes it hard or impossible for different cultures representatives to understand each other, which makes the research of sense assessment components and its variations in different societies an urgent problem. The article considers the results of a linguistic experiment aimed at finding shades of meaning and personal implications correlated with the word tolerance in moral and ethical conceptions of English society. The analysis of the experiment results allowed us to partially reconstruct the world picture of the English culture representatives and reveal the phenomenon assessment aspect.

Keywords: sems, moral and ethical conceptions, assessment aspect, the language picture of the world.

Introduction

A modern scientific paradigm considers the language as a cognitive tool of understanding the world and keeping and representing people's experience and values which reflect the people's vision of the world ("the world picture") [Апресян, 1995; Вежбицкая, 1996, 1992; Шмелев, 2008; Арутюнова, 1999, 1998; Apresian, 1995; Vezhbitskaya, 1996, 1992; Shmelev, 2008; Arutyunova 1999, 1998 and others]. Usually linguistics understands the language world picture as a way of understanding reality fixed in the language and typical of a given language group.

There are different approaches to studying national and cultural features of the language picture of the world. For example, linguo cognitive scientists consider the language as the source component and analyse similarities and differences between languages in terms of a language system [Арутюнова, 1999, 1998; Шмелев, 1997, 2008; Arutyunova, 1999, 1998; Shmelev, 2008] and other specialists in linguo culturology think that the main part is played by the language awareness of a certain linguo cultural group [Вежбицкая, 1992, 1996; Карасик 2004; Vezhbitskaya 1992, 1996, Karasik, 2004] and others.

One of the most important components of the language picture of the world is the category of assessment, a system of social and personal values objectified in language units. The language assessment research can be found in the works of many linguists [Арутюнова, 1988; Вольф, 2002 et al.]. [Arutyunova 1988; Wolf 2002; and others]. Problems of assessment senses formation at different language levels (morphological, lexical, and syntactical) and text&discourse assessment units functioning are studied; language assessment, various personality features (gender, national, psychological) links are found. However, the national assessment specifics are still not studied enough. Since man's world view is based on the assessment components of sense in the world picture, ignoring them makes it hard or impossible for different cultures representatives to understand each other, which makes the research of sense assessment components and its variations in different societies an urgent problem.

The Main Part

In terms of the problem in question of great interest are moral and ethical ideas and society value guidelines and their reflection in lexical meanings of some words, namely the words of the moral and ethical category (good, evil, anger, shame, conscience, modesty, love, hate, pride, and tolerance). Analysing their meanings and variations in different national and cultural social groups will contribute greatly to the results of studying the language picture of the world and language assessment as a whole.

The article will consider the results of a linguistic experiment aimed at finding shades of meaning and personal implications correlated with the word *tolerance* in moral and ethical conceptions of English society. The analysis of the experiment results allowed us to partially reconstruct the world picture of the English culture representatives and reveal the phenomenon assessment aspect.

The research is based on the explanations of the word *tolerance* given by English informants and found in dictionaries. 48 informants took part in the experiment. The informants were selected with respect to sociobiological factors.

During the experiment the given explanations of the word *tolerance* were analysed to reveal their semantics. Finding semes in words explanations is in our opinion an efficient way of studying the speakers' attitude to the notion explained. Furthermore explanations are considered as "a partially verbalized internal cognitive context of respondents' language and life experience" [Zalevskaya, 2011, p.116].

The semes found formed the semantic field of the given word. Informants' reaction frequencies distributions allowed three zones to be distinguished in each word semantic field. The first zone includes the most frequent reactions determining the most frequent semes which we can come across in dictionary definitions, the second one is a zone of vital senses where high reaction frequency meanings are noted which are important for informants and the third one is a zone of individual reactions in which the semes distinguished somehow clarify the real meanings of the word. Thus in each word semantic field the semes found have a different degree of importance and are arranged with respect to their occurrence in explanations.

Seme zone distribution allows relevant semantic components of word meanings dealing with a moral and ethical assessment to be found. The zone boundaries were determined according to differences in distribution diagrams.

Relevant semantic word components were analysed in terms of assessment. The analysis is based on Arutyunova's assessment classification which was complemented and reworked in accordance with our material. As a result the following assessments were considered: 1) emotional including the predicates *good / bad* and also all semantic features connected with sensual experience; 2) intellectual which helps us understand the reasons for the assessment and act more rationally; 3) utilitarian, rational assessments connected with man's practical activity and everyday experience; 4) normative assessments where the event assessed is compared with some norm or standard and connected with some positive reference point; 5) theological, taking religion or the commandments as a criterion; 6) ethical dealing with an ethical norm or some moral code; 7) esthetical connected with satisfying our sense of the beautiful.

Let us consider the way the word *tolerance* is understood in English society. Oxford English Dictionary gives the following definition of the word *tolerance*: *the ability or willingness to tolerate the existence of opinions or behavior that one dislikes or disagrees with*. Let us draw table 1 to understand the seme frequency distribution found in the informants' explanations. Table 1 shows us the semes and the assessment types found in English explanations. The total number of semes distinguished by the seme explanation analysis method is 15. The given seme occurrence is 80 reactions.

Let us consider the distribution of the semes found in the analysis of the word *tolerance* explanations by the English group informers with respect to semantic zones. The **first** zone distinguishes among the following semes: accept the situation and the person as they are (23 reactions), to others (17 reactions), ability to cope with a situation (13 reactions). The **second** zone: patience, стойкость (6 reactions), being active (6 reactions). The **third** zone includes the following semes: understanding (3 reactions), respect other people's views (3 reactions), ability to cope with a situation (1 reaction), being able to control your emotions (1 reaction), consideration (1 reaction), forgiveness (1 reaction), and non-conflict (1 reaction).

The analysis of seme frequency distribution referred to the first or second zones shows that English people understand tolerance as a willingness to accept things as they are (23 reactions out of 33): *A willingness to accept things as they are; Allowing something to continue with or without your approval; Being accepting of others and their differences; Accepting and understanding the behavior, actions, views, of others even if not in agreement with; Tolerance is the ability to accept their culture and way of life if it differs from our own.*

Table 1. The number of semes found in informants 'explanations dealing with the word tolerance

Semes	Ttl	Assessment types					
		emotional	intellectua l	ethical	utilitarian	normative	theological
Take it as it is	23	0	0	0	0	23	0
to others	17	0	0	17	0	0	0
put up with an unpleasant situation	13	0	0	0	0	13	0
Being active	5	0	0	0	0	5	0
Patience, persistence	6	0	0	6	0	0	0
understanding	3	0	3	0	0	0	0
ability to control emotions	1	0	1	0	0	0	0
positive	2	2	0	0	0	0	0
respect	3	3	0	0	0	0	0
forgiveness	1	0	0	1	0	0	0
negative	0	0	0	0	0	0	0
non-conflict	1	0	1	0	0	0	0
Being quiet	0	0	0	0	0	0	0
accept dissidence	2	0	2	0	0	0	0
adjustment	0	0	0	0	0	0	0
consideration	1	1	0	0	0	0	0
loyalty	0	0	0	0	0	0	0
ego	1	0	0	0	0	1	0
for communication	0	0	0	0	0	0	0
ability to cope with a situation	1	0	1	0	0	0	0
kindness	0	0	0	0	0	0	0
tolerance	0	0	0	0	0	0	0
god	0	0	0	0	0	0	0
torment	0	0	0	0	0	0	0
Total	80	6	8	24	0	42	0

It is relevant for informants that tolerance is manifested in the ability to put up with something unpleasant (13 reactions out of 24): *When you put up with something that annoys you; Putting up with something unpleasant; Accepting something that is not necessarily enjoyed / desired; Tolerance is the ability to cope with circumstances that one finds undesirable.*

It is important to accept (3 reactions out of 9) and respect (3 reactions out of 5) the views of other people: *Being accepting a wide range of view-points and perspectives; Respecting other views; Having patience with others who hold different views or beliefs.*

This is patience, i.e. the need to exhibit endurance, resistance (6 reactions out of 10). In the interpretation of the English, the word *forbearance* is used, which means ‘to show restraint, patience’: *Willingness to forbear in situations*; as well as the word *patient* – an ability to be patient: *An ability to be patient with something or somebody.* The verb *suffer* with the meaning ‘to experience pain, difficulty or loss’ is also used: *Suffering without complaining; Long suffering; Long suffering, forbearance.* The ability to control emotions is emphasized (1 reaction out of 9): *to allow a situation, person or being to be different from your expectations or desires without anger.* Tolerance-forgiveness (1 reaction): *Tolerance is the ability to forgive the mistakes of others.* A positive assessment of this quality is given (2 reactions out of 7) through the use of adjectives: *vital, important.*

As the analysis of the selected semes shows, the understanding of the word tolerance by informants corresponds to the dictionary definition, i.e. tolerance is interpreted as the ability and desire to accept the situation as it is, and a tolerant attitude to something unpleasant is emphasized. Relevant for informants is the manifestation of patience and perseverance in overcoming unpleasant, negatively evaluated situations.

Consider the reflection of the assessment in the interpretation of the word *tolerance* (see table. 1). In the English group of informants, the main one is the normative assessment, it is defined in 30 reactions. For example: *tolerance-to accept as it is, to put up with an unpleasant situation, activity.* Ethical evaluation is expressed in 24 reactions: *to others, patience, fortitude.* Emotional and intellectual evaluations are presented in almost equal numbers. Emotional evaluation is defined in 6 reactions: *positive, calm.* Intellectual assessment – in 8 reactions: *understanding, accept dissent, ability to manage yourself, non-conflict, tolerance.*

Conclusion

The analysis of the results shows that the interpretation of the word tolerance in English group is dominated by normative assessment (42 reactions). Ethical evaluation is expressed in 24 reactions as tolerance is manifested in relation to other people. This suggests that to accept the situation as it is and to put up with negatively assessed circumstances, is a norm, a generally accepted standard based on moral principles in relation to other people in English society.

In much fewer amounts emotional assessment (6 reactions in English) and intellectual assessment (8 reactions in English) are expressed, i.e. in the understanding of English people tolerance is considered as a norm, a standard based on moral principles and is less associated with the manifestation of certain emotional qualities, feelings (endurance, respect) and the suppression of negative emotions and the desire to understand another person as well.

Thus moral and ethical conceptions in English society can be treated as a special form of keeping knowledge and assessments in the culture linguistic consciousness. Studying ethical knowledge and conceptions of modern English people allows national features, perception of nuances of moral and ethical values and personality traits to be revealed.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Языки русской культуры. 1995. 472 с.
2. Арутюнова Н. Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 13–24.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
5. Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 130–274.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 13–38.
8. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. Москва: Изд-во «Российский гуманитарный университет», 1999. 382 с.
9. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. Монография. Тверь: Изд-во «Тверской университет», 2011. 240 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
11. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. – 1 оптический компакт-диск.
12. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва: Либрком, ЛКИ, КомКнига, 2008. 280 с.
13. Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York: Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.
14. Wierzbicka A. Semantics: primes and universals. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
15. Collins, H. Cobuild English Dictionary // Электронный словарь ABBY Lingvo ×3. URL: <http://www.lingvo.ru/> (дата обращения: 19.02.2020).
16. Oxford English Dictionary // Электронный словарь ABBY Lingvo ×3. URL: <http://www.lingvo.ru/> (дата обращения: 19.02.2020).

Корлякова А. Ф.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ерофеева Т. И.

Доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МОРАЛЬНОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
В АНГЛИЙСКОМ СОЦИУМЕ**

В статье анализируются вопросы, связанные с национальными особенностями оценочного компонента значения слова. В современной научной парадигме язык рассматривается как когнитивный инструмент осознания мира, хранения и репрезентации культурного опыта и ценностей народа. Одной из важных составляющих

языковой картины мира является категория оценки – система ценностей общества и личности, объективированная в единицах языка. Некоторые ученые считают категорию оценки настолько важной для языкового сознания, что наряду с языковой картиной мира отдельно выделяют ценностную картину мира, то есть наиболее существенные для данной культуры смыслы, совокупность которых и образует определённый тип культуры, поддерживаемый языком и сохраняемый в языке. Изучаются вопросы формирования оценочного значения на разных языковых уровнях, однако национальная специфика оценки до сих пор недостаточно изучена. Поскольку оценочные компоненты значения в картине мира являются теми координатами, на базе которых строится мировоззрение человека и конфликт которых приводит к невозможности или сложности взаимопонимания представителей разных культур, исследование оценочного компонента значения и его варьирования в разных социумах представляется весьма актуальным. Статья посвящена результатам лингвистического эксперимента, целью которого была характеристика морально-этических представлений, закреплённых в семантике слова терпимость в английском социуме.

Ключевые слова: семы, моральные и этические представления, оценочный аспект, языковая картина мира.

УДК 81'27

Маштакова Екатерина Игоревна

Соискатель, кафедра теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: + 7 950 450 96 50
E-mail: astra.kate@bk.ru

ДРИФТ И ЕГО ИСТОРИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СУБКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Человеческое общество неоднородно. Люди объединяются в разные социальные группы, при этом формирующая роль в социальной дифференциации общества отводится культуре. Эти процессы наиболее очевидны в городе, где под влиянием процессов глобализации и унификации строгие рамки между этническими культурами стираются. С возможностями, которые даёт городское пространство, многообразие взглядов на мир не исчезает, а реализует себя в формате субкультуры. Поначалу всё, что выходило за пределы элитарной культуры, лишалось культурного статуса, и термин субкультура обозначал явления, воспринимавшиеся как некультурные или внекультурные. Английская приставка sub-(под-) обозначала скрытые, неофициальные культурные пласты. В соответствии с мультикультурным характером общества изменилось и отношение к субкультуре. Современные исследователи признают ошибочными прошлые попытки вытеснить субкультуру за рамки культуры, поскольку её культурный код (или, правильнее сказать, субкод, социолект) непрерывно взаимодействует с кодом господствующей культуры. Под влиянием внешних и внутренних факторов субкультура формирует определённые стереотипы и ценности, которые отображаются в особом коллективном или групповом языке, который мы, вслед за представителями Пермской школы социолингвистики, обозначим термином социолект. Феномен субкультуры может быть интересен не только с лингвистической точки зрения. Прежде чем приступить к языковому анализу лексики, которую формирует та или иная субкультура, необходимо обратиться к истории, чтобы проследить, совокупность каких внутренних факторов и внешних условий способствовала образованию конкретного сообщества. В статье рассматривается дрейф с точки зрения его истории. Показаны этапы его развития в разных странах, определяются основные лексические единицы описания дрейфа, показывающие, что данная субкультура формирует собственный язык – социолект.

Ключевые слова: культура, субкультура, социолект, дрейф, история.

Введение

В самом общем понимании культура – «исторически определённый уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [БЭС, эл. р.]. В отличие от господствующей

культуры, говорить о выборе которой «невозможно: приобщение к ней начинается без согласия ребенка» [Соколов, 1999, с. 23], субкультура отражает реальную картину социальной жизни людей, поскольку формируется «на основе таких факторов, как этнос, происхождение, религия, возраст, место жительства, профессия, социальный статус и т. п.» [Ерофеева, 2013, с. 6].

Принадлежность к той или иной субкультуре – определённый культурный выбор, который совершается человеком свободно и в соответствии с определённой совокупностью биологических, психологических и социальных свойств, которая сложилась в течение его жизни. Эта необязательность выбора той или иной субкультуры наиболее ярко отличает её от культуры.

Известно, что «через вхождение в разные субкультуры человек осмысляет себя в социуме, ищет свою идентичность и формирует свою картину мира» [Ерофеева, 2013, с. 6], поэтому именно субкультура отражает реальную обстановку социальной жизни обычных людей, в противовес культуре, «поддерживаемой элитой и исходящей от элит» [Шепанская, 2003, эл. р.].

Современные исследователи пришли к выводу, что «наличие вербальной специфики – особого арго и сложившегося фольклора – служат наиболее яркими и легко фиксируемыми признаками существования субкультуры» [Там же], и является достаточным для того, чтобы признать социальную группу субкультурным образованием. Вслед за представителями Пермской школы социолингвистики мы обозначим такой групповой язык термином *социолект*. По определению Т. И. Ерофеевой, социолект – это «речь “среднего индивида”, представляющего свою социальную группу, культуру» [Ерофеева, 2010, с. 21].

Основная часть

В изучении субкультуры и присущего ей социолекта важно учитывать не только социальную базу, но и внешнюю обстановку: территориальные, климатические, технические и прочие условия. Именно сложившаяся определённым образом окружающая среда, как нам кажется, активизирует заложенные в людях биологические, психологические и социальные факторы, являясь благоприятной почвой для развития и функционирования определенной субкультуры в конкретный период времени.

В этой статье мы рассмотрим с исторической точки зрения субкультуру дрифта, которая появилась в Японии в конце 1970-х гг. как узкое, непрофессиональное и неформальное течение, но уже в первой четверти XXI в. обрела мировую популярность, а в 2015 г. была возведена в статус официально признанной автоспортивной дисциплины, по версии Международной автомобильной федерации FIA.

В узком понимании *дрифт* (от англ. drift – ‘занос’) – это способ скоростного прохождения поворота, в ходе которого корпус автомобиля развернут под углом по отношению к трассе, покрышки автомобиля скользят по покрытию трека, а пилот управляет процессом, регулируя угол заноса, скорость и траекторию движения. В широком понимании дрифт – это субкультура, социальную базу которой формируют такие факторы, как умение водить автомобиль, знание технических особенностей автомобиля, способность контролировать автомобиль в управляемом заносе, а главное – получение удовольствия от этого процесса.

Самые ранние видеозаписи дрифта относятся к первой половине XX в.: в рекламе спортивного автомобиля *Auto Union Type D*, разработанного в Германии специально для Чемпионата Европы, гонщик европейской серии GRAND PRIX проходит один из поворотов в управляемом заносе. Правила одного из самых масштабных автоспортивных мероприятий 1930-х гг. не включали дрифт в число приемов вождения автомобилем, а качество покрышек не соответствовало требованиям качественного прохождения поворотов со смещением задней оси, поэтому появление дрифта на экранах тех лет – скорее рекламный ход для привлечения зрителей, чем зарождение субкультуры.

В 1960-е гг. появились усовершенствованные покрышки, которые способствовали лучшему сцеплению с дорогой и большей управляемости во время заноса, в связи с этим профессиональные пилоты все чаще использовали технику дрифта во время заездов. Одним из первых таких спортсменов стал бывший мотогощик Кунимицу Тахакаси. После тяжелой аварии чемпион кольцевых мотогонок вернулся в большой спорт за рулём автомобиля. Популярность ему принесла особенная манера управления болидом: пилот заходил в поворот на максимальной скорости, создавая избыточную *поворачиваемость* на апексе (то есть при повороте задние колеса описывали более широкую, чем передние колеса, дугу). Такой прием не только сохранял заданный темп, позволяя выиграть гонку, но и был зрелищным, поскольку в момент поворота из-под колес вырывались клубы густого дыма.

Третья четверть XX в. в Японии была ознаменована развитием автомобильной промышленности. На мировой рынок вышли сразу три компании – Toyota, Nissan и Mitsubishi, которые по сей день борются за мировое первенство по продаже автомобилей. Низкие цены на сырье в сочетании с ростом общего благосостояния жителей привели к активному увеличению количества автолюбителей и образованию неформальных автомобильных сообществ.

В 1960–70-е гг. появились и быстро набрали популярность нелегальные гонки – тоге. Соревнования представляли собой скоростной спуск двух автомобилей, стартующих один за другим: первому (лидеру) необходимо было увеличить, а второму (преследователю) – сократить дистанцию, проходя повороты извилистых горных дорог максимально быстро и с минимальной потерей скорости. Победитель определялся по итогам двух заездов, в которых участники гонки менялись местами.

Серпантин с большим уклоном сыграли большую роль в становлении дрифта: по законам физики, на спуске задняя ось автомобиля сильно разгружалась, а задние колеса пробуксовывали, создавая подходящие условия для заноса. В итоге дрифт стал обязательным условием гонки, поскольку прохождение поворота в скольжении позволяло сохранить оптимальную траекторию движения и скорость автомобиля.

Одним из первых популяризаторов дрифта стал гонщик Кэйти Цучия – профессиональный спортсмен, участвовавший в сериях NASCAR и LE MAN. Пилот начинал карьеру с любительских гонок: в конце 1970-х гг. он использовал технику управляемого заноса на самых разных автомобилях, несмотря на то, что далеко не все из них были предназначены для такого способа прохождения трассы. Именно Цучия, которому впоследствии дали прозвище Drift King («король дрифта»), ввел в обиход термин «дрифт».

В 1987 г. при поддержке нескольких автомобильных журналов и автомастерских вышло первое в истории дрифт-видео Plusru, за участие в котором гонщика на время

отстранили от официальных соревнований. В этом короткометражном фильме Цучия на легком, технически усовершенствованном автомобиле Toyota Sprinter Trueno AE86 даёт мастер-класс, как проходить горные серпантины в управляемом заносе.

Видео получило большой отклик в среде стритрейсеров (уличных гонщиков): в 1990-е гг. увлечение нелегальным уличным дрифтом в Японии носило массовый характер. Как результат – возросло количество аварий, которые часто заканчивались летальным исходом, поскольку ни автомобиль, ни трасса не были подготовлены к езде на большой скорости.

Встал вопрос о том, чтобы признать дрифт официальной автоспортивной дисциплиной, что означало введение технического регламента и строгих требований к трассе, автомобилям и участникам гонки. Первые попытки организовать соревнования по управляемому заносу принадлежат компании Video-Option. Заезды проводились во всех крупных городах Японии и позволяли непрофессиональным водителям продемонстрировать дрифт.

Навыки пилотов совершенствовались, а конфигурация автомобилей усложнялась, поэтому возникла потребность в создании профессиональных соревнований, в которых за первенство боролись уже не только пилоты, но и дрифт-команды. Заручившись поддержкой тех или иных автомобильных мастерских, эти команды могли позволить себе дорогостоящий тюнинг (от англ. tuning – ‘настройка’, ‘регулировка’) и обслуживание автомобилей, совершенствуя технические характеристики таким образом, чтобы управлять автомобилем в заносе было максимально комфортно и эффективно.

В 1999 г. Кэйти Цучия, при поддержке основателя Токийского Автосалона и владельца автомобильного журнала *Ortion* Даидзиро Инада, организовал первый профессиональный общепонский чемпионат по дрифту, участники которого соревновались уже не на парковках и улицах города, а на специально подготовленной трассе, размеченной в соответствии с оптимальной траекторией прохождения поворотов. Если на первом чемпионате участников судили по результатам индивидуальных заездов, то уже в 2001 г. организаторы ввели традицию парных заездов, позаимствованную у нелегальных японских гонок *тоге*, и переименовали серию в *D1 Grand Prix*.

По сей день эта система, унаследованная официальным чемпионатом из нелегальных японских гонок по горным серпантинам, остается эталоном для состязаний по дрифту во всем мире, включая США, Европу и Россию.

В Соединенных Штатах Америки, как и в Японии, все началось с нелегальных гонок: в начале 1990-х гг. энтузиасты организовывали подпольные соревнования на неподготовленных трассах. Но в 2000-е гг. ситуация изменилась: непрофессиональные гонщики получили возможность тренироваться на специально подготовленном треке, и новая дисциплина стала ассоциироваться с автоспортом.

В 2003 г. компания *Slipstream Global Marketing* пригласила японских пилотов для демонстрации дрифта. Шоу имело такой большой успех, что руководство организовало первую профессиональную серию из семи этапов, которые проходили в Соединенных Штатах Америки. Эта дрифт-серия получила название *Formula DRIFT*. Благодаря своей зрелищности *Formula DRIFT* вызвала большой резонанс и за пределами США: так, в 2008 г. была создана *Formula Drift Asia* (соревнования проводятся в Таиланде, Сингапуре, Индонезии и Малайзии).

В России субкультура дрифта развивалась по своему сценарию, и немаловажную роль здесь сыграли значительная территориальная протяженность страны и относительная обособленность отдаленных региональных центров.

Первооткрывателями дрифта в России справедливо считать жителей Владивостока. Близость к Японии и доступность японских автомобилей сыграли свою роль в зарождении дрифта как субкультуры, и если в начале XXI в. в центральной части России ни обыватели, ни автолюбители не знали о технике управляемого заноса, то на владивостокском картодроме «Змеинка» уже в 2004 г. были организованы первые соревнования по дрифту. Несмотря на то, что правила придумывались на ходу, а к участию допускались все желающие на любых автомобилях, тем не менее это была уже организованная площадка. Поэтому нельзя сказать, что на дальнем востоке России дрифт появился как нелегальное направление.

В центральных регионах ситуация складывалась иначе. До 2006 г. люди не были знакомы с дрифтом. Всё изменилось с выходом на большие экраны фильма «Тройной форсаж: Токийский дрифт». Фильм показал, что существует такая техника прохождения поворотов, и автолюбители, которые устраивали несанкционированные встречи на площадях Москвы, стали пробовать дрифт в действии. Проводились несанкционированные заезды, в ходе которых нелегальные гонщики оттачивали своё мастерство в технике езды БОКОМ ‘в управляемом заносе’. Параллельно ситуация развивалась в интернет-пространстве: в то время были популярны интернет-форумы, которые позволяли участникам зарождающейся субкультуры обмениваться опытом и мнениями.

Несанкционированные встречи, которые благодаря сети интернет получали большую огласку, собирали толпы автолюбителей, заезды проводились прямо на улицах города, что приводило к справедливому неудовольствию жителей. И вскоре, как прежде в Японии, США или Европе, у российских любителей дрифта появилась потребность в соревнованиях более высокого уровня.

В июне 2007 г. в рамках фестиваля фанатов японских автомобилей JapFest прошёл первый в России этап Формулы Дрифт. Несмотря на то, что название этого соревнования совпало с названием американской серии, российский этап не имел ничего общего с западным. По словам организатора Олега Воронцова, это был некоммерческий проект, то есть соревнования проводились ради ФАНА (от англ. fun – ‘веселье’) на парковке подмосковного горнолыжного курорта Сорочаны. Отсутствие строгого регламента, а также недостаток опыта среди пилотов тех лет привели к тому, что судье соревнований Денису Трусову, которого Воронцов нашёл на одном из форумов автолюбителей, пришлось выступать и в качестве участника соревнований, чтобы показать другим пилотам принципы прохождения трассы.

По итогам первого этапа организаторы поняли, что зрителям понравился дрифт: визг покрышек и дым из-под колес привлекали внимание зрителей, а низкий курс доллара (23 рубля за доллар) и невысокие цены за бензин (22 рубля за литр) способствовали его доступности в среде автолюбителей. Соревнования 2008 г. были уже полноценной пятиэтапной серией, и впервые в России стали проводиться парные заезды на официальном уровне.

Чтобы повысить зрелищность мероприятия, организаторы включали в серию ночные заезды или устраивали состязания между владельцами японских автомобилей разных марок. По сути, атмосфера на первом чемпионате по дрифту была скорее развлекательная, чем спортивная.

В начале 2009 г. к организаторам пришло понимание, что нужно делать более масштабный чемпионат, чтобы привлекать спонсоров, поскольку до этого времени соревнования проводились исключительно на деньги инвесторов. Организаторы сумели договориться с площадкой МВЦ «Крокус Экспо», чтобы провести этап в Москве, а не в Московской области. В ходе подготовки к соревнованиям один из спонсоров предложил в качестве главного приза автомобиль Nissan Silvia. Эта новость, анонсированная на пресс-конференции, вызвала мощный общественный резонанс, но по вине спонсора идея так и не воплотилась в жизнь: невыполненные обязательства организаторов перед участниками привели к расколу сообщества и массовым недовольствам.

Создатели первых дрифт-соревнований в России позиционировали дрифт как развлечение. По словам Дениса Трусова, при организации мероприятий он «валил за фан: давил движуху на тему того, что дрифт не спорт, печатал майки с надписями “Дрифт не спорт”, продвигал тему, что люди гоняют не за кубком, не за подиумом, не за результатом, а чтобы понравиться зрителям» [из видео «История русского дрифта»]. В то же время, многие участники считали перспективным развитие дрифта как профессионального автоспорта, поэтому оставлять соревнования на уровне «фана» было неприемлемо.

Организаторы Формулы Дрифт подготовили плодотворную почву для создания первого профессионального чемпионата по дрифту – RDS (Russian Drift Series), который проводится с 2010 г. до наших дней. Перед проведением первого чемпионата создатели RDS отправились в Японию на чемпионат D1 GP, чтобы ознакомиться с правилами судейства и проведения заездов, поэтому российская дрифт-серия во многом повторяет японскую.

Как и в случае с зарубежными соревнованиями, в российской дрифт-серии победители определяются по итогам двух этапов. Но прежде чем автомобили проедут **ОЦЕНИВАЕМЫЙ УЧАСТОК**¹ ‘четко обозначенная часть трассы, на которой судьи оценивают проезды участников’, судьи соревнований совместно с пилотами проводят **БРИФИНГ** ‘предстартовое собрание судей и пилотов’, на котором обсуждается судейское задание: оно включает в себя рекомендации по траектории движения, оптимальным точкам для **ПОСТАНОВКИ** ‘вхождение в первый поворот трассы’, **ПЕРЕКЛАДКИ** ‘смена направления заноса’, а также использованию **РУЧНИКА** ‘ручной тормоз’.

После официальных тренировок, на которых каждому участнику дается возможность **ВКАТАТЬСЯ В ТРЕК** ‘привыкнуть к трассе’, начинается первый этап – **КВАЛА** ‘квалификация’, или одиночный заезд, в ходе которого учитываются скорость, угол заноса, траектория автомобиля и стиль. Максимальную оценку в 100 баллов получает пилот, который прошел трассу: а) по оптимальной траектории, с прохождением всех обозначенных **КЛИППИНГ ПОИНТОВ** ‘участок на трассе, обязательный для проезда’; б) с максимально возможным углом заноса, который обеспечивает безопасное удержание автомобиля в пределах заданной траектории (также учитывается время удержания автомобиля в заносе); в) на большой скорости; и наконец, г) наиболее зрелищно.

¹ Прописными буквами обозначены единицы социолекта дрифтеров.

Из максимальной оценки вычитаются баллы за ошибки. По итогам квалификации отбираются 32 пилота, которые допускаются к участию во втором этапе соревнований – парных заездах на выбывание. По итогам шестнадцати парных заездов отбирается 16 пилотов, которые борются за прохождение в четверть финала – ТОП-8. Далее остаются четыре участника, попадающие в ТОП-4 ‘полуфинал’ и, наконец, финальные заезды помогают определить, кому из участников удастся ЗАЕХАТЬ НА ТУМБУ ‘занять призовое место’. В парных заездах учитываются не только скорость, угол заноса, траектория и стиль, но и мастерство прохождения поворотов с напарником: насколько синхронно ЛИДЕР ‘пилот, совершающий парный заезд первым’ и ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ ‘пилот, совершающий парный заезд вторым’ начинают управляемый занос, меняют траекторию. Сумма итоговых баллов увеличивается, если во время заезда пилот исполнил КИСС ЗЭ УОЛЛ ‘максимально близкий к ограждению трассы проезд’ или ПОСТУЧАЛСЯ В ДВЕРЬ ‘сократил дистанцию между своим автомобилем и автомобилем лидера до минимума’.

Отечественные пилоты, которые участвовали в российской дрифт-серии, одерживают победы в чемпионатах мирового уровня. Например, в 2018 г. сибирский пилот Георгий Чивчян, участвуя в межконтинентальных соревнованиях по дрифту, организованных автоспортивной федерацией FIA, занял первое место, оказавшись техничнее японских пилотов, чья родина является родиной дрифта. В ноябре 2019 г. Гоча (это прозвище Георгия Чивчяна прижилось в среде мирового дрифта, поскольку с точки зрения произношения оказалось простым для японцев) подтвердил свой статус чемпиона мира: Чивчян вновь взял межконтинентальный кубок FIA, доказав свое первенство среди 23 сильнейших пилотов из 17 стран.

Во многом высокий уровень мастерства сибирских пилотов обусловлен наличием в Красноярске специально подготовленной для дрифта трассы «Красное Кольцо». Изначально «Красное Кольцо» строили для драг-рэйсинга (‘спринтерские заезды автомобилей по прямой трассе на определенную дистанцию’), но в связи с возрастающим ростом популярности дрифта трассу усовершенствовали, позаимствовав КОНФИГ ‘последовательность поворотов’ у японской трассы Минами, которую строили специально для дрифта. На сегодняшний день трасса «Красное Кольцо» не имеет аналогов на всей азиатской части России, а ее конфигурация позволяет проводить соревнования не только регионального или всероссийского, но и международного масштаба.

Говоря о дрифте в России, нельзя не упомянуть зимний дрифт. По мнению одного из самых активных популяризаторов дрифта в России, пилота RDS Никиты Шикова, зимний дрифт на сегодняшний день можно назвать самым массовым в России автоспортом. Чем обусловлена такая популярность? Участие в автоспортивных соревнованиях требует наличия надежной финансовой базы, которую обеспечивает либо сам пилот, либо спонсоры. Не каждый начинающий дрифтер обладает нужной суммой, и здесь на помощь приходит зимний дрифт: учитывая особенности окружающей среды и возможность использования недорогой техники, участие в таком виде автоспорта, по сравнению с участием в официальной дрифт-серии, стоит в разы дешевле.

Самый подходящий для зимнего дрифта автомобиль – отечественные «Жигули», для обслуживания и ремонта которых не требуется дорогостоящих ТЮНЯЧЕК ‘запчасти, изменяющие свойства автомобиля’. Опытные дрифтеры утверждают, что даже самая простая

заднеприводная КЛАССИКА ‘автомобиль Жигули’ с минимальными доработками по технической части ведет себя на заснеженной дороге более предсказуемо, чем тщательно подготовленный японский автомобиль, а значит и более пригодна для проездов в управляемом заносе.

Зимний дрифт выполняется на обледенелой заснеженной трассе. Такое покрытие обеспечивает хорошее скольжение и не изнашивает шины. Для сравнения, в случае дрифта по асфальту комплекта покрышек хватает на один-два проезда, после чего ЛЫСАЯ РЕЗИНА ‘покрышка со стертым протектором’ требует замены.

Зимний дрифт позволяет начинающему пилоту без больших денежных затрат заработать НАКАТ ‘опыт вождения’: отточить технику прохождения поворотов в управляемом заносе. Ежегодные соревнования Зимхана, названные так по аналогии с зарубежными автоспортивными соревнованиями Gymkhana, дают возможность продемонстрировать свои навыки. Чемпионат по зимнему дрифту построен по такому же принципу, что и RDS: участники проходят квалификацию – совершают одиночные заезды по рекомендации судейского задания, а потом соревнуются между собой за право занять призовое место.

Чемпионат по зимнему дрифту набрал такую популярность, что в сезоне 2019–2020 гг. организаторы готовят специально для профессионального гонщика Масато Кавабаты праворукий автомобиль «Жигули», чтобы всемирно известный японский дрифтер мог поучаствовать в ставших в России традиционными заездах на льду.

Несмотря на то, что дрифт получил официально признанный статус автоспортивной дисциплины, а серия RDS GP, набирающая всё большую популярность, отпраздновала в 2019 г. 10-летний юбилей, нелегальный дрифт, то есть дрифт по неподготовленным для этого трассам, не исчез. Так называемый СТРИТ (от англ. street – ‘улица’), то есть управляемый занос на автомобиле по неподготовленным для этого трассам, можно встретить в исполнении НЕЛЕГАЛА ‘непрофессиональный уличный гонщик’ в каждом крупном городе. К неподготовленным трассам относятся не только улицы, но и парковки, на которых удобно КРУТИТЬ БУБЛИКИ ‘вращать автомобиль по кругу в управляемом заносе’.

В России, как и в других странах, нелегальные гонки часто приводят к более серьезным последствиям, чем те, которые можно увидеть на соревнованиях. Большое количество КРЭШЕЙ (‘аварий’) обусловлено присутствием элементов городского ландшафта (столбы, на которые можно НАМОТАТЬСЯ ‘допустить столкновение боковой частью автомобиля’, бетонные ограждения, транспортные остановки), и наличием случайных автолюбителей. Более того, интернет-доступность и возрастающая популярность блогов, в которых нелегальные гонщики освещают свою деятельность, приводит к тому, что видеоролики с нелегальными заездами быстро распространяются в сети, что создает негативный облик дрифтера в сознании горожан.

Сегодня два этих течения – легальные и нелегальные дрифтеры – существуют и развиваются параллельно. Несмотря на тот факт, что и тех и других объединяет любовь к тому, чтобы ДУБАСИТЬ (‘пускать автомобиль в управляемый занос’), разница между ними значительна. Например, нелегальные гонщики не допускаются к участию в официальных соревнованиях, а профессиональные пилоты, уличенные в скольжении на автомобиле по неподготовленным для этого участкам города, лишаются спортивной лицензии.

Как в случае с легальным, так и в случае с нелегальным дрифтом огромную роль в становлении и развитии субкультуры играют современные медиа-технологии и всемирная глобальная сеть. Что касается официальных соревнований, то большую популярность набирают онлайн-трансляции, которые позволяют фанатам дрифта увидеть зрелищные заезды, не выходя из дома, и ознакомиться с техникой прохождения поворотов профессиональными пилотами.

Свой вклад вносят и непрофессиональные гонщики: транслируя в своих блогах «изнанку» дрифта, они своим примером доказывают, что дрифт доступен не только людям с большими финансовыми возможностями, но и обычному среднестатистическому человеку, чей бюджет не поддерживают спонсоры.

Способствуют развитию дрифта и многочисленные каналы на популярном видеопортале Youtube. Например, на канале Grinya, ведущим которого является четырехкратный чемпион Украины и действующий судья RDS Александр Гринчук, освещаются самые свежие отечественные и зарубежные новости из мира дрифта. Кроме того существует серия видео «История русского дрифта», снятая дрифтером Никитой Шиковым. В своих выпусках спортсмен показывает, как зародилась субкультура дрифта в России: берет интервью у известных дрифтеров и популяризаторов дрифта. Эти материалы легли в основу данной статьи.

Экскурс в историю дрифта показывает нам, насколько многогранным и сложным является это культурное образование. В нем можно выделить как минимум два обширных и самобытных пласта: профессиональный дрифт, который, по аналогии с официальной культурой, кодифицирован сводом строгих норм и правил, и непрофессиональный дрифт, участники которого заимствуют нормы и правила у профессиональных спортсменов, но осмысливают их по-своему.

Что касается окружающей среды и ее влияния на становление и развитие дрифта как субкультуры, мы видим, насколько важную роль здесь сыграли погодные условия, ландшафт и городские постройки. К примеру, если бы в Японии не было такого большого количества извилистых горных дорог, возможно, не возникло бы необходимости совершенствовать технику прохождения поворотов. Или, если бы в России не было долгой многоснежной зимы, вряд ли зимний дрифт набрал бы такую популярность в среде автолюбителей. То же можно сказать и об элементах городского ландшафта: вряд ли Красноярск получил бы заслуженное звание «мекки» российского дрифта, если бы не автодром «Красное Кольцо», который подарил отечественным дрифтерам возможность оттачивать свои навыки на трассе мирового уровня.

Заключение

Таким образом, в становлении дрифта как субкультуры играют роль не только биологические, психологические и социальные факторы, общие для людей из одного круга, но и окружающая среда, которая может оказаться более или менее плодотворной, в зависимости от совокупности внешних условий. Показательно, что даже в условиях одной страны развитие дрифта в западной и восточной её частях шло по разным сценариям.

Рассмотрение субкультуры дрифта с точки зрения ее истории – первый шаг на пути к тщательному и всестороннему её изучению, итогом которого станет словарь социолекта дрифтеров, насчитывающий на данный момент порядка 300 элементов. Такой подход позволяет наиболее точно сформулировать дефиниции для понятий, которые используются в среде дрифтеров, и понять, какие исторические события послужили предпосылкой к появлению той или иной лексемы в социолекте дрифтеров.

Список литературы

1. Ерофеева Т. И. Лингвистика городского пространства в методическом ракурсе рассмотрения // Евразийский гуманитарный журнал. № 2, 2017. С. 79–82 с.
2. Ерофеева Т. И. Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века // Изменяющийся языковой мир: Доклады междунар. науч. конф. Пермь, 2002. URL: <http://philology.ru/linguistics2/erofeeva-02.htm> (дата обращения: 23.12.2019).
3. Ерофеева Т. И. Просторечная лексика в городской речи носителей литературного языка (лексикографические изыскания) // Евразийский гуманитарный журнал. № 4(2), 2019. С. 40–50 с.
4. Ерофеева Т. И. Современная городская речь. Монография. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2004. 316 с.
5. Ерофеева Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, вып. 1(7), 2010. С. 21–25.
6. Ерофеева Т. И. Субкультура в лингвистическом освещении // Социо- и психолингвистические исследования. Пермь, вып. 1, 2013. С. 5–10.
7. Ерофеева Т. И. Частная модель «образование» в сводной модели социолектов говоров Пермского края // Евразийский гуманитарный журнал. № 3, 2018. С. 59–63.
8. Мастеница Е. Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования: сборник научных статей, вып. 3. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 2011. С. 128–147.
9. Соколов М. М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // Молодёжные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Под ред. В. В. Костюшева. Санкт-Петербург: Норма, 1999. С. 9–23.
10. Щепанская Т. Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. Москва: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 2003. URL: <http://www.poehalynarod.ru/subcult-f.htm> (дата обращения: 10.10.2019).

Mashtakova E. I.

Perm State University

DRIFT AND ITS HISTORY (TO THE PROBLEM OF SUBCULTURAL ENTITIES)

Human society is non-uniform. People are united into different social groups, with culture playing a shaping role in the social differentiation of society. These processes are most evident in a city where, under the influence of globalization and unification, the strict framework between ethnic cultures is eroded. With the opportunities provided by urban space, the diversity of views on the world does not disappear, but implements itself in the format of subculture. At first, everything that

went beyond elitist culture was deprived of cultural status, and the term subculture signified phenomena perceived as non-cultural or non-cultural. The English sub-prefix (under-) designated the hidden, informal cultural layers. In keeping with the multicultural nature of society, attitudes towards subculture have also changed. Modern researchers admit that past attempts to displace subculture beyond culture are wrong, because its cultural code (or, more correctly, subcode, sociolect) continuously interacts with the code of the dominant culture. Under the influence of external and internal factors subculture forms certain stereotypes and values, which are displayed in a special collective or group language, which we, following representatives of the Perm School of Sociolinguistics, will refer to as sociolect. The phenomenon of subculture can be interesting not only from a linguistic point of view. Before embarking on a linguistic analysis of the vocabulary that a subculture forms, it is necessary to look at its history to trace the totality of what internal factors and external conditions contributed to the formation of a particular community. The article examines the drift in terms of its history. The stages of its development in different countries are shown, the main lexical units of drift description are determined, showing that this subculture forms its own language – sociolect.

Keywords: culture, subculture, sociolect, drift, history.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82:37

Бячкова Варвара Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации, кафедры мировой литературы и культуры, Пермский государственный национальный исследовательский университет 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Тел.: +7 (342) 2396290

E-mail: bvarvara@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МАТЕРИАЛА)

Автор статьи излагает свои соображения по проблеме выбора материала художественного произведения, которое может быть использовано на занятиях по иностранному (английскому) языку. Этот вопрос в рамках актуального и популярного направления обучения иностранному языку на материале художественных текстов решается в аспекте работы со студентами географического факультета. Приводятся примеры жанров и произведений современной британской художественной литературы, наиболее подходящие для обучения иностранному языку студентов географических специальностей. По мнению автора статьи, студентам следует выбирать произведения, изучая которые можно анализировать содержащиеся в тексте упоминания топонимов, важные для понимания художественного романа, где автор намеренно отсылает читателя к реально существующим топонимам, а также произведения, в которых существенную роль играет взаимодействие героя и пространства. Таковыми, например, являются современные «социальные» романы («Капитал» Дж. Ланчестера, «Неделя в декабре» С. Фокса), романы о подростках («Дом на Норэм Гарденз» П. Лайвли), а также произведения, где особый акцент делается на пространстве и времени, в котором живёт герой («Олвертон» А. Торпа). Работа с произведениями таких жанров в рамках проектной деятельности способствует не только формированию общекультурных, в том числе – языковых компетенций, но и профессиональных знаний, умений и навыков будущих географов, метеорологов, картографов и представителей других специальностей географических факультетов. Изложенные в статье размышления являются частью проекта по созданию учебного пособия для студентов географических специальностей на материале художественной литературы.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, художественная литература, географические специальности, художественный текст, топонимы.

Введение

Вопрос об использовании аутентичных художественных текстов на занятиях по иностранному языку в вузах поднимался как отечественными, так и зарубежными специалистами настолько часто и давно, что уже имеет свою историю (см. об этом: [Калафато, 2018]). Вместе с тем, он не теряет своей актуальности, коллеги активно делятся опытом преподавания иностранных языков с привлечением художественных текстов (см., например: [Печкурова, Печкуров, 2017; Korshunova, 2018; Манжула, 2018; Grinko, 2018 и другие]), изыскивают новые принципы и приёмы работы с подобным материалом в условиях современных реалий (см.: [Dvinina, 2018]), и, конечно, обсуждают преимущества изучения иностранных языков с применением подобного материала.

Д. Сацук в своём исследовании называет литературу «мощным образовательным приёмом» (в оригинале: *empowering instrumental tool*) при обучении иностранному языку [Saczuk, 2014]. Художественные тексты, несомненно, стимулируют мотивацию и творческий потенциал студентов, являются хорошим материалом для внедрения коммуникационного подхода к обучению иностранному языку, помогают воспитать открытое и терпимое отношение к чужой культуре. Как справедливо замечает В. С. Абрамова, студенты, проникнувшись произведениями иностранного писателя, признают его «своим» [Абрамова, 2019, с. 83].

Основная часть

Автор статьи занимается разработкой учебного пособия по иностранному языку с привлечением художественных текстов и хотел бы поделиться своими размышлениями о вопросе, который неизбежно встает перед преподавателем, желающим познакомить студентов с художественными текстами на иностранном языке – выбор материала. Это особенно важно, если речь идёт о студентах неязыковых специальностей. Таким образом, в статье представлена позиция автора о выборе материала – собственно художественного произведения для изучения студентами географических специальностей.

Пермский государственный национальный исследовательский университет, наряду со значительным количеством других вузов России (и Белоруссии) является не просто участником, а ещё и соучредителем международного семинара «Современная британская литература в российских вузах», который проходит при поддержке фонда «Оксфорд-Россия». На базе ПГНИУ с 2005 г. проходит большинство сессий семинара, а также издаётся журнал семинара «Footpath» («Тропа»). В рамках семинара британскими и российскими коллегами обсуждаются наиболее значимые явления в современной британской литературе, обобщается опыт их внедрения в учебный процесс в российских вузах. Обсуждаемые в рамках семинара произведения, как правило, и составляют базу художественных текстов, с которыми работают преподаватели английского языка ПГНИУ.

Выбор художественного произведения для изучения на занятиях по иностранному языку – отдельная перспективная тема для анализа, изучения и размышлений (см., например, «алгоритм» оценки методического потенциала художественного текста на иностранном языке, разработанный и описанный А. В. Цепковой: [Цепкова, 2017]). Обычно преподаватели, работающие со студентами неязыковых специальностей, помимо прочих факторов (уровень языковой подготовки группы, потенциальная

«увлекательность» книги для конкретных молодых людей), стремятся подобрать материал, который имел бы отношение к специальности обучающихся, а в идеале – мог бы внести свой вклад в развитие профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций студентов.

Вместе с тем, думается, абсолютно правы коллеги, которые убеждены, что, даже используя текст художественного произведения не важно в каком объёме (полном или частичном) и в каком варианте (адаптированном или неадаптированном) на уроках английского языка, необходимо сохранять его художественную целостность. Недопустимо обращаться с художественным текстом как с набором лексических и грамматических единиц, которые предстоит усвоить студенту, хотя бы потому, что таким образом нивелируются некоторые несомненные достоинства обучения языку на примере художественных текстов. Возможен и другой «перегиб»: чрезмерный акцент на описываемых в тексте реалиях, которые, с одной стороны, несомненно, могут быть полезны студентам, но при этом могут отвлечь студента от целостности текста (см. об этом: [Hewitt, 2018]).

Нужно сказать, что географические специальности представляются областью, которая предоставляет довольно большие возможности. Учебное пособие «Уроки английского. География мира» А. И. Комаровой, И. Ю. Окс и Ю. Б. Бадмаевой в первом тексте даёт студентам определение науки географии как «the study of the relationship between people and their physical surroundings» [Комарова, Окс, Бадмаева, 2001, с. 7]. Это определение самым любопытным образом перекликается (хотя и в упрощенной форме) с тезисом М. М. Бахтина о том, что роман – это жанр о взаимодействии человека и мира [Бахтин, эл. р.].

Таким образом, «адаптируя» художественный текст для обучения студентов иностранному языку, мы сохраняем целостность художественного произведения, если ставим студентам задачу не просто, например, отыскать топонимы в тексте, но и определить какую роль они играют в жизни персонажа, как он «вписывается» в окружающую среду. Выполнение такой задачи представляется продуктивным в рамках проектной деятельности студентов с применением метода *closer reading* (о применении метода см., например: [Щелокова, Сапух, 2017]). Студенты, особенно специальности «Картография», могут составлять карты местности, описываемой в романе, комментируя её роль в повествовании, исследуя динамику её изменений, разницу между топонимом в реальной жизни и его образом на страницах романа, а также – функцию топонимов в сюжете, их взаимодействие с персонажами и т. п.

Если мы попробуем назвать конкретные примеры произведений, подходящих для студентов географических специальностей, то, во-первых, существуют произведения, в которых география, географические знания играют ключевую роль в развитии сюжета. Это, как правило, произведения приключенческого жанра (а также, возможно, жанра интеллектуального детектива). Хорошо известны примеры таких произведений на французском языке, назовём романы Ж. Верна «Дети капитана Гранта» и «Вокруг света за 80 дней». К сожалению, отыскать подобный пример на английском языке для нас является любопытной, но пока нерешённой задачей.

Далее на ум приходят современные «городские» романы: «Капитал» Дж. Ланчестера (*Capital*, John Lanchester, 2012), «Неделя в декабре» С. Фокса (*A Week in December*, Sebastian Faulks, 2009) и т. п. Будучи прямыми «наследниками» жанра социального романа XIX в. (см. об этом: [Proskurnin, Filipieva, 2017]), эти произведения создают образы современного большого города (в названных нами примерах жанра – Лондон) нашей эпохи. Их многочисленные герои – наши современники; они озабочены актуальными проблемами действительности, известными каждому читателю. Читатель с лёгкостью может узнать в них самого себя. Таким же узнаваемым предстаёт в них и город. В целом нужно отметить, что эти произведения обладают огромным методическим потенциалом для будущих специалистов в разных областях. На кафедре английского языка профессиональной коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета на данный момент готовится к публикации материал о методическом потенциале романа «Капитал».

Однако нужно помнить, что «узнаваемость» героев и мест в подобных произведениях часто возникает не напрямую, а с помощью определённой типизации, художественного обобщения: реально существующие топонимы соседствуют с местами вымышленными (см.: [Capital. A Commentary, 2016, p. 8]. Поэтому «географический» анализ произведений такого типа необходимо проводить с осторожностью, задействуя те части текста, которые содержат упоминания реально существующих мест.

Такое представляется возможным. Например, по роману «Неделя в декабре» студентам можно предложить проект «Лондон Дженни Форчун», потому что героиня работает водителем поезда в метро. В одной из глав девушка описывает свой (реально существующий) маршрут по столице Великобритании (точнее, под ней): “...and Baker Street’s anicestation. Always busy with Madame Tussaud’s and that. And the brickworks’ just like when it was built all those years ago. Embankment’s always busy with the theatres and the Strand. Temple’s quiet, usually...” [Faulks, 2009, p. 198].

Первой частью учебного проекта может стать поиск информации об упомянутых в тексте топонимах (тем более что часть маршрута Дженни – это всем известный «туристический» Лондон). Однако также важно обратить внимание на то, как героиня воспринимает и комментирует свой маршрут (Например, упоминается призрак станции Олгейт [Там же], “the darkest section of the Circlce, just before Victoria” [Faulks, 2009, p. 199]), а также на то, как он соотносится с образом самой Дженни. Героиня – хороший человек, интересный во многих отношениях. Например, не будучи в полном смысле слова интеллектуалом, она любит читать. Однако Дженни – как и миллионы наших современников – одинока, общается с крайне небольшим количеством людей (преимущественно – в процессе онлайн-игры).

Одиночество такого человека, безусловно достойного дружбы и любви, в непосредственной близости от толпы людей (в том числе туристов, наслаждающихся праздником осмотра достопримечательностей Лондона), ставшее синонимом темноты, постоянно окружающей героиню, – драма современности, которую нам показывает С. Фолкс и которую, несомненно, могут понять и прочувствовать студенты, знакомясь с Лондоном Дженни.

В проводимых нами ранее литературоведческих исследованиях мы обращали внимание и на другой романский жанр, который можно использовать при изучении английского языка студентами географических специальностей (см.: [Бячкова, 2019]). Образы городов, нередко существующих в действительности, играют важную роль в произведениях для детей и подростков, в романах воспитания, в так называемой школьной прозе. Как мы писали ранее, эта особенность ярче проявляется в русской школьной прозе XX в. В силу особенностей английской системы образования действие английских школьных романов и повестей часто происходит в школах-пансионах, что существенно ограничивает пространство, в котором живёт герой.

В английской литературе также есть примеры жанра с яркими, подробными и правдивыми образами городов. Топонимическая точность школьных романов, на наш взгляд, объясняется тем, что школьная проза (как разновидность детской) предъявляет особые требования к реалистичности, «правдивости» повествования.

Самым ярким примером здесь, среди известных нам произведений английской литературы, является роман Пенелопы Лайвли «Дом на Норэм Гарденз» (*The House of Norham Gardens*, Penelope Lively, 1974). Несмотря на то, что действие романа происходит в 1970-е гг., многие топонимы Оксфорда, которые упоминает Пенелопа Лайвли, по-прежнему существуют в действительности, начиная с улицы Норэм Гарденз, на которой живёт главная героиня Клэр, Университетского Парка муз Питта Риверса.

Изучая комментарии к роману (см.: [The House in Norham Gardens...Acommentary..., 2007]) студенты могут также отыскать информацию и о топонимах, которых более не существует, дополнив тем самым представление о «Оксфорде Клэр». Тем более что тема времени и перемен – ключевая в романе, совершенно необходимая, в том числе – для раскрытия методического потенциала произведения, о чём не раз писали исследователи (см.: [Vassilieva, 2008; Karapetyan, 2012]).

Особое упражнение – работа с топонимами, которые в романе не упоминаются, но их присутствие играет очень важную роль. Только косвенные упоминания, например, знаменитого университета, во-первых, самым любопытным образом, коррелирует с тем фактом, что, как известно, здания Оксфордского университета не существует: он состоит из разбросанных по городу колледжей, некоторые из которых упоминаются в романе. Кроме того, во многих деталях ощущается присутствие университета (именно как одного из «градообразующих предприятий») в городе. Внимательно читая роман и комментарии к нему, студенты могут обнаружить эту информацию, узнать многое об истории университета и многое понять о героине, проблеме её мировосприятия, взросления и становления. Это задание можно оформить как в виде ряда «наводящих» вопросов (например: почему «выбирая» колледж для Клэр, тетушки ограничиваются именно таким списком колледжей Оксфордского университета? [Lively, 2004, p. 8]) или в виде отдельного проекта «Оксфордский университет в романе», основанного на целом ряде образов и сюжетных линий, так или иначе связанных с университетом (Клэр происходит из семьи потомственных ученых; дом, в котором она живёт наполнен артефактами, которые её дед-антрополог привёз из Новой Гвинеи; другом Клэр становится студент из Уганды; важную роль в романе играет музей Питта Риверса и т. п.).

Помимо топонимов, можно поработать и с другими характеристиками Оксфорда. Так, сопоставление реальных климатических условий, в которых существует город с характеристиками погоды в романе «Дом на Норэм Гарденз» демонстрирует разницу между реальностью и её художественной трансформацией на страницах художественной литературы. В этом случае задаваемые студентам вопросы могут быть следующими. Насколько характерны для настоящего Оксфорда «сибирские» холода [Lively, 2004, p. 103]? Почему П. Лайвли «выбирает» для своего романа именно такие погодные условия? Каким образом погода соотносится с состоянием и настроением главной героини?

Наконец, если говорить о проектах с составлением карт (например, для специальности «Картография»), то хотелось бы вспомнить ещё об одном романе, который мог бы стать интересным материалом для выполнения подобного задания. Роман А. Тропа «Олвертон» (Ulverton, Adam Thorpe, 1992) определённо требует довольно высокого уровня владения английским языком. Эта сложность проистекает, в первую очередь от того, что А. Торп смело экспериментирует с формой повествования: главы его романа имитируют поток сознания без знаков препинания, письма, мягко говоря, не самого грамотного человека, языковые нормы разных периодов времени и многое другое (С. Ю. Двинина, например, определяет жанр этого произведения как «историографический метароман» [Двинина, 2013]). Произведение повествует об истории провинциального городка Олвертон на протяжении нескольких веков. Олвертон – вымышленный город, но географические и топографические факторы местности, в которой он находится, имеют реальную основу [Ulverton...A Commentary..., 2011, p. 11–13]. Составление карты Олвертона, особенно с указанием динамики происходящих в городке изменений, представляется проектом, который не только помогает понять и постичь роман во всей его полноте, узнать много нового о географии Англии, но и способствует формированию профессиональных навыков составления карт.

Заключение

Таким образом, мы очертили круг произведений, которые могут быть полезны при изучении иностранного языка с применением аутентичных текстов художественной литературы на английском языке. С точки зрения жанра, это могут быть социальные романы, романы о детях и подростках, а также произведения, где пространство играет ключевую роль и является главным героем романа. Знакомство с такими произведениями способствует не только успешному освоению иностранного языка, но и формированию общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся. В дальнейшем мы планируем развитие идей использования текстов художественной литературы на занятиях по иностранному языку, а также разработку учебного пособия.

Список литературы

1. Абрамова В. С. Лингвокультурологический потенциал рассказов А.П. Чехова в преподавании русского языка как иностранного // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 81–88.

2. Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа). URL: <http://philolog.petrso.ru/filolog/lit/eposrom.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).
3. Бячкова В. А. Девочка, школа и город // Городской текст в английской и других европейских литературах. Сборник статей по материалам Международной конференции Российской ассоциации преподавателей английской литературы. Минск: Изд-во «Минский университет», 2019. С. 40–46.
4. Двинина С. Ю. Пространство в модели мира историографического метаромана А. Тропа «Алвертон» // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20 (311). С. 49–51.
5. Калафато Р. Художественная литература в обучении английскому языку в России // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 91–116.
6. Комарова А. И., Окс И. Ю., Бадмаева Ю. Б. Уроки английского. География мира. Москва: АСТ, 2001. 320 с.
7. Манжула О. В. Художественная литература в обучении английскому языку специальности. Научно-фантастические романы А. Конан-Дойла в обучении английскому языку студентов естественнонаучных факультетов. Разработка электронного пособия // Образование. Язык. Межкультурная коммуникация: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2018. С. 86–91.
8. Печкурова З. В., Печуров К. А. Выбор и методика работы с оригинальными источниками (английский язык) для студентов-психологов // Теория и практика преподавания языков и культур: философские и методологические аспекты: Материалы II Междунар. научно-практической конференции. Москва: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 2017. С. 138–144.
9. Цепкова А. А. Принципы описания методического потенциала художественного текста на иностранном языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 4. Т. 7. С. 52–71.
10. Щелокова И. Д., Сапун Т. В. Применение метода “closereading” в интегрированном обучении английскому языку и литературе студентов ВУЗа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 4 (204). С. 33–38.
11. Vassilieva M. The House in Norham Gardens – The Whole Workd in Itself // Footpath. 2008. № 1. P. 59–65.
12. Capital by John Lanchester. A Commentary with Annotations / ed. by Karen Hewitt. Perm: Perm State University, 2016. 70 p.
13. Dvinina S. Methods of Teaching Mark Haddon’s The Curious Incident of the Dog in the Night-Time // Footpath. № 11. 2018. P. 94–99.
14. Faulks S. a Week in December. London: Vintage books, 2010. 392 p.
15. Grinko E. N. Learning English through Reading: Selecting Literary Texts for EFL Classes // Вопросы педагогики. № 6–1. 2018. С. 6–8.
16. Hewitt K. Teaching Literature and the Question of Questions // Footpath. № 11. 2018. P. 6–15.
17. The House in Norham Gardens by Penelope Lively. A Commentary with Annotations / ed. by Karen Hewitt. Perm: Perm State University, 2007. 54 p.
18. Karapetyan M. V. Penelope Lively’s Novel *The House of Norham Gardens* and its Invisible Character // Footpath. № 6. P. 59–63.
19. Korshuniva E. S. The Possibilities of Using English and American Literature in the Process of Teaching English in Non-Linguistic Higher Institutions of Russia // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Междунар. научно-практической конференции. Донецк: Изд-во «Донецкий национальный технический университет», 2018. С. 191–196.

20. Lively P. *The House in Norham Gardens*. London: Jane Nissen Books, 2004. 153 p.
21. Proskurnin B. M., Filipieva M. I. Victorian Social Problem Novel Tradition in the XXI Century: *A Week in December* by Sebastian Faulks and *Capital* by John Lanchester. *Мировая литература в контексте культуры*. 2016. № 6(12). С. 234–246.
22. Saczuk D. Literature as an Empowering Instructional Tool in the Adult ESL Classroom // *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 2014. № 3. С. 23–25.
23. *Ulverton* by Adam Thorpe. A Commentary with Annotations / ed. by Karen Hewitt. Perm: Perm State University, 2011. 94 p.

V. A. Vyachkova

*Ph.D. (Philology), Associate Professor,
the Department of English for Professional
Communication, the Department of World Literature and Culture,
Perm State University*

***LITERATURE IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH
LANGUAGE TO THE STUDENTS OF GEOGRAPHY:
DISCUSSING THE PROBLEM OF CHOICE***

The author of the article speculates on the problem of choice of fiction to be used in the process of teaching English to the students of the Faculty of Geography. This relevant and popular way of teaching English using contemporary fiction is solved in the aspect of teaching the students of geography. The author gives examples and genres of contemporary British literature suitable for the students of geography. According to the author the best possible choice of the teacher are the books containing a number of toponyms relevant for the understanding of the novel, the novels where the author deliberately leads the reader to the real places, and also the books where the hero is closely connected with the world around. The examples of fiction which can be used for geography students are contemporary social problem novels (“A Week in December” by S. Faulks or “Capital” by J. Lanchester), novels about teenagers or young people (“The House in Norham Gardens” by P. Lively) or novels, where the place is one of the most important characters (“Ulverton” by A. Thorpe). Working with these novels the students can not only expand their cultural horizons and improve their English, but also master their professional skills, doing the project on the novels, connected with their future specialty. The author’s ideas are to be used in the future in the project of writing an English exercise book for the students of the Faculty of Geography, based on the books of fiction.

Keywords: teaching English Language, fiction, contemporary literature, geographical specialty, literary text, place names.

УДК 821.161.1:821.581“19/20”

Ши Шаньшань

Ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 2396417
E-mail: shishanshanchn@gmail.com

Кондаков Борис Вадимович

Доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: +7 (342) 2396310
E-mail: kondanovb@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА А. П. ЧЕХОВА В КИТАЕ (1920–1940-Е ГГ.)

В статье исследуется восприятие творчества А. П. Чехова в китайской культуре. Анализ интерпретаций произведений А. П. Чехова китайской литературной критикой показывает, что они рассматривались в контексте социально-политических задач, стоящих перед страной в 1910–1940-е гг. А. П. Чехов – писатель, творчество которого получило всемирную известность. Сегодня он является одним из самых востребованных в мире российских писателей. Читателей привлекало глубокое понимание им общественных проблем, точное изображение внутреннего мира человека, а также «скрытость» позиции автора, что позволяло «проецировать» содержание текста на самые разные явления современной действительности. Китайские писатели, критики, читатели воспринимали повести, рассказы и драмы А. П. Чехова как «призывы» к построению «нового» общества и формированию «нового» человека. В статье также рассматриваются чеховские традиции в творчестве китайских писателей середины XX в. – Лу Синя, Цао Юя, Ба Цзиня.

Ключевые слова: Чехов, интерпретация, русская литературы, китайская культура, критика, традиции, Лу Синь (Lǚ Xūn), Цао Юй (Cáo Yú), Ба Цзинь (Bā Jīn), Цзяо Цзюйинь (Jiāo Jūyīn).

Введение

А. П. Чехов – писатель, творчество которого получило всемирную известность. Сегодня он является одним из самых востребованных в мире российских писателей. Читателей привлекало глубокое понимание им общественных проблем, точное изображение внутреннего мира человека, а также «скрытость» позиции автора, что позволяло «проецировать» содержание текста на самые разные явления современной действительности.

В то же время творчество Чехова, как отмечают некоторые литературоведы, до сих пор остаётся «недопрочитанным». Причина этого – «обманчивость простоты чеховского повествования, создающего эффект “чистой воды”, когда близость “дна” оказывается иллюзорной» [Кубасов, 1998, с. 3]. Одна из таких «иллюзий» была связана с тем, что писатель долгое время рассматривался преимущественно как «критик» действительности, и – в гораздо меньшей степени – как «созидатель» общества будущего.

Российские интеллигенты 1880–1890-х гг. осуждали Чехова за отсутствие «общей идеи» и «сложившегося мировоззрения» (отождествляя писателя с героями произведений), упрекали за то, что он не зовёт к «светлому будущему», требовали прояснить свою «общественную физиономию». Выразители этих взглядов исходили из традиционных для русской литературы представлений о необходимости чёткой формулировки позиции автора и выражения ценностей, близких к идеям революционеров-демократов или народников. Так, например, близкий к народничеству критик А. М. Скабичевский считал характерной чертой произведений Чехова «отсутствие какого бы то ни было объединяющего идейного начала» [Скабичевский, 2015, с. 415].

Основная часть

В Китае творчество Чехова воспринималось по-другому. Период 1900–1940-х гг. был для Китая сложным временем, когда страна напряжённо размышляла (так же, как и Россия в 1880–1890-е гг.) над тем, каким путём она должна будет идти в дальнейшем, и поэтому не случайным оказалось то, что чеховские рассказы оказались восприняты в контексте преобразования общества.

Однако китайская интеллигенция интерпретировала Чехова не так, как русская: он никогда не был писателем, «лишённым идеалов» и раскрывавшим «мелочи жизни» (тем более что китайские «мелочи» принципиально отличались от русских), критиковавшим «скуку повседневности» и поступки «маленького человека» (идеализировавшегося русской литературой середины XIX в.). В Китае Чехов воспринимался в контексте преобразования общества, как писатель, показывавший новые горизонты интеллектуальной жизни людей – носителей «нового» сознания и участников актуальной общественной практики, прокладывающий путь к будущему и формирующий «нового человека».

Китайские прочтения произведений русской литературы при переводе нередко существенно изменялись в своём содержании: менялись имена персонажей, сюжет, соотношение слов автора и героев [Кондаков, Лю Янькунь, 2018]. К творчеству Чехова китайские переводчики подходили достаточно бережно, однако ситуация, сложившаяся в китайском обществе, требовала вносить некоторые существенные акценты в его повести и рассказы.

Исследование процесса «вхождения» творчества русского писателя в китайскую культуру, китайских интерпретаций его произведений, «чеховской традиции» в китайской литературе позволяет раскрыть механизм межкультурной коммуникации, понять, как ценности одной культуры становятся ценностями другой культуры.

Первые переводы произведений Чехова

Рассказы русского писателя были опубликованы на китайском языке уже после смерти писателя, во второй половине 1900-х гг., – в ключевой для китайской истории период, время крушения империи Великая Цин. В 1907 г. китайский учёный У Чоу [吴樛]¹ перевёл рассказ «Чёрный монах» на классический китайский литературный язык вэньянь, который был издан в Шанхае в виде небольшой брошюры (публикации других произведений европейской и русской литературы также осуществлялись в виде отдельных маленьких книжек). У Чоу перевёл произведение Чехова с японского языка (китайские переводчики произведений русской литературы и в последующие годы обычно прибегали к известным им языкам-посредникам – английскому, французскому, немецкому или японскому), и поэтому не мог передать своеобразие стиля русского писателя.

В 1909 г. в Китае началась Синьхайская революция, приведшая к свержению маньчжурской династии Цин и провозглашению Китайской республики. Главной целью революции было уничтожение монархии, законсервировавшей феодальные порядки, а также борьба с иностранным империализмом. В этот период в Китае наиболее востребованным оказалось творчество российских писателей-реалистов – А. Пушкина, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, – в произведениях которых прогрессивные деятели искали ответы на вопросы, поставленные современностью.

В таких условиях русская литература стала своеобразным «мостом» между мировой (прежде всего, европейской) и китайской культурой. Для китайских интеллигентов русская литература, связанная с освободительным движением (в большей степени, чем другие национальные литературы), стала активным союзником в борьбе с традиционной феодальной идеологией и помогала духовному освобождению людей.

В 1910 г. в четвёртом выпуске журнала «Время рассказов» была опубликована повесть А. П. Чехова «Палата № 6» [Ma Цзуи, 2006, с. 41], переведённая Бао Сяотянем [包笑天], сыгравшая особую роль в китайской культуре и во многом поменявшая сознание китайской интеллигенции, которая восприняла «палату № 6» как точное описание жизни Китая того времени. Название повести интерпретировалось в качестве символа затяжной болезни общества – как обозначение места, где люди стремятся быстрее «закрыть глаза», чтобы не видеть внешнего мира и того, как окружающие беспомощно страдают.

Произведение А. П. Чехова привлекло тем, что в нём было показано, как общество, живущее традиционными стереотипными представлениями, может губительно воздействовать на человеческую личность, и как человеку следует вести себя в ситуации противостояния окружающему миру. Китайские интеллигенты были убеждены: Чехов хотел выразить мысль о том, что наиболее важные социальные проблемы должны затрагивать любого человека. Если люди не научатся решать эти проблемы своевременно, то никто из них не сможет ручаться за то, что рано или поздно он сам не попадёт в «палату № 6». Китайским читателям была близка и понятна мысль о том, что самое страшное в жизни человека – ощущение трагичной незащитности перед властью, осознание того, что жизнь ничего не стоит, что нигде искать справедливости и защиты, поскольку в извращённом

¹ Некоторые российские исследователи используют другой вариант написания имени китайского переводчика – У Тао [Wú Táo]. Правильным следует считать написание У Чоу [吴樛 – Wú Chóu].

обществе (каким был тогдашний Китай) насилие интерпретируется как «разумная, целесообразная необходимость».

Но одновременно китайские читатели увидели в повести постановку вопроса о том, как воспитать «нового человека», который сможет противостоять окружающему миру, как осуществить кардинальные социальные преобразования и научиться самостоятельно решать возникающие проблемы. Мнение о произведении, типичное для людей того времени, было сформулировано анонимным китайским читателем: «Автор придерживается идей социализма, тон его рассказа в значительной мере близок к мизантропии. В общем, это произведение необходимо прочитать всякому, кто хоть в малой степени имеет склонность к философским размышлениям» [А Ин, 1961, с. 3]. Такая оценка не только свидетельствовала об уважительном отношении к писателю, но и указывала на политический и философский контексты, в которых воспринималась повесть – построение общества, в основе которого находятся идеи социализма.

Мнение о повести «Палата № 6», сформировавшееся в Китае в 1900-е и 1910-е гг., сохранялось и в последующие периоды. «Движение 4 мая» (1919 г.), направленное на обновление духовных основ китайского общества, способствовало распространению идей о переустройстве общества, борьбе за новую культуру. В этот период появилось много новых переводов чеховских произведений. Среди переводчиков были многие известные деятели китайской культуры: Лу Синь [鲁迅], Мао Дунь [茅盾], Го Можо [郭沫若], Ху Ши [胡适], Ба Цзин [巴金], Чжень Чжендо [郑振铎] и другие [Чжан Цзяньхуа, 2010, с. 103].

Однако в условиях гоминдановского режима пропаганда русской литературы была небезопасным занятием: авторы переводов подвергались преследованиям, а тиражи книг нередко уничтожались полицией. О том, какой была ситуация в 1920-е гг., можно судить по высказыванию Лу Синя. В статье, вышедшей под характерным названием «Приветствую литературные связи Китая и России», он писал: «В это время, конечно, не прекращались карательные походы объединённых сил присяжных писак, учёных мужей и хулиганов с полицейскими ищейками. На переводчиков сыпались обвинения, их называли и “ломаными гонгами”, и “изменниками”, и “коммунистами”, получающими советские рубли. Эти походы сопровождалось запрещением и конфискацией книг, но все это содержалось в тайне, и документов не найти» [Лу Синь, 1973, с. 40].

Однако официальные запреты, как это всегда бывает, способствовали росту популярности русской литературы, в том числе и творчества Чехова. Новые переводы произведений Чехова, несмотря на трудности, продолжали появляться: в 1923–1924 гг. Цао Цзинхуа перевёл пьесу «Три сестры», а в 1930 г. шанхайское издательство «Каймин» опубликовало «Собрание лучших рассказов Чехова» в восьми томах (переводчик Чжао Цзиншэнь), издание которого стало событием в культурной жизни Китая [Серебряков, 2005, с. 11]. Появлялись и иные издания книг русского писателя.

Традиция Чехова в творчестве Лу Синя

Особую роль в процессе приобщения русской литературы (и, в частности, творчества Чехова) к культурной жизни Китая в 1920–1930-е гг. сыграла деятельность великого китайского писателя-гуманиста Лу Синя [鲁迅] (1881–1936).

В 1909 г. будущий великий писатель, обучавшийся в японском университете, издал на китайском языке двухтомный «Сборник зарубежных рассказов», в котором были опубликованы переводы произведений ряда европейских писателей, выполненные с японского и немецкого языков, в том числе двух чеховских рассказов – «В усадьбе» и «В ссылке», а также была представлена краткая информация о писателе (в подготовке этого издания активное участие принимал Чжоу Цзожэнь – брат Лу Синя).

Показательны характеристики, данные Лу Синем российскому писателю: «его художественное мастерство великолепно»; он «описывает духовный упадок в реакционную эпоху», «живёт надеждой на будущее», разоблачает «приверженцев старого порядка» и является «народным наставником» [Лу Синь, Чжоу Цзожэнь, 1986, с. 418]¹. В этих словах в творчестве Чехова подчёркивался аспект, важный для китайских читателей: направленность на изменения окружающей действительности в интересах будущего.

В дальнейшем Лу Синь перевёл ещё ряд рассказов русского писателя. Например, для шанхайского журнала «Переводная литература» им было подготовлено восемь рассказов, однако опубликованными оказалось всего семь: рассказ «Лев и солнце», раскрывавший бездарность российских чиновников (кстати, публиковавшийся в России без проблем), китайская цензура посчитала «совершенно неприемлемым», усмотрев в нём намёк на действия местных руководителей.

Лу Синь написал несколько публицистических статей, посвящённых творчеству Чехова. Можно предположить, что в художественном плане Чехов был ему ближе, чем другие русские писатели. «Будучи горячим ценителем Чехова, Лу Синь признавал в нём огромную идейную и эстетическую силу <...> рассматривал его как носителя новых идей, видел в его творчестве силу для преобразования китайского общества и жизни китайского народа. Он не раз говорил, что чеховская литература есть новая литература “во имя жизни человека”», – отмечал профессор Чжан Цзяньхуа [Чжан Цзяньхуа, 2010, с. 105].

Сопоставляя творчество А. П. Чехова и Лу Синя, китайские литературоведы нередко высказывали в адрес русского писателя критические замечания, суть которых сводилась к тому, что Чехов недостаточно хорошо представлял перспективы развития общества и не понимал значения революционных преобразований (Лу Синь в этом плане представлялся гораздо более «прогрессивным» деятелем). Так, например, китайский исследователь Лу Жэньхао указывал: «Чехов смотрел на будущее с прекрасной надеждой, но сама мечта и путь к её осуществлению неотчётливые» [Лу Жэньхао, 2010, с. 217].

Лу Синю были близки чеховские художественные принципы организации произведения, предполагающие наличие *подтекста*, в котором выражаются основные мысли автора. В качестве «внешнего» сюжета его рассказов обычно используются ситуации, связанные с традиционной китайской культурой и бытом, а в качестве «внутреннего», «интеллектуального» сюжета (который в представлениях потенциального читателя становится основным) – мысли, выражающие общечеловеческие ценности, которые утверждаются автором и которые должен был принять для себя читатель. Такое построение сюжета помогало китайскому писателю раскрыть основные противоречия китайского общества того времени, выражавшиеся в столкновении «традиционного» человека с человеком «новым».

¹ Здесь и далее перевод с китайского языка на русский язык выполнен Ши Шаньшанем.

Развивая реалистические принципы Н. В. Гоголя, Лу Синь написал рассказ «Дневник сумасшедшего». Однако в этом произведении обнаруживается и воздействие прозы Чехова, – в частности, его «Палаты № 6» (интерпретированной в соответствии с «китайским» контекстом исторического периода). В интерпретации Лу Синя «сумасшедший» – это человек, наделённый нестандартным восприятием окружающего мира, умеющий замечать то, чего не понимают другие люди. Как и в произведении Чехова, герой «Дневника сумасшедшего» боится окружающих людей и страдает манией преследования, связанной с неприятием «обычного» мира. В обоих произведениях образы «сумасшедших» выражают глубокий смысл и помогают раскрыть несправедливость существующего общества; оба героя соотносятся с представлениями о человеке будущего, который в своих суждениях не будет зависеть от мнения толпы и станет жить по собственным правилам.

«Чеховские» художественные принципы, отдельные сюжетные мотивы и образы могут быть обнаружены во многих рассказах китайского писателя – «Снадобье» [《药》] (1919), «Родное село» [《故乡》] (1921), «Скорбь по ушедшей (Записки Цзюаньшэна)» [《伤逝》] (1897) и многих других. Герои его произведений часто стремятся вырваться из замкнутого круга обыденной суеты или семейных мелочей и найти способ заняться общественной деятельностью, направленной на реализацию своих идеалов. Для Лу Синя – как и для Чехова (в интерпретации китайских критиков) – главным предметом художественного анализа оказывался человек – носитель идей преобразования общества, который в сознании читателей был противопоставлен «традиционному» человеку – носителю взглядов, уходящих в прошлое.

Наибольшее сходство между российским и китайским писателями проявляется в построении отношений между автором, героем и читателем. В рассказах Лу Синя, как и в произведениях Чехова, оценки персонажей, сделанные автором или повествователем, сведены к минимуму, а возможность самостоятельно оценивать ситуацию предоставляется читателю, перед глазами которого разворачивается точная картина жизни. Анализируя обстоятельно представленную в произведении картину жизни, читатель неизбежно должен прийти к заключению о том, что народ Китая находится в очень тяжёлом положении, а стране необходимо новое общественное устройство.

Интерпретации творчества Чехова в 1930-е гг.

Творчество А. П. Чехова продолжало оставаться востребованным в Китае в 1930–1940-е гг., которые стали новым периодом испытаний – войны с Японией и борьбы за установление нового строя.

Известный писатель, учёный и политический деятель Го Можо отмечал, что в этот период большой популярностью пользовалась пьеса «Вишнёвый сад» [Го Можо, 1953, с. 341]. В 1941 г. в освобождённом районе Китая «Экспериментальная труппа Академии литературы и искусства» поставила пьесы Чехова «Предложение», «Медведь» и «Юбилей». Китайский литературовед Ван Сиянь, описывая в 1981 г. личное восприятие творчества Чехова в контексте событий 1930–1940-х гг., отмечал: «Процесс познания литературы отнюдь не прост и не лёгок! С годами мои представления о Чехове расширялись и любовь к нему становилась всё сильнее. Говорят, что иногда человек находит по душе писателя, который и становится на всю жизнь его добрым учителем и близким другом. Мои чувства к Чехову как раз такими и являются. В годы антияпонской войны (1937–1945), во время грандиозных

общественных потрясений и полной тревог жизни чеховские произведения всегда были рядом со мной» [Ван Сиянь, 1981, с. 380].

Несмотря на трудности военного времени, переводчики продолжали интенсивно работать и достигли успехов в подготовке новых изданий чеховских произведений. При этом китайские критики, отмечавшие появление новых изданий русского писателя, всегда особо подчёркивали связь его произведений с актуальными проблемами, стоящими перед китайским обществом.

Особую роль в этот период заняли интерпретации образов Чехова в творчестве выдающегося драматурга Цао Юя [曹禺] (1910–1996). Цао Юя в Китае нередко называли «Восточным Шекспиром» (он перевёл немало пьес английского писателя), однако с гораздо большим основанием его можно было бы называть «китайским Чеховым», поскольку в своём творчестве он испытывал большое влияние идей и образов русского писателя, а постановки его пьес легли в основу нового китайского театра.

Сам Цао Юй неоднократно заявлял о большом влиянии на него произведений Чехова. В послесловии к пьесе «Восход» он писал по этому поводу: «Я помню, как несколько лет назад начал увлекаться глубоким и богатым творчеством Чехова, как моё страдающее сердце волновалось под воздействием его пьес. <...> Я хочу поклоняться этому великому учителю и стать его ничтожным учеником...» [Цао Юй, 2008, с. 293].

Глубокий чеховский реализм, чеховские способы интерпретации образов персонажей оказали огромное воздействие на Цао Юя. Его пьеса «Гроза» [《雷雨》] (1934) своим названием указывает на связь произведения с традициями русской литературы XIX в. В пьесе можно увидеть влияние традиций не только А. Н. Островского, название произведения которого использовал китайский писатель, но и А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и, конечно, А. П. Чехова.

Картина жизни, воспроизведённая в пьесе китайского писателя, напоминает ситуацию в одноимённой пьесе Островского: семья, живущая в рамках традиционного уклада, сталкивается с тенденциями новой жизни. Семейные конфликты, 30-летняя история взаимной любви и ненависти героев, принадлежащих двум кланам, раскрывают актуальные общественные проблемы.

Среди персонажей пьесы выделяется «молодой хозяин» Чжоу Чун. Он лишён типичных для его среды недостатков, ненавидит общество неравенства и сочувствует угнетённым; он энергичен, решителен и придерживается «прогрессивных» идей. Белый спортивный костюм, который он носит, с одной стороны, делает его действительно похожим на солнечный луч («луч света»), разгоняющий темноту, царящую в мрачном доме; с другой стороны, он напоминает одетую в белое платье Елену из чеховской пьесы «Три сестры». Образ Чжоу Чуна заставляет читателя задуматься о будущем, связанном с деятельностью, направленной на благо других людей; его размышления о возможности достижения счастья для человечества, призыв к плодотворному труду и самоусовершенствованию, связывают героев пьесы Цао Юя с интерпретациями чеховских персонажей, актуальными для китайских интеллигентов в 1930-е гг.

Герой пьесы «Восход» [《日出》] (1935) Фан Дашэн первоначально производит впечатление обыкновенного, «традиционного» человека: он прост и скромн, педантичен,

однако обладает некоторыми чертами характера, о которых читатель узнаёт по мере погружения в художественный мир произведения: он добр, честен и стремится помогать окружающим людям, чтобы вместе с ними найти путь к «светлому будущему». Как честный интеллигент он, подобно многим чеховским героям, начинает задумываться над проблемами современности и задаёт себе сакраментальный вопрос: почему люди ведут себя жестоко по отношению друг к другу? В финале пьесы Фан Дашэн движется по направлению к восходу солнца, что символизирует обновление человека.

В трагикомедии «Пекинцы» [《北京人》] (1941) Цао Юй показывает, как две героини – Су Фан и Жуй Чжэнь, – живущие в «традиционной» семье, осознав, что окружающий мир изменяется, мечтают о новой жизни и мучительно ищут выход из сложившейся ситуации. Писатель подчёркивает необходимость ясных перспектив для обновления человека: «В то время у меня было желание, чтобы люди жили как *настоящие* люди, а не как масса живших тогда людей, а для этого необходимо найти в темноте правильный путь» [Цао Юй, 1996, с. 385-386].

Интерпретации творчества Чехова в 1940-е гг.

В 1940-е гг. к творчеству Чехова обратился другой классик китайской литературы XX в. – прозаик Ба Цзинь [巴金] (1904–2005), который был также выдающимся общественным деятелем и прекрасным переводчиком.

Ба Цзинь высоко ценил творчество русского классика и выступал как переводчик его произведений. Осмысливая результаты своей творческой деятельности, он увидел в ней три этапа, которые выделил в зависимости от степени понимания чеховского творчества: первый – до двадцати лет, когда смысл произведений русского писателя казался ему совершенно непонятным; второй этап начался, когда он сам стал писать и полагал, что чеховские герои пассивно следуют внешним обстоятельствам; третий – завершающий – этап начался после того, как писатель, прожив долгую творческую жизнь, глубоко полюбил Чехова и осознал, что, несмотря на то, что Чехов изображал жизнь русского общества, его литературные герои представляются читателю живущими в Китае [Ба Цзинь, 2009, с. 8–10].

Ба Цзинь много размышлял о творчестве русского писателя. В статье «Впечатления. Мысли. Воспоминания» (1954) он отмечал: «Творчество Чехова обладает вдохновляющей силой. Оно не только разоблачает уродливый облик “мещанства”, преобладавшего в обществе в его время, но и осуждает людей, продолжающих жить таким образом. Он также укрепил уверенность людей в прекрасном будущем человечества. Чеховские герои не утрачивают веру в добро ни при каких обстоятельствах – даже самых трудных или трагических, они не утрачивают энтузиазма к работе и труду» [Ба Цзинь, 1990, с. 310].

В романе «Сад радости» [《憩园》]¹ (1944) писатель изобразил старинный дом, в котором живёт традиционная китайская семья (традиционный китайский дом-усадебный обязательно включал в себя сад). В качестве прототипа «Сада радости» обычно называют родовую дом писателя, расположенный в г. Гуйян, который имел название 《花溪憩园》 (иероглифы, составляющие название, имеют значения «цветы», «ручей», «покой» или «отдых», «сад») [Ба Цзинь, 2016].

¹ Буквальный перевод названия романа – «Сад отдыха / отдохновения».

В этом романе китайский писатель (как и в других своих произведениях) воспроизвёл историю традиционной семьи. Дом, в котором живёт семья, не оправдывает своего названия: в нём нет ни подлинной радости, ни настоящего спокойствия для его обитателей (иероглиф ‘憩’ в названии романа имеет значение «покой»). Отношения между его обитателями разрушаются под воздействием времени: ломается традиционный уклад, а старые хозяева не могут приспособиться к новой жизни.

Представление о «доме-саде» («усадыбе») было характерно и для русской культуры, в том числе для творчества Чехова, в произведениях которого *дом / сад* (например, «вишнёвый сад» или дом профессора Серебрякова) – место, где сохраняются и / или разрушаются надежды живущих в нём людей.

Ба Цзинь не только критиковал общественные пороки, но и размышлял о будущем, приходу которого способствуют «новые» люди – такие, как Вань Чжаохуа, вторая жена хозяина сада, или младший сын Ханьэр. Вань Чжаохуа и Ханьэр не хотят жить по-старому; они обладают добротой и стремятся к самосовершенствованию, и поэтому их поступки дают надежду на преобразование мрачной жизни «Сада радости».

Повесть Ба Цзиня «Палата № 4» [《第四病室》] (1946) в сознании китайской интеллигенции изначально соотносилась с «Палатой № 6» – произведением, ставшим знаковым для китайского общества в 1920–1930-е гг. [Ба Цзинь, 2009], которая – так же, как и произведение Чехова – ставила важные социальные проблемы. Рассказ имел автобиографическую основу (как и произведение русского писателя): в 1944 г., во время войны, Ба Цзинь заболел и был вынужден 10 дней провести в больнице, находящейся в провинциальном городе Гуйян, где писатель сделал много наблюдений, касающихся работы медицинского персонала и условий, в которых находились пациенты.

«Палата № 4» – это отделение больницы, предназначенное для пациентов «четвёртого сорта» – крестьян, ремесленников и прочих небогатых людей. Условия содержания больных в этом отделении очень тяжёлые: здесь очень тесно, пациентам не хватает еды и лекарств, отсутствует квалифицированный медицинский персонал, который мог бы оказать людям необходимую помощь.

В послесловии к повести Ба Цзинь написал: «...Палата № 4 <...> является символическим изображением всего китайского общества того времени. Больные в ней страдают и умирают – так же, как страдают и умирают люди, живущие в обществе» [Ба Цзинь, 2009, с. 125]. Развал, царящий в больнице, как в зеркале, отражает ситуацию в стране: «Раньше в Нанкине и Шанхае во время пребывания в госпитале вам не нужно было платить ни копейки. Теперь даже обыкновенные бинты должны быть куплены вами. У вас нет денег на бинты – медсёстры откажутся обслуживать вас и не станут делать перевязку или прикреплять пластырь» [Ба Цзинь, 2009, с. 12]. Положение пациента в больнице зависит от его финансовых возможностей: «Если у вас есть деньги, и вы платите Чжэну [работнику, обслуживающему больных. – Ш. Ш., Б. К.], то он почитает вас, как своих предков! А если у вас нет денег, то вы всего-навсего его внуки [то есть он вас не уважает и не заботится о вас. – Ш. Ш., Б. К.!]» [Ба Цзинь, 2009, с. 16].

В мучительной жизни обитателей палаты № 4 есть только один «луч света» – молодая женщина-врач Ян Мухуа, любящая свою работу, сострадающая людям, оказавшимся в тяжёлом положении, и уважающая пациентов. Писатель показывает, как у людей возникает

надежда на выздоровление, когда в палате появляется Ян Мухуа, которая помогает больным и даёт им духовную поддержку. Её жизненное кредо выражено в часто повторяемых ею словах: «Стань добрым, чистым и полезным для людей» [Ба Цзинь, 2009, с. 124]. Такие люди, как Ян Мухуа, нужны современному обществу, и только им – с точки зрения автора – может принадлежать будущее.

Заключение

А. П. Чехов был писателем «переходного времени»: своим творчеством он «закрывал» одну эпоху и «открывал» другую: его произведения интерпретировались (как в России, так и в Китае) в контексте размышлений о необходимости изменения общества и о будущем. В сознании российских читателей 1880–1890-х гг. и китайских читателей 1910–1940-х гг. присутствовало ощущение «конца» эпохи, в которой они жили. Над аналогичными проблемами размышляли персонажи и читатели чеховских произведений, сознание которых имплицитно присутствовало в подтексте рассказов, повестей и пьес Чехова.

Чехов привлёк китайских писателей и критиков не только как «выдающийся реалист», но и как художник, указывающий на перспективы развития общества. Китайские читатели 1920–1940-х гг. интерпретировали его творчество примерно так, как российские читатели в 1890–1910-е гг. интерпретировали творчество А. М. Горького. Представители китайского общества увидели в чеховских произведениях прежде всего борьбу с всяческими формами угнетения, направленную на изменение жизни, непримиримость по отношению к произволу, призыв к осмысленному отношению к действительности, стремление к раскрепощению человеческой личности.

Выдающийся китайский режиссёр и драматург Цзяо Цзюйинь, один из основателей Пекинского Народного Художественного театра, готовясь к постановке пьесы «Вишнёвый сад», определил её как «символическую поэму общества». В одной из своих статей, посвящённых русскому драматургу, он отметил: «Чехов является замечательным доктором, который лечит не только больных, но и всё наше общество. И рецепт такого лечения заключался в уничтожении бесполезного вишнёвого сада и насаждении нового, плодоносного вишнёвого сада» [Цзяо Цзюйинь, 1947, с. 137]. С точки зрения китайского режиссёра и критика, Чехов сумел раскрыть в пьесе закономерности исторического развития человеческого общества, и поэтому «новый хозяин» сада Лопахин оказывается значительно лучше, чем его предыдущие хозяева.

Наиболее важной в творчестве Чехова для китайских читателей оказалась «нота бодрости и любви к жизни», увиденная в нём писателем Горьким. Именно в этом аспекте Чехов обличал социальную систему, построенную на чиновничестве и взяточничестве, учил бороться с предрассудками прошлого, помогал формулировать гуманистические идеалы.

А. П. Чехов стал в Китае одним из самых популярных русских писателей. Его повести, рассказы и драмы многократно переиздавались большими тиражами и способствовали формированию у китайских читателей представлений о России. Возникновение в китайской литературе XX в. особого «чеховского направления», в рамках которого творили многие китайские писатели, создававшие «чеховские» по духу художественные образы, способствовало развитию гуманитарных отношений между странами, облегчало процесс понимания друг друга.

Дружественные отношения, возникшие между Китаем и Советским Союзом в 1950-е гг., способствовали созданию благоприятных условий для удовлетворения интереса китайских читателей к русской классической литературе, в частности, к наследию Чехова, и развитию чеховедения. О своей приверженности чеховским художественным принципам заявляли многие китайские писатели, работавшие в 1970–1980-е гг., – например, Ван Мэн, Чжан Цзе, Фэн Цзицай, Цзо Цзюйинь, Сяо Фусин, Тун Даомин и другие, которые заявляли о своём восхищении русским писателем и о том, что на их собственное творчество существенно повлияли художественные принципы Чехова.

Анализ способов художественного воплощения размышлений о времени, разработанных в произведениях Чехова и соотнесение их с интерпретациями, созданными в разных культурах, позволяет раскрыть универсальную природу образов и принципы их использования в переходные периоды.

Список литературы

1. А Ин. Переводы русской литературы // Собрание материалов литературы Поздней Цин. Пекин, 1961. Т. 1. С. 3. [阿英, 《俄罗斯文学翻译//晚清文集》第一卷-北京, 1961, 第3页].
2. Ба Цзинь. Впечатления. Мысли. Воспоминания // Ба Цзинь. Полное собрание сочинений: в 26 т. Т. 14. Пекин: Народная литература, 1990. 310 с. [巴金, 《巴金全集 (共26卷)》, 第14卷, 北京: 人民文学出版社, 1990年, 第310页].
3. Ба Цзинь. Сад радости / Сост. Ли Хуэ. Пекин: Изд-во китайской молодёжи, 2016. 164 с. [巴金, 《憩园》, 李辉编, 北京: 中国青年出版社, 2016年, 164页].
4. Ба Цзинь. Простота и талант: Ба Цзинь о Чехове. Пекин: Восток, 2009. С. 8–10. [巴金, 《简洁与天才孪生: 巴金谈契诃夫》, 北京: 东方出版社, 2009年, 第8-10页].
5. Ван Сянь. Книги и жизнь. Гуанчжоу: Хуачэн, 1981. 430 с. [王西彦, 《书和生活》, 广州, 1981, 430页].
6. Го Можо. Избранное. Москва: ГИХЛ, 1953. 352 с.
7. Кондаков Б. В., Лю Янькунь. История любви Ми Ши и Ма Ли: первый перевод повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в Китае // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 90–100.
8. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 1998. 397 с.
9. Лу Жэньхао. Переоценка русской литературы XIX века и советского периода. Сучжоу: Сучжоуский университет, 2010. С. 217. [陆人豪, 《回眸: 俄苏文学论集》, 苏州: 苏州大学出版社, 2010, 217页].
10. Лу Синь. Предисловие автора к Второму сборнику прозаических произведений китайской новой литературы // Сборник фельетонов «Цецзетин». Пекин: Народная литература, 1973. С. 19. [鲁迅, 《中国文学集 前言》, 北京: 人民文学, 1973, 第19页].
11. Лу Синь, Чжоу Цзожэнь. Примечания от переводчиков // Сборник зарубежных рассказов. Чанша: Юелу шуше, 1986. С. 411–418. [鲁迅, 周作人, 《域外小说集》, 长沙, 1986].
12. Ма Цзуи. Общая история переводов в Китае. Современная эпоха. Ухань: Хубэйское издательство образования, 2006. С. 41. [马祖毅, 中国翻译通史, 现代卷. 湖北教育出版社, 2006, 第41页].

13. Серебряков Е. А. Чехов в Китае: Обзор // Чехов и мировая литература / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. Кн. 3. С. 5–51. [Лит. наследство; Т. 100].

14. Скабичевский А. М. История новейшей Русской литературы: 1848–1890. Москва: Книга по Требованию, 2015. 540 с.

15. Цао Юй. Беседа с драматургами о чтении и писательстве // Цао Юй. Полное собрание сочинений. Т. 5. Шицзячжуан: Хуашань вэньи, 1996. С. 385–386. [曹禺, 《和剧作家们谈读书和写作》, 《曹禺全集》第5卷, 石家庄: 花山文艺出版社, 1996年, 第385-386页].

16. Цао Юй. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Пекин: Изд-во Хуася, 2008. С. 293. [曹禺, 《曹禺代表作(上)》, 共两册, 北京: 华夏出版社, 2008年, 293页].

17. Цзяо Цзюйинь. Послесловие от переводчика // Чехов А. П. Вишнёвый сад. Шанхай: [Ивэнь], 1947. С. 137–148. [焦菊隐《樱桃园<译后记>》, 上海, 1947, 第137-148页].

18. Чжан Цзяньхуа. А. П. Чехов глазами китайских переводчиков и критиков // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3. С. 102–119.

Shi Shanshan

*Senior Lecturer, Theoretical and Applied Linguistic Department,
Perm State University*

Kondakov B. V.

*Grand Ph.D. (Philology), Professor of Russian Literature Department,
Perm State University*

INTERPRETATIONS OF THE WORK BY A. P. CHEKHOV IN CHINA (1920–1940's)

Perception of the work by A. P. Chekhov in Chinese culture is considered in the article. Analysis of the interpretations of Chekhov's works by Chinese criticism shows that they were perceived in the context of the socio-political tasks facing the country in the 1910-1940's. A. P. Chekhov is a writer whose work has gained worldwide fame. Today, he is one of the most sought-after Russian writers in the world. Readers were attracted by their deep understanding of social problems, the accurate depiction of the inner world of man, as well as the "secrecy" of the author's position, which made it possible to "project" the content of the text on the most diverse phenomena of modern reality. The Chinese writers, critics, readers perceived tales, stories, and dramas by Chekhov as "appeals" to create "new" society and format "new" human. The article also examines traditions of Chekhov in the work of Chinese writers of the mid-XX c.

Keywords: Chekhov, interpretation, Russian literature, Chinese culture, criticism, traditions, Lu Xun, Cao Yu, Ba Jin, Jiao Juyin.

УДК 821.161.1:821.581“18/19”

Лю Янькунь

Кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Институт иностранных языков, Цзянсийский педагогический университет
330022, г. Наньчан (КНР), ул. Цзяндадао, 99
Тел.: +8613796932579
E-mail: 15945607187@163.com

ФОРМИРОВАНИЕ «РУССКОГО КОНТЕКСТА» КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается процесс взаимодействия русской и китайской культуры, который выразился в формировании «русского контекста», сыгравшего большую роль в творческом сознании китайской интеллигенции, в развитии её системы ценностей, на которую повлияла русская классическая литература, – в частности, творчество А. Пушкина. В российском литературоведении 2000–2010-х гг. стало популярным исследование различных вариантов «тематических» текстов (иногда их также называют «сверхтекстами» или «гипертекстами» культуры), выделяемых на основании их связи с изображением определённого художественного пространства. В качестве материала исследования используются события литературной жизни 1930-х гг. «русского культурного анклава» – города Харбина, в частности, опубликованный китайским писателем, литературоведом и переводчиком Вэнь Пэйцзюнем «Сборник Линлу», в который вошли первые переводы русской поэзии, а также «пушкинские праздники», организуемые представителями русской эмиграции.

Ключевые слова: русский контекст, русский текст, культура Китая, литература Китая, китайский текст, культура Харбина, русский анклав, Вэнь Пэйцзюнь, «Сборник Линлу», перевод, пушкинские праздники.

Введение

В российском литературоведении 2000–2010-х гг. стало популярным исследование различных вариантов «тематических» текстов (иногда их также называют «сверхтекстами» или «гипертекстами» культуры), выделяемых на основании их связи с изображением определённого художественного пространства, – например, Петербурга («петербургский текст» [Топоров, 1995]) или Москвы («московский текст»), – или выдающегося деятеля культуры, – например, А. Пушкина («пушкинский текст» [Гаспаров, 1996]). Более того, само русское восточное зарубежье в 2000–2010-е гг. стало особым предметом литературно-художественного изображения: “In the 1990–2000s, after the topic of Russian emigration became open to objective scientific research and many works of art created in China were published in Russia, as well as historical documents, numerous historical, cultural and literary studies devoted to this topic” [Krasnoyarova, Popkova, Kondakov, 2019, p.1240].

Недавно исследователи русской литературы стали выделять в качестве особого явления «китайский текст» и «китайский контекст» русской культуры [Кондаков, Красноярова, 2017а; Кондаков, Красноярова, 2017б].

Вот как, например, определяются особенности «китайского текста» в одной из работ на эту тему: “The Chinese text includes the works that describe geography and history of the country, its culture and literature, philosophical and ethical systems. They also reproduce the life of the Chinese people and the images of certain Chinese characters (the Han). These works create a unique kind of artistic space and a collective image that influences the fate of specific characters and the development of the plot. Russian writers demonstrated great interest to the history and culture of China. They paid special attention to the system of the national philosophical-ethical notions, national history, and life of the Chinese people. The works were often based upon the plots that were borrowed from the Chinese literature and upon the images of the Chinese” [Wang, Kondakov, Krasnoyarova, 2018, p. 194]. Из этого высказывания можно сделать вывод, что важнейшую роль в «художественном пространстве», создаваемом «китайским текстом» русской литературы, с точки зрения авторов, является – помимо описаний жизни людей и национальной истории – воспроизведение в нём системы философско-этических представлений китайского народа.

Однако, как нам представляется, аналогичные понятия можно применять также и к китайской литературе и культуре, в которой, в свою очередь, существовал «русский текст» и «русский контекст».

В понятие «русский текст» китайской литературы можно включить совокупность произведений, в которых изображается Россия, её природные и исторические реалии, национальные религиозно-философские идеи, воспроизводятся образы деятелей русской культуры, используются отдельные сюжетно-композиционные приёмы и детали, характерные для русской словесности. «Русский текст» китайской литературы и публицистики включает многочисленные описания пространства России, образы русских персонажей в художественной литературе, мемуарные описания путешествий в Россию.

В рамках «русского текста» китайской литературы можно выделить, например, особые «чеховский» или «пушкинский» тексты (правда, не столь объёмный, как «пушкинский текст» России), которые использовали отдельные сюжеты и образы русской классики, включённые в контекст китайской культуры. В свою очередь, «русский контекст», охватывавший нравственные ценности и идеалы русской культуры, активно использовался китайской культурой.

В процессе формирования любого «текста культуры» огромную роль всегда играет *контекст*. Возникновение «контекста» обычно предшествует формированию «текста»: он готовит сознание публики к появлению «текста» и его адекватному восприятию и становится своеобразным «фоном» текста.

Вот как современные исследователи раскрывают основные особенности «китайского контекста» русской литературы: «В “контекст” [в данном случае речь идёт о «китайском контексте». – Л.Я.] <...> включается не только историческая и культурная среда, но и отражённые в культурной памяти субъектов текста – читателей – представления о Китае <...>, его языке, истории, природе и культуре, в том числе выраженные через другие созданные ранее тексты, посвящённые этой стране <...>. Контекст во многом определяет соответствующий ему тематический “текст”, и эти отличия нередко определяют его специфику» [Кондаков, Красноярова, 2017, с. 124]. Если перефразировать данное определение применительно в «русскому контексту» китайской культуры, то его основными

признаками будут являться воспроизведение в «культурной памяти» китайской публики представлений о языке, литературе, природе и истории России. Эти представления составили «ядро», которое в дальнейшем оказалось основой обыденных представлений о России.

История формирования «русского текста» и «русского контекста» китайской культуры может стать темой отдельного большого исследования. Изучение «русского текста» и связанного с ним «русского контекста» позволит раскрыть существовавшие в среде китайской интеллигенции представления о России как едином целом и понять их место в общественной жизни того времени.

Процесс формирования «русского контекста» китайской культуры был особенно важен, поскольку в первые десятилетия XX в. представления о России и русской культуре, имевшиеся в культурном сознании большинства представителей китайской интеллигенции, были крайне упрощёнными и отягощёнными многочисленными стереотипами. Существенные различия между традициями «восточной» культуры и «западной» (к которой, несомненно, относилась Россия) ещё больше затрудняли процесс взаимного понимания.

Особое место в «русском» тексте и контексте китайской литературы заняла «пушкинская тема», поскольку творчество основателя русской классической литературы А. Пушкина изначально вызывало в Китае особый интерес.

Основная часть

Обратимся к одной из страниц истории формирования «русского контекста» (и, в частности, контекста, связанного с А. Пушкиным), раскрывающей взаимодействие китайской и русской культуры в центре русского «восточного» зарубежья – городе Харбине.

Для своей статьи мы выбрали период 1930-х гг. – время, когда произведения русской классики стали активно переводиться на китайский язык. Предметом нашего рассмотрения станут несколько не очень хорошо известных в России фактов, раскрывающих некоторые аспекты усвоения китайской культурой информации о России и русской литературе (в частности, о «солнце русской поэзии» – А. Пушкине), осмысление которых позволит понять, с каких событий начиналось активное взаимодействие русской и китайской культуры, то есть формирование «русского контекста».

Харбин стал местом пересечения русской и китайской культуры и одним из важнейших источников достоверных сведений о России. Возникший в Харбине российский «культурный анклав» становился неким полюсом притяжения, «культурным мостом» для китайских интеллигентов, интересовавшихся современными социальными идеями. В свою очередь, русские «писатели-эмигранты воспринимали русскую культуру <...> через призму литературы. <...> Оторванность как от русской земли, так и от современной общеевропейской культуры, воздействие принципиально иной «восточной» социально-культурной среды способствовали формированию другого, нежели в европейских литературных центрах, поэтического видения, а также созданию особого варианта интерпретации культуры прошлого [Арустамова, Кондаков, 2018, с. 77]. Собственное существование на территории Китая образованные харбинцы воспринимали как особую миссию: с одной стороны, они считали себя хранителями русской классической культуры; с другой стороны, они рассматривали свою деятельность как просветительскую миссию, в рамках которой они стремились устанавливать культурные связи с китайским населением.

Такая позиция, естественно, вызывала и ответный интерес со стороны китайской интеллигенции.

Сборник Линлу

В 1930-е гг. в культурной жизни Харбина большую роль сыграл Вэнь Пэйцзюнь [温佩筠 – Wen Peijun] (1902–1967)¹ – выдающийся переводчик с русского языка, писатель, публицист, критик, революционер, в дальнейшем ставший известным китайским пушкинистом и университетским профессором. Он оказался первым китайским специалистом, который перевёл на китайский язык стихотворные произведения Пушкина, и его переводы заслужили высокую оценку современников.

В 1930 г. Вэнь Пэйцзюнь, только что окончивший Пекинский университет, отправился жить и работать в Харбин. Вэнь Пэйцзюнь направился туда не случайно. Можно предположить, что – с его точки зрения – этот город был лучшим местом для совершенствования познаний в русском языке и русской культуре. В этом городе проживало несколько сотен тысяч русских, работали русскоязычные театры и университеты, преподавание в которых велось на русском языке. В Харбине проживало много образованных русских людей, протекала насыщенная литературная жизнь.

Некоторые русские писатели Харбина (например, В. Перелешин, А. и И. Серебренниковы, В. Март, Я. Аракин, Н. Светлов, Ф. Камышнюк, М. Щербаков и другие) активно занимались переводом на русский язык современной и классической китайской поэзии (некоторые из них, особенно молодые, сумели хорошо овладеть китайским языком), что создавало благоприятную среду для плодотворного межкультурного взаимодействия и способствовало разработке принципов перевода как с китайского языка на русский, так и с русского на китайский язык [Крейд, 2001, с. 12].

В 1933 г. Вэнь Пэйцзюнь на собственные средства опубликовал в Харбине книгу под названием «Сборник Линлу» (零露集) [Сборник Линлу, 1933]. Это было первое в Китае собрание переводов поэтических произведений с русского на китайский язык. Тексты стихотворений были напечатаны одновременно на двух языках – китайском и русском; помимо самих произведений в книге имелись аннотации стихотворений и краткая информация об их авторах, подготовленная Вэнь Пэйцзюнем.

Издание в Харбине двуязычной книги с «параллельным» способом подачи текстов закономерно. Такая книга создавала ситуацию межкультурного диалога. С одной стороны, книга была адресована китайскому читателю, который мог получить из неё информацию о русской литературе (и прежде всего – о поэзии, которая ранее на китайский язык не переводилась); с другой стороны, русский читатель мог понять, как переводятся тексты литературных произведений на китайский язык и, возможно, усовершенствовать свои познания в сфере китайского языка. Изучение книги позволяло её читателям понять, какими ценностями живут два народа, проживающие на территории одного города.

В «Сборник Линлу» были включены 33 произведения русских поэтов, среди них 9 стихотворных произведений А. Пушкина («Зимний вечер», «Зимнее утро», «К морю», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Монастырь на Казбеке», «Цветок» и некоторые другие); 2 лирических произведения М. Лермонтова («Когда волнуется желтеющая нива...» и «Дары

¹ Вэнь Пэйцзюнь имел литературные псевдонимы *Вэнь Тао* [温涛] и *Юй Фу* [渔夫].

Терека»); 2 стихотворения в прозе И. С. Тургенева («Порог» и «Как хороши, как свежи были розы»); 1 стихотворение А. К. Толстого («То было раннею весной»); лирическая зарисовка И. А. Бунина «Первая любовь»; 2 стихотворения В. Я. Брюсова («Каменщик» и «Призраки»); стихотворное произведение А. М. Горького «Фея»¹ и некоторые другие [Ван Лие, 2015, с. 68]. Перевод был выполнен на народном разговорном языке *байхуа*, получившем широкое распространение после «Движения 4 мая».

«Сборник Линлу» очень интересен для исследователей русской и китайской культуры, поскольку даёт богатый материал для размышлений об эволюции литературных связей, свидетельствует о значении русской литературы для развития гуманистических ценностей [Ли Фанфан, 2007, с. 96].

Анализируя содержание сборника, мы можем прийти к выводу, что его составитель стремился дать китайскому читателю общее представление о русской поэзии, отбирая для этого наиболее известные, «классические» произведения русской литературы, которые были созвучны общественным настроениям и эстетическим ожиданиям китайской публики.

К сожалению, по имеющимся у нас сведениям, ни одного экземпляра «Сборника Линлу» в настоящее время в Китае не сохранилось. Тираж книги, как можно предположить, был небольшой. Значительная часть тиража погибла во время военных действий, которые в 1930–1940-е гг. непрерывно шли на территории Манчжурии (возможно, тираж специально уничтожался японцами); немногочисленные оставшиеся экземпляры могли исчезнуть в период Культурной революции, во время которой Вэнь Пэйцзюнь, как и некоторые другие русисты, подвергался преследованиям со стороны хунвейбинов.

Наименование «Сборника Линлу» было глубоко символичным. На китайском языке заглавие (《零露集》) состояло из трёх иероглифов: ‘零(líng) – «нуль» (то есть цифра «0»); ‘露(lù) – «роса» и ‘集(jí) – «сборник». Это название на русский язык можно перевести как «Сборник Росы» или даже «Первые капли росы».

Иероглиф ‘零(líng), поставленный в начале заглавия, указывал, что книга представляет «начальный» («нулевой») этап знакомства китайских читателей с произведениями русской литературы. Иероглиф ‘露(lù) свидетельствовал о том, что данная книга должна, словно роса, обновить души читателей, способствовать их духовному развитию (по традиционным китайским представлениям именно утренняя роса обеспечивает рост растений, – подобно тому, как в рамках русской культуры считается, что ускоренному росту способствует «весенний дождь»). Использование в данной ситуации «образа росы» также указывало на то, что опубликованные в сборнике 33 стихотворения (число «33» для китайцев – «счастливое»

---

¹ Скорее всего, Вэнь Пэйцзюнь под названием «Фея» опубликовал перевод стихотворной «Легенды о Марко», которая первоначально была частью рассказа «О маленькой фее и молодом чабане (Валашская сказка)», написанного А. М. Горьким. В начале 1900-х гг. Горький переработал стихотворение и сделал его самостоятельным произведением, которое издавалось несколько раз под разными заглавиями («Валашская сказка», «Фея», «Рыбак и фея» и другими). В 1906 г. это стихотворение было включено в книгу «М. Горький. Песня о Соколе. Песня о Буревестнике. Легенда о Марко», вышедшая в серии книг, публикуемых товариществом «Знание». Скорее всего, именно это издание было привезено в Харбин одним из русских эмигрантов, где и попало в руки Вэнь Пэйцзюня. «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», также входившие в это издание, в сознании представителей русской интеллигенции однозначно ассоциировались с революционной деятельностью (о чём не мог не знать переводчик) и поэтому были слишком опасны для перевода и издания на территории оккупированного японцами Харбина, а стихотворение «Фея» для знающих людей могло оказаться своеобразным намёком на другие произведения русского революционного писателя. Сюжет о живущей в реке девушке-фее, с одной стороны, был хорошо понятен китайским читателям; с другой – в нём содержались важные для китайских интеллигентов мысли о целях деятельности человека и об исторической памяти («А вы на земле проживёте, / Как черви слепые живут: / Ни сказок про вас не расскажут, / Ни песен про вас не споют!»).

число, ассоциирующееся с большим букетом цветов – таким «подарочным букетом» для китайских и русских читателей по сути и оказывался данный сборник).

Таким образом, название «Сборник Линлу» (то есть «Сборник Росы») символически указывало на то, что эта книга должна стать источником жизненной силы, «орошать души» читателей и способствовать внутреннему росту людей. Одновременно такое название давало читателям установку, определявшую восприятие вошедших в сборник произведений: это только первые «капли» утренней росы, *начальный* этап познания китайскими читателями русской литературы, который предвещает последующее углублённое знакомство с «океаном» (безбрежным «морем», «обильным дождём», «потоком») словесности.

«Сборник Линлу» оказал огромное позитивное воздействие на китайских читателей. Он прорвал культурную блокаду, которую осуществляла Япония, отторгнувшая в 1931 г. земли Северо-Восточного Китая. Сохранилась информация о том, что прогрессивные китайские интеллектуалы проводили в Харбине тайные конспиративные собрания, во время которых совместно читали и обсуждали данную книгу [Ван Юйхуань, 2005, с. 44].

Можно с уверенностью предположить, что работа над переводами, опубликованными в «Сборнике Линлу», была для китайского специалиста довольно сложной. Прежде всего, нужно отметить, что в то время в Китае не существовало русско-китайских или китайско-русских словарей; практика переводов (тем более переводов *поэтических*) с русского языка на китайский была ограничена.

В 1930-е гг. в Китае стали популярны некоторые принципы европейской и американской теории перевода, в частности, представление о том, что поэзия вообще «непереводима» и что перевод может привести к «гибели стиха» [Ван Шубай, 1999, с. 91]. Можно предположить, что Вэнь Пэйцзюнь не поддерживал такие концепции, что и позволило ему взяться за перевод стихотворных произведений русской литературы.

Вэнь Пэйцзюнь не имел намерения воссоздать *форму* исходного произведения и перевёл русские стихотворные произведения в виде *прозаических* текстов (хотя и разбитых на отдельные строки). В то время это было единственно верным решением: китайский переводчик следовал сформировавшейся традиции перевода поэтических произведений с китайского на русский язык как «белого» стиха, то есть без соблюдения чередования (повторов) интонации, ритма, созвучий. Основной задачей становилась точная передача содержания (смысла) стихотворения и его эмоционального наполнения. Следует иметь в виду и то, что ряд произведений, отобранных переводчиком для «Сборника Линлу» («Первая любовь» И. Бунина; «Порог» и «Как хороши, как свежи были розы» И. Тургенева), изначально были написаны в форме прозаического текста, а жанровое обозначение произведений И. С. Тургенева («стихотворения в прозе») стало ключом для определения специфики формы, выбранной Вэнь Пэйцзюнем, который реализовал этот жанр на китайском языке.

Воссоздавая образы русской поэзии, Вэнь Пэйцзюнь стремился к простому, не обременённому разнообразными украшениями (но одновременно эмоциональному) стилю, используя для этой цели разговорный язык *байхуа* (отметим попутно, что и Пушкин вошёл в русскую литературу как мастер «простого» стиля, приблизившего литературный язык к разговорному), что позволило переводчику сосредоточиться на максимально точной передаче содержания стихотворения и выражении эмоций [Ван Лие, 2016, с. 10].

Пушкинские праздники

«Сборник Линлу» стал своеобразным посредником между русским и китайским населением Харбина. Однако взаимодействие двух культур, естественно, не ограничивалось публикациями переводов. В 1930-х гг. знакомству китайской публики с русской культурой способствовала просветительская деятельность русских эмигрантов, проводивших разнообразные мемориальные собрания, посвящённые русским литераторам, нацеленные на сохранение и пропаганду национального культурного наследия. Огромную роль играло живое общение между представителями китайской и русской интеллигенции, формальным поводом для которого стали культурные мероприятия, участие в которых принимали представители обеих сторон. Среди таких мероприятий, прежде всего, следует назвать фестивали, вечера, посвящённые памяти А. Пушкина, на которых делались доклады, знакомящие русскую и китайскую публику с жизнью и творчеством русского писателя, читались художественные произведения, воспроизводящие его деятельность, осуществлялись любительские постановки спектаклей на сюжеты его произведений.

Пушкинские праздники привлекали много участников (как русских, так и китайцев), способствовали пробуждению интереса к творчеству русского поэта. О. Бакич приводит информацию о проведении в Харбине пушкинского праздника: «Программа началась докладом директора гимназии <...> С. И. Цветкова и включала пение, музыку, декламацию и сценки, построенные на пушкинских произведениях. Вечером того же дня состоялся вечер для взрослых в том же зале Железнодорожного Собрания, на котором присутствовали все местные русские политические, военные и религиозные деятели, представители японской власти и многочисленная публика. Доклад читал председатель Центрального Пушкинского Комитета профессор К. И. Зайцев. Затем, как и на утреннике, последовала программа, состоявшая из музыкальных и драматических номеров, построенных на пушкинских произведениях. Главная тема всего вечера была «Пушкин и Россия» [Бакич, 1999/2000, с. 243].

Другой пушкинский праздник 1937 г. вспоминал переводчик, писатель и литературовед Гао Ман (1926–2017 гг., тогда ему исполнилось 11 лет): «Я не могу забыть 100-летие со дня смерти Пушкина. Я тогда учился в Харбине. Наш заведующий учебной частью прочитал доклад о биографии поэта и свои стихи, посвящённые Пушкину, подписанные псевдонимом Ачаир. <...> Выпускники исполнили драму, представлявшую переработку трагедии «Борис Годунов» и спели песни, являвшиеся переложениями пушкинских стихов на музыку» [Гао Ман, 2004, с. 65].

В воспоминаниях Гао Мана упомянут поэт русской эмиграции Алексей Ачаир. По сведениям, приведённым А. Горшениным, Ачаир «поначалу работал в местных газетах, а с 1924 г. занимал должность “секретаря-заведующего” отдела образования ХСМЛ (Христианский союз молодых людей) – организации миссионерского толка, которая вела большую культурно-воспитательную работу среди русской эмигрантской молодёжи Харбина, а также преподавал в гимназии и колледже при ней» [Горшенин, 2011]. Таким образом, усилия русской эмиграции по сохранению и распространению пушкинского наследия не пропадали напрасно. Праздник не только привлёк внимание представителей русской диаспоры, но и оказался интересным для китайцев, в числе которых был и Гао Ман.

Традиция празднования юбилейных пушкинских дат продолжалась в Китае и в последующие годы. Так, в 1947 г. семь прогрессивных объединений литераторов, в том числе Всекитайский литературно-художественный союз, устроили совместное мероприятие в ознаменование 110-летия со дня смерти Пушкина. В ходе празднования было сыграно (на русском языке) драматическое произведение «Каменный гость» [Гэ Ихун, Цзо Лай, 1993, с. 170]. В дальнейшем аналогичные праздники устраивались в разных городах Китая регулярно, каждые 5–6 лет.

В 1999 г., во время праздника в честь 200-летия со дня рождения Пушкина, организованного Обществом китайско-российской дружбы, Китайской ассоциацией исследователей русской литературы, Китайским научно-исследовательским обществом имени Пушкина и факультетом русского языка Пекинского университета был проведён широкомасштабный академический семинар. Во время семинара преподаватели и студенты факультета русского языка Пекинского университета декламировали стихотворения Пушкина, а аспиранты первого курса инсценировали поэму «Цыганы» [Чжа Сяоянь, 1996].

Можно сделать вывод, что празднование пушкинских памятных дат, в рамках которых не только делались академические доклады, но и звучали стихи поэта, а также ставились фрагменты из его драматических произведений, было важным каналом проникновения в Китай творчества русского поэта и, в частности, его драматургического творчества.

Заключение

Харбин, а в дальнейшем – и Шанхай сыграли особую роль в китайской культуре, став своеобразным «мостом», который способствовал развитию взаимодействия между двумя странами, что способствовало взаимопониманию народов. И ключевую роль в этом, как мы увидели, сыграло наследие великого русского писателя А. Пушкина.

«Харбин бережно сохранял национальные традиции – как старые русские, так и новые, обретённые на территории Китая, ставшего для жителей Харбина “второй” Родиной. “Харбинский культурный анклав” был носителем уникального опыта сохранения и трансляции традиций двух культур, преодоления межкультурных барьеров, национальных и политических границ», – отмечают исследователи [Красноярова, Ван Кэвэнь, Попкова, Кондаков, 2018, с. 119].

Развитие «русского контекста» китайской культуры в дальнейшем способствовало формированию «русского текста» китайской литературы, развитию литературной критики и литературоведения (которое первоначально во многом опиралось на традиции русских гуманитарных наук), появлению в китайской литературе образов русских писателей (в частности, А. Пушкина).

Список литературы

1. З. Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Традиции символизма в цветописи М. Визи // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 75–82.
4. Бакич О. Пушкинские дни в Харбине – 1937 год // Записки Русской академической группы в США (Нью-Йорк, 1967–). 1999 / 2000. Т. 30. С. 243–250.
5. Ван Лие. История и методы перевода лирики М. Ю. Лермонтова в Китае // Наука о Человеке: Гуманитарные исследования. Омск, 2016. № 1 (23). С. 1–10.

6. Ван Лие. М. Ю. Лермонтов в китайских переводах: традиции, школы и методы // Русская литература. 2015. № 3. С. 67–69.
7. Ван Шубай. История китайской культуры XX века // Изд-во китайской молодёжи. 1999. 236 с. [汪澍白. 20世纪中国文化史论//中国青年出版社. 1999. 236 p.].
8. Ван Юйхуань. Симфония судьбы в стихах А. С. Пушкина // Современный студент. 2005. № 18. С. 44–45. [王宇环. 倾听生命的交响曲—读《普希金诗选》//当代学生. 2005. №18. P.44-45].
9. Гао Ман. Путешествие по Святым горам: поиск следов поэта Пушкина. Пекин: Общественные науки Китая, 2004. 232 с. [高莽. 圣山行. 寻找诗人普希金的足迹北京 中国社会科学出版社 2004. 232 p.].
10. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.
11. Горшенин А. Алексей Ачаир // Сибирские огни. 2011. № 8. [URL] <http://magazines.russ.ru/sib/2011/8/go11.html> (дата обращения: 29.04.2019).
12. Ли Фанфан. Признание Пушкина в Китае // Литературное образование. 2007. № 2. С. 96–97. [李芳芳. 普希金在中国的接受//文学教育(上).2007.№2. P.96-97].
13. Гэ Ихун, Цзо Лай. Становление и развитие современного театра драматического Китая после «Движения 4 мая» // Китайская культура 20-40-х годов и современность: Сборник статей / Под ред. В. Ф. Сорокина. Москва: Наука; Восточная литература, 1993. С. 165–174.
14. Кондаков Б. В., Красноярова А. А. Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123–127.
15. Красноярова А. А., Кондаков Б. В. «Китайский текст» русской литературы (к постановке вопроса) // Казанская наука. 2017. № 9. С. 34–39.
16. Красноярова А. А., Ван Кэвэнь, Попкова Т. Д., Кондаков Б. В. Формирование русской культуры в Харбине // Филология в XXI веке. 2018. № 2. С. 111–121.
17. Крейд В. Все звезды повидава чужие // Русская поэзия Китая: антология / Сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. Москва: Время, 2001. 720 с.
18. Сборник Линлу / пер. Вэнь Пэйцзюнь. Харбин: Народное изд-во, 1933. 326 с. [温佩筠. 零露集哈尔滨人民出版社1933. 326 p.].
19. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. Москва: Прогресс; Культура, 1995. 621 с.
24. Чжа Сяоянь. Комментарий к «Китайской литературе в России и Советском Союзе» Ли Минбиня // Китайская сравнительная литература. 1996. № 4. С. 147–150. [查晓燕. 评李明滨的《中国文学在苏俄》//中国比较文学.1996. № 4. P. 147–150].
25. Krasnoyarova A. A., Popkova T. D., Kondakov B. V. Life retrospective of Russian emigrants in China (On the example of the novels by E. Baryakina “White Shanghai” and E. Antashkevich “Harbin”) // Opción. 2019. Año 35. No. 23 (2019). P. 1266–1281.
26. Wang K., Kondakov B., Krasnoyarova A. The Chinese text and context of the Russian Literature. Universidad del Zulia /Venezuela/ opción. Vol. 34, Núm. 87–2 (2018). P. 193–206.

Liu Yankun

*Ph.D. (Philology), Senior Lecturer, Russian Language Department,
Jiangxi Pedagogical University, Institute of Foreign Languages*

FORMATION OF THE RUSSIAN CONTEXT OF CHINESE CULTURE

The process of interaction between Russian and Chinese culture are examined in the paper. The author focuses on the ways of constructing of “Russian context” in Chinese culture. It played important role in the development of system of values of Chinese intellectuals. It is argued in the article that “Russian context” and Russian literature (in particular, Pushkin’s art) influenced Chinese literati. In Russian literary criticism of the 2000–2010s The study of various versions of “thematic” texts (sometimes they are also called “supertexts” or “hypertexts” of culture) became popular, distinguished on the basis of their connection with the image of a particular artistic space. As a material for the article, the events of literary life of Kharbin, namely the “Russian cultural enclave” in the 1930s have been used. The author of the article analyzes collection of translations of Russian poetry “Collection of Linglu” by WenPeijun, who was a translator, a writer, and a scholar, studied Russian literature. The book “Collection of Linglu” included the first translations of Russian poetry. Also, events in memory of Pushkin, which took place in Harbin organized by Russian émigré literati are explored in the article.

Keywords: Russian context, Russian text, culture of China, literature of China; Chinese text, culture of Harbin, Russian enclave, WenPeijun, “Collection Linglu” translation, events in memory of Pushkin.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 372.881.111.1

Манжула Оксана Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7 (342) 2396833

E-mail: achilleon@mail.ru

Исаева Екатерина Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка профессиональной коммуникации,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7 (342) 2396839

E-mail: ekaterinaisae@psu.ru

МЕДИАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ¹

В связи с глобализацией происходит рост академической мобильности в ведущих университетах мира. Пермский государственный национальный исследовательский университет предъявляет повышенные требования в отношении качества и гибкости образовательных услуг. В связи с увеличением иностранных студентов в университете и привлечением студентов из новых стран, необходимо внедрение технологий, позволяющих «смягчить» острые углы, устранить проблемы при обучении студентов, при адаптации их к учебе в нашем вузе. Медиация при обучении иностранному языку положительно влияет на эффективность образовательного процесса. Выводы современных исследований позволяют предположить, что при помощи медиации можно смягчить такие факторы адаптации, как личностно-психологический, климатический, фактор специфики педагогической системы университета. Именно фактор специфики педагогического процесса университета более всего подвержен медиации и способен повысить эффективность образовательного процесса при обучении иностранных студентов. В статье отражено понятие медиации как междисциплинарной области и мировоззренческого подхода к восприятию человека как личности. Медиация рассматривается как отдельный вид речевой деятельности. Описывается понимание авторами коммуникативной языковой медиации. Авторы анализируют особенности обучения иностранных студентов в ПГНИУ. Подробно

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00825.

рассматривается роль медиации в обучении иностранных студентов английскому языку. Приводятся доказательства, что для успешного применения медиации необходимо руководствоваться инновационными разработками в психологии. Подчеркивается важность особенностей менталитета и культуры студентов при осуществлении медиации. Особое внимание уделяется применению аудио-визуальных средств, интерактивных заданий и внешних ресурсов. Благодаря разнообразию методов, дидактических приемов и технических средств, задействованных в процессе медиации в обучении, практические лабораторные занятия для иностранных студентов, владеющих английским языком на уровне А1-А2, способствуют формированию знаний, которые необходимы для занятий на современном этапе научной и профессиональной деятельности (умение составить доклад, представление презентации, умение вести переговоры, выступать на научно-практических конференциях и т. д. на английском языке).

Ключевые слова: медиация, обучение английскому языку, иностранные студенты, индивидуализация образования, речевая деятельности, трансформация информации, межкультурная коммуникация, обучение иностранному языку в ВУЗе.

Введение

Медиация в данное время является социально значимым методом и дает ответ на запрос социума, который связан с потребностью человека в более комфортных и безопасных условиях жизни, а также необходимостью в сохранении самобытности и национальной идентичности в условиях глобализации. В XXI в. медиация показала актуальность в разных сообществах и культурах. Роль межкультурной коммуникации в глобализированном мире постоянно растет. Причиной этого являются размывание культурных, экономических, социальных, информационных границ, повышение мобильности социальных факторов, фасилитацию межкультурных связей и отношений. В рамках монокультурной коммуникации также происходят изменения в направлении демократизации, большей публичности, межотраслевой коммуникации и взаимодействия различных социальных групп. Умножение количества контактов между языками, культурами, профессиональными и социальными группами указывает на растущую потребность в профессиональных посредниках-медиаторах [Сатеева, 2014, с. 142].

Мы придерживаемся мнения, что медиация «одновременно является междисциплинарной областью, прикладной деятельностью, социокультурной категорией и философией» [Шамликашвили, Харитонов, 2017, с. 34], а также мировоззренческим подходом к восприятию человека как личности, осуществляющей право на выбор. Множество наук и областей знания связаны с медиацией, например психология, социология, право, философия, культурология, лингвистика, филология, политология и другие.

В данной статье медиация как языковое посредничество рассматривается «в качестве отдельного вида речевой деятельности» [Солодова, 2016, с. 70]. В «Общевропейских компетенциях владения иностранным языком», медиация определяется как «посредничество, обеспечивающее коммуникативное взаимодействие двух и более коммуникантов, непосредственное общение между которыми невозможно в силу каких-либо обстоятельств» [Общевропейские компетенции, 2003]. Мы разделяем мнение А. А. Колесникова и М. К. Денисова о родственности понятий «посредничество» и «перевод в конкретной

коммуникативной ситуации», и большей емкости термина «посредничество», включающего межъязыковой перевод, как одну из составляющих механизма посредничества. Тем не менее, медиация – это более широкое понятие, заключающее в себе особую форму интеракции, целью которой является «трансмиссия информации от коммуникатора к реципиенту» [Колесников, Денисов, 2012, с. 23]. При передаче информации происходят трансформации как формального, так и содержательного плана. Для того чтобы передаваемая информация была усвоена реципиентом и перешла в знание, необходимы соответствующие фоновые знания, представляющие своего рода онтологию, в которую это знание может быть органически встроено. Роль медиатора в данном случае, подготовить формальное и содержательное оформление сообщения для оптимального интегрирования информации в онтологию реципиента. Для этого медиатор использует широкий спектр лингвистических, когнитивных, культурологических и дидактических приемов, воздействуя, как на передаваемую информацию, адаптируя ее к ситуации, контексту или фоновым знаниям адресата, так и на реципиента, подготавливая его когнитивную систему к передаваемой информации. Последнее, как правило, выполняется преподавателем практически на всех этапах занятия, в т. ч. на этапе речевой разминки, мозгового штурма, ознакомления с новым материалом с последующей персонализацией информации и применением в конкретной, актуальной для студента речевой ситуации. В качестве лингвистических средств, позволяющих выполнить медиацию знания, можно назвать метафору, когнитивный и семантический фреймы, контекстную модель, когнитивную модель термина и др. Лингвистические приемы позволяют создавать контекст, благоприятный для усвоения информации и манипулировать институциональным и/или функциональным дискурсом, в условиях которого происходит коммуникация.

Следует отметить, что коммуникация может быть неинтерактивной (однонаправленной). Медиатор осуществляет трансмиссию информации от коммуникатора к реципиенту, выполняя дешифровку знания адресанта, нейтрализацию и последующую кодировку информации для ее усвоения адресатом без осуществления обратной связи. Это формально наиболее простой тип медиации.

Более сложный тип – интерактивная (двунаправленная) медиация, подразумевающая обратную связь адресанта и адресата, при которой медиатор участвует в сложном процессе, включающем этап дешифровки знания отправителя сообщения, нейтрализации этого знания (отброс шумовой информации, превращение передаваемого знания в полезную информацию), шифрования знания с учетом подготовленности к ее восприятию адресантом. Далее этот процесс повторяется в обратном направлении (дешифровка, нейтрализация, шифрование).

Наиболее сложная, по нашему мнению, медиация смешанного типа. В практике преподавателя, как правило, это наиболее часто встречающийся тип, к которому относят «языковое посредничество с элементами интеракции между медиатором и одним из коммуникантов» [Петрова, Сатеева, 2014, с. 123]. В отличие от медиации второго типа, «при которой коммуникативное взаимодействие происходит между коммуникантами, а медиатор выполняет чисто посредническую функцию» [Петрова, Сатеева, 2014, с. 123], в случае смешанной медиации преподаватель-медиатор «несет на себе двойную функциональную нагрузку: языкового посредника и активного (полноправного) коммуниканта. Эффективный медиатор подчас способен выразить смысл высказывания и намерение говорящего более

отчетливо, чем другой коммуникант или даже сам говорящий» [Сатеева, 2014, с. 144; Петрова, Сатеева, 2014, с. 123].

Обобщая вышеупомянутые особенности коммуникативной языковой медиации, примем определение, предложенное Е. В. Сатеевой – «процесс оптимизации речевого общения двух или более коммуникантов сторонним участником, который может осуществляться как в случае межъязыковой коммуникации, то есть в совокупности с переводом, так и в пределах одного языка. В любом случае целью медиации являются устранение конфликтной составляющей коммуникации и гармонизация общения» [Сатеева, 2014, с. 144]. Также отметим, что коммуникативная языковая медиация располагает ассортиментом «способов коммуникативного управления интеракцией (инициативные предписывающие ходы, активное установление и смена коммуникативных ролей, темы, стиля, тональности беседы)» [Петрова, Сатеева, 2014, с. 124].

Особенности обучения иностранных студентов в ВУЗе

«Современные процессы глобализации и ускоряющиеся темпы технического развития касаются не только коммерческих и деловых структур, но также образовательных систем» [Рахимов, 2010, с. 123]. Одним из показателей высокого статуса университета в международном рейтинге является его международная перспективность (international outlook) – один из показателей, учитываемых в рейтинге THE World University Rankings. Этот показатель складывается из доли иностранных студентов, обучающихся в университете, доли зарубежных сотрудников в штате и международное сотрудничество [THE World University Rankings, 2020]. Доля иностранных студентов также является важным показателем в рейтинге QS World University Rankings, «на который ориентируется Министерство науки и высшего образования РФ при оценке успешности вузов» [20.35 Информбюро, 2019]. Для российских университетов вхождение в эти рейтинги – не простая задача (для справки, в 2019 году 25 российских университетов вошли в QS World University Rankings).

Ориентируясь на показатель перспективности университета в международном сообществе, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ) стремится укрепить и расширить международное сотрудничество и привлечь иностранных студентов. В настоящее время свыше 450 студентов из более 47 стран мира являются студентами ПГНИУ. География студентов, обучающихся в ПГНИУ, постоянно расширяется. В 2019 – 2020 учебном году университет принял студентов из Туркменистана. При обучении этих студентов английскому языку, преподаватель сталкивается с двухплановой проблемой: во-первых, по результатам входного тестирования, студенты, поступившие на неязыковые факультеты в сентябре 2019 г. имели уровень английского языка в диапазоне A1 – A2, согласно общепринятой шкале общеевропейских компетенций владения иностранным языком, при этом, ситуация осложнялась тем, что большая часть студентов к моменту начала обучения по дисциплине «Иностранный язык (английский)», еще не прошли полный курс обучения русскому языку как иностранному и поэтому общение с преподавателем на русском языке было затруднено.

Как показывает опыт российских ВУЗов, «процесс обучения иностранного студента в российском вузе не протекает изолированно от внешней социокультурной среды. Именно по

данной причине существенным фактором, влияющим на эффективность обучения иностранных студентов, является успешность их адаптации к новым условиям этой среды» [Рахимов, 2010, с. 124]. Для оптимизации этого процесса требуются медиационные меры, позволяющие ускорить адаптацию, повысить эффективность обучения, минимизировать негативные последствия миграционных процессов.

В таких условиях медиация является первостепенным элементом профессиональной деятельности преподавателя. И. М. Печищев, ссылающийся на Атлас новых профессий Сколково, отмечает целый ряд ролей, которые выполняет преподаватель в ходе своей профессиональной деятельности, а именно Тьютор, Тренер, Коуч, Методист, Фасилитатор, Провокатор, Переводчик, Модератор, Навигатор, Интерпретатор, Консультант, Проводник, Ментор, Наставник, Сказочник, Эксперт, Менеджер, Дискутант, Сортировщик, Репродуктор, Комментатор, Воспитатель, Организатор, Собеседник, Исследователь, Психолог, Стендапер [Печищев, 2020]. Полагаем, что все эти роли являются спецификацией роли более высокого уровня, а именно роли медиатора международного образовательного процесса. При этом преподаватель выступает в роли медиатора на этапе получения студентом знания, далее на этапе формирования умения и трансформации этого умения в навык и компетенцию.

Медиация в обучении иностранных студентов английскому языку

Стоит также отметить, что в условиях современного техногенного и информационного общества, нацеленного на получение качественного, объективного знания, обучение иностранному языку должно быть более практико-ориентированным. Английский язык является, так называемым, орудием производства во многих профессиональных сферах деятельности, особенно в научной области. Английский язык необходим студентам для получения актуального знания по направлению их обучения, для прохождения курсов на открытых образовательных платформах, таких, как Coursera, как средство общения с представителями других культур, в том числе, иностранными и российскими студентами, обучающимися в этом же университете. В связи с этим, пересматривается содержание курса «Иностранный язык (английский)», его структура и методика обучения для групп, включающих иностранных студентов.

Функция преподавателя в обучении английскому языку иностранных студентов – это Эксперт и Менеджер, способный организовать максимально продуктивное, целенаправленное использование всего времени, запланированного учебным планом на реализацию дисциплины, в т. ч. на организацию аудиторной, и самостоятельной работы. При этом преподаватель представляется иностранному студенту Навигатором по способам и ресурсам оптимизации и некоторой автоматизации учебного процесса и Наставником на этапе познания и выработки студентом наиболее подходящей для него методики самостоятельного изучения иностранного языка.

Рассмотрим, как реализуется медиационная деятельность преподавателя, обеспечивающая доступ к знанию, при решении концептуальных образовательных задач. О. Ю. Ланкина приводит пример, иллюстрирующий деятельность преподавателя при организации групповой работы, в которой он частично возлагает свою роль медиатора знания на студентов – участников группы. Автор подчеркивает, что «при выполнении учебного задания <...> участники речевого общения помогают друг другу в постижении

нового знания. Необходимыми умениями для медиации в группе будут умение поддерживать обратную связь с друг с другом и умение адаптировать свою речь. Такие умения называются реляционными» [Ланкина, 2018, с. 181]. Применение реляционных умений при работе в группе позволяет, с одной стороны, создать благоприятные условия для взаимодействия, с другой стороны, управлять процессом, чтобы направить деятельность студентов на получение информации из достоверных источников и обеспечить качественное усвоение знаний. В ходе организации групповой работы преподаватель сначала выступает в роли Исследователя при поиске актуальной темы, Методиста при планировании мероприятия, Сортировщика, при делении студентов на подгруппы и/или распределении учебных задач, кейсов и т. д. Чтобы заинтересовать студента и вовлечь его в групповую работу, преподаватель может выступить в роли Провокатора. В качестве Фасилитатора преподаватель проявляет себя при создании удобных материально-технических условий для выполнения студентами групповой работы (подбор аудитории, локализация групп, оценка информационно-технического обеспечения и др.). В зависимости от предлагаемого задания преподаватель действует как Тьютор, Тренер, Коуч, Проводник, Ментор, Наставник и др. Нельзя также забывать и о роли Переводчика и Интерпретатора полученных результатов. В ходе такой работы преподаватель неявно, как бы в «фоновом режиме» воздействует на студента, его включенность в коллективную деятельность и помогает тем самым развить такие умения, как «фокусировать внимание на предмете обсуждения; связывать свое высказывание с тем, что было сказано ранее; выстраивать свое высказывание как развитие высказанных ранее идей; задавать вопросы и приглашать собеседников высказывать свои мнения; при возникновении сомнений в правильности суждений собеседников, корректно их высказывать; уважать другие точки зрения; формулировать несогласие в приемлемой форме» [Ланкина, 2018, с. 181]. При работе в группе с распределением ролей, например определением лидера / капитана группы / команды, возможно формирование умения «начинать и заканчивать дискуссию; формулировать задачу; переходить к следующему пункту обсуждения; стимулировать дискуссию (например, с помощью вопросов); выражать признательность участникам дискуссии; умение разрешить конфликт через нахождение общих интересов и целей» [Ланкина, 2018, с. 181] прежде всего у лидера / капитана группы / команды.

Для успешного применения медиации необходимо руководствоваться «инновационными разработками в психологии», которые, по словам Н. Ю. Шепелевой, успешно используются при работе с иностранными студентами в группе. В современном космополитическом мире происходят существенные изменения в сознании людей, усиливается потребность в самореализации и самоактуализации. По этой причине нельзя не принимать во внимание психологический фактор в изучении английского языка. В процессе медиации формируются конструктивные отношения между преподавателем и студентом, выдвигаются обоснованные требования, развивается взаимоуважение, сохраняется чувство идентичности, поддерживается аутентичность общения [Шепелева, 2019, с. 196].

Автор так же отмечает, что в современных условиях преподаватель имеет возможность выбирать различные методики и средства обучения на занятиях в группах иностранных студентов. Так, преподаватель зачастую не ограничивается учебными пособиями, включенными в учебно-методический комплекс, ассоциированный с учебной программой,

но и активно привлекает разнообразную издательскую продукцию, образовательные медиа ресурсы, блоги, форумы, электронные лингвистические корпуса и др. Однако, фундаментальная методика остается востребованной, что зачастую вызывает сложности при организации работы с иностранными студентами. Например, при объяснении грамматического материала и при развитии навыков произношения, преподаватель, привыкший работать с русскими студентами, опирается для сравнения на естественную интерференцию русского языка и знакомые студентам правила, что часто создает дополнительный порог при восприятии материала иностранными студентами [Шепелева, 2019, с. 196]. В подобной ситуации, например, при работе со студентами из Туркменистана преподаватели ПГНИУ используют альтернативные средства, такие как объяснение материала на примере сходных языков, в частности, татарского, турецкого; обращение к наглядным и техническим средствам в виде иллюстраций, схем, аудио-сопровождение, использование знаков и символов и т. д. Традиционная методика обучения английскому языку предусматривает опору на фонетические знаки и наглядные синтаксические конструкции. Эта методика предполагает изучение английского языка с «азов», так как среди иностранных студентов, поступающих на неязыковые факультеты, встречаются группы студентов, владеющих языком на уровне не выше А1. В такой ситуации преподавателю приходится в начале курса заниматься постановкой произношения, ознакомлением с базовой грамматикой, преодолением языкового барьера как со стороны студента, не в полной мере владеющего русским языком, так и со стороны преподавателя, для которого английский язык становится не только целью, но и инструментом обучения. Таким образом, преподаватель осуществляет медиацию уже на начальном этапе, обеспечивая погружение в естественную среду общения на английском языке, обращаясь к наглядно-образному и предметно-действенному мышлению студента, которые выполняют ключевую роль в общении преподавателя и иностранного студента, способствуя возможности общения на единственном общем для них английском языке. Использование современных интерактивных методов и средств обучения, таких как мобильные приложения, например, словари Multitran, Reverso Context, Google translate, Dictionary Linguee, мессенджеров с возможностью мгновенного перевода сообщений, таких как WeChat, систем управления курсом Moodle и Google Glass, проектной деятельности, презентационной работы в формате Public Speaking и Falling Walls [Falling Walls Conference 2011 – 2020] также позволяют вовлечь студентов в коммуникативную деятельность на английском языке с элементами погружения и развить ключевые языковые компетенции.

Студенты стремятся использовать английский язык как средство полноценного общения (межъязыковой медиации), соответственно, их уровень владения английским языком должен включать в себя навыки разговорной речи. Таким образом, особое внимание на практических занятиях уделяется аудированию и просмотру видеозаписей с целью моделирования ситуаций, без которых полноценное общение затруднено. Комплексный подход необходим для формирования у студентов коммуникативной компетенции, включающей навыки понимания текстового аудиоматериала, осознанного говорения, корректного и уверенного применения грамматических правил. Как известно, преподаватель, не являющийся носителем языка, способный, как бы извне оценить специфику языковых средств и подобрать оптимальные инструменты их опосредования, наиболее

предрасположен к медиационной деятельности при обучении английскому языку иностранных студентов. Подчеркивается, что такой преподаватель «имеет возможность анализировать и сопоставлять две языковые системы, сравнивать конструкции, лучше доносить информацию, пояснять грамматические правила, предупреждать возможные ошибки» [Дьякова, 2009, с. 112; Лихачева, 2012, с. 226].

Как отмечает Н. Ю. Шепелева, обращение к лингвосоциокультурному методу обучения английскому языку дает хорошие результаты при обучении студентов-иностранцев в контексте медиационной деятельности [Шепелева, 2019, с. 196]. Преподаватель является посредником в передаче студентам-иностранцам теоретических знаний, используя в качестве инструмента медиации феномены привычной для студента социальной и культурной среды и сравнения с социокультурными особенностями страны изучаемого языка. Изучение менталитета Великобритании, ее традиций и обычаев помогает в правильном построении грамматических конструкций и способствует лучшему пониманию изречений, фразеологизмов, юмористических выражений и метафор. Расхождение идиоматических выражений в разных языках часто препятствует пониманию речи. Такие «конструкции вызывают сложность при восприятии иностранными студентами, так как нужно учитывать при объяснении и разницу в восприятии между их родным языком, русским как иностранным и английским как изучаемым» [Шепелева, 2019, с. 196]. При использовании лингвосоциокультурного метода влияние родного языка студента играет положительную роль, на которую стоит обращать внимание преподавателю. При формировании правильной грамматики, в медиационных целях, преподаватель отслеживает содержательность. В таком случае, преподаватель постоянно обращает внимание студента на смысловую составляющую сообщения, то есть коммуникативный компонент. Это является существенным при реализации медиации, потому что ее конечная цель – снять дискомфорт при коммуникации и достичь понимания. Лингвосоциокультурный метод подразумевает языковое общение в рамках межкультурного, так как язык и понимание не отделимы от культуры. В рамках такого подхода язык следует рассматривать как систему общения, состоящую из наиболее частотных шаблонов и правил, необходимых для осуществления коммуникации. Он «впитывает культуру страны или региона, демонстрирует идеи и обычаи группы людей или общества. Целью использования лингвосоциокультурного метода при обучении студентов-иностранцев является стремление объединить языковые структуры (грамматику, лексику, фонетику) с внеязыковыми факторами» [Шепелева, 2019, с. 197].

При обучении английскому языку студентов из Туркменистана преподаватели ПГНИУ успешно использовали явление бикультурности и билингвальности в целях медиации. Студенты, владеющие русским языком (дети из семей, где русский язык практикуется, в школах преподавали русские учителя) гораздо легче ориентируются в национальных особенностях, истории, культуре, обычаях стран, цивилизаций, и, чаще всего, более свободно пользуются английским языком как средством общения. Вслед за Н. Ю. Шепелевой отметим, что такие студенты являются обладателями лингвосоциокультурной компетенции – способности рассматривать язык в связи с культурой. В таких обстоятельствах медиация также может послужить как полезный инструмент. Также, они сами могут выступать в роли медиаторов и помогать другим студентам из своей группы изучать английский язык и английскую культуру [Шепелева, 2019, с. 197].

На практических занятиях по английскому языку чтение, аудирование, говорение и письмо являются неотъемлемыми видами деятельности, формирующими компетенции в области владения иностранным языком, но при использовании коммуникативного подхода ключевым навыком является говорение в контексте коммуникативной ситуации. В заданиях на базовом уровне (A1) следует употреблять простую лексику, неосложненную грамматическими и синтаксическими конструкциями. При использовании данного метода, важно учитывать отличие устной речи от письменной. Коммуникативный метод предназначен не только для обучения основным навыкам общения в бытовых ситуациях. Иностранные студенты, которые стремятся к профессиональному развитию в своей научной области, принимают участие в международных конференциях, пишут научные статьи на английском языке, изучают профессионально-ориентируемую литературу. Увеличивая словарный запас, студенты начинают быстрее ориентироваться в тексте, при этом спонтанная диалогическая речь часто вызывает затруднения. Коммуникативный метод применяется для развития навыков общения. Однако коммуникативный подход не развивает те навыки, которые необходимы для всестороннего общения. Зачастую коммуникативный метод опирается на лексические клише, поэтому, минусом его является ограниченный лексический запас и слабая грамматическая база.

Эффективным для решения этой проблемы представляется современный коммуникативный подход к обучению грамматике «практическая грамматика английского языка» (*English grammar in use*). Эта методика основана на глубоком включении студента в языковую практику, при исключении использования родного языка. Главный принцип такого подхода – от практики к теории, то есть сначала студент учится излагать свои мысли, а потом переходит к формулировкам грамматических и синтаксических правил. Коммуникативный подход предполагает использование игровых ситуаций, работу в диалогах, задания на поиск ошибок и т. д. Это помогает в развитии логики, памяти, образного мышления. Такая работа со студентами-иностранцами, не владеющими русским языком, помогает в создании англоязычной среды, способствующей преодолению языкового барьера. Учебные материалы обычно включают в себя страноведческий аспект, который способствует включению студента в языковую среду.

Проверка уровня сформированности языковой компетенции, понимания лингвокультуроведческого материала, сформированности требуемых умений и навыков выполняется в форме контроля. И. М. Печищев предлагает классифицировать виды контроля с точки зрения характера проведения (субъективный, объективный), использования технологий (ручной, автоматический), формы (устный, письменный, мультимедийный), массовости (индивидуальный, групповой), контролирующего лица (преподаватель, взаимоконтроль, самоконтроль), дидактического материала (наличие или отсутствие), предмета оценивания (процесс обучения, состояние студентов). Эффективным является применение «формирующего оценивания», подразумевающего регулярные замеры для корректировки процесса обучения» [Печищев, 2020]. При использовании приема тестирования могут предлагаться разноуровневые тесты, варьирующиеся по формам и используемым технологиям. Методика подготовки зависит от базы знаний студента. Задача тестовых методик состоит в том, чтобы помочь студенту оценить свои знания и ориентироваться в изученном материале при подготовке к контрольному мероприятию, актуализировать знание грамматики и лексики

[Лихачёва, 2012, с. 227]. Также, применяется входное тестирование, определяющее уровень владения языком, проводится при отборе иностранных студентов в группу.

На занятиях при изучении английского языка на базовом уровне уместно использовать совокупность методик, позволяющих построить логичный алгоритм решения учебной задачи, включающий такие этапы как ознакомление, тренировка, применение в контексте коммуникативной ситуации или комплекса коммуникативно связанных ситуаций. Приемы медиации, такие как ознакомление с новым языковым или культурологическим материалом, его персонализация через сравнение с личным опытом, родной культурой или языком, позволяют снять и облегчить переход студента к этапу тренировки и применения материала в формате творческой, проектной и/или коллаборативной деятельности. Таким образом, каждое занятие разрабатывается в виде сценария, в котором запланированы задания на развитие навыков говорения, ознакомление с грамматическими конструкциями на практике, анализ, синтез и генерализация грамматических феноменов, применение выведенных законов грамматики через выполнение письменных заданий, составление диалогов в тематических рамках занятия, работа с аудио- и видеоматериалом, работу с текстом, и выполнение тематически-ориентированных лексико-грамматических упражнений. Медиация может достигаться через привлечение актуальных для современного студента объектов медиакommunikации, произведений искусства и культуры, например кинофильмов, песен и видеоклипов, рекламных слоганов и др., в которых актуализируется изучаемый языковой феномен. Такая форма медиации делает теоретический материал более жизненным, демонстрирует его применимость, подчеркивает значимость, а также стимулирует познавательный интерес студента, мотивирует интерес к чтению аутентичной литературы, просмотру фильмов на языке оригинала, вызывает желание путешествовать, знакомиться с культурой страны изучаемого языка. При таком подходе достигается мировоззренческий эффект, расширяется система ценностей, корректируется процесс самоидентификации в условиях глобализации и нового статуса студента-иностранца.

Индивидуализация процесса обучения также способствует осуществлению эффективной медиации при работе с иностранными студентами. Как представлено в статье Т. Р. Рахимова, в ходе наблюдений и анализа региональных групп студентов были выявлены их особенности и специфика педагогического общения, которые необходимо учитывать при реализации индивидуального подхода в целях медиации обучения иностранному языку:

1. Африканские студенты (англоговорящие). Этому контингенту свойственна склонность к более медленному обучению и усвоению новых понятий; у них повышена реакция на «опасность»; они являются преимущественно интровертами. В рамках медиации, относительно данных студентов не рекомендуется применять демократический стиль общения. Эффективными будут беседы о смысле жизни.

2. Африканские студенты (франкоговорящие). Данным студентам свойственны открытость, контактность. Они, тем не менее, склонны к тревожности и иногда испытывают недостаток самоконтроля. Во время проведения медиации для данных студентов следует уделить особое внимание развитию навыков самоорганизации и дисциплины.

3. Студенты Юго-Восточной Азии (китайцы). У таких студентов развито абстрактное мышление. Они демонстрируют высокую нравственность и хорошее поведение. Также, у китайских студентов высокий уровень самоконтроля и дисциплины. В то же время они проявляют

замкнутость, неконтактность, упрямость. Они спокойно воспринимают перемены. Китайские студенты контролируют свои эмоции, они дисциплинированы. Также они заботятся о своей репутацией. При проведении медиации с китайскими студентами не стоит бояться обсуждения сложных вопросов, касательно дисциплины. Рекомендуется задавать им вопросы для размышления. Необходимо активно использовать в обучении самостоятельные виды работы. Рекомендуется использование морально-этической мотивации и мотивация личных достижений.

4. Студенты Латинской Америки. Этим студентам свойственны практичность, реалистичность. Они склонны более медленно усваивать знания и откладывать решение неприятных вопросов. При проведении медиации, необходимо учитывать, что данная группа студентов имеет «открытую душу, но закрытое сердце». Медиатору необходимо оказывать им помощь в решении трудных и неприятных вопросов

5. Студенты арабских стран Ближнего Востока (Ирак). Иракским студентам свойственны открытость, интерес к другим людям. Они не боятся критики. Однако часто наблюдается недисциплинированность, конфликтность, раздражительность. При проведении медиации с данными студентами необходимо вводить дискуссии в процессе обучения. В общении с ними необходимо проявлять спокойствие и деликатность. Крайне важно развивать у иракских студентов навыки самодисциплины.

6. Студенты из Средней Азии (Туркменистан). Данные студенты склонны к обучению в более медленном темпе, необходимо повторение материала. Студенты доброжелательные, реагируют всегда позитивно. Они старательны и прилежны. Склонны к действиям «по шаблону», поэтому легко усваивают материал, подаваемый в виде схем, клишированных образцов. В рамках медиации можно проводить с ними групповую работу и работу в парах [Рахимов, 2010 с. 125].

К представленным социокультурным особенностям студентов, добавим, что арабские студенты импульсивны, но закрыты. Они редко выражают собственное мнение в присутствии преподавателя. Они достаточно вежливы, не вступают в споры, но для них важно «сделать всё по-своему». Поэтому, следует предоставлять им выбор в обучении, а также достаточную степень самостоятельности. Для этих студентов характерно уважение к старшим, к взрослым. Преподаватель для них априори уважаемая личность. Вопреки распространенному мнению о недостаточном уважении к женщинам-преподавателям, со стороны студентов арабской национальности подобных проявлений не замечалось. Стоит заметить, что для них играет роль внешний вид преподавателя. Необходимо одевать одежду строгого стиля, с закрытым воротом, длинными рукавами, юбки длины не выше колена. Студенты-арабы держатся достаточно обособленно, в том числе, друг от друга. С ними сложно проводить занятия с работой в парах и группах, охотнее они работают индивидуально. Для арабских студентов не свойственна автоматическая запись материала, им приходится постоянно напоминать, что нужно записывать. Навыки ведения тетради у них не отработаны. Студенты обучаются довольно легко, хорошо усваивают материал. Обычно испытывают трудность с усвоением грамматики. Лексика изучается без особых трудностей. Арабские студенты обычно отзывчивы, всегда готовы помочь своим товарищам в учебе (объясняют непонятные моменты, помогают с домашним заданием). В смешанных группах чаще легко находят контакт с российскими студентами, помогают друг другу. Часть медиативного процесса в таком случае можно возложить на российских одногруппников. У иракских студентов отсутствует часть общекультурных знаний, которые

являются обычными знаниями для российских студентов. Так, они совершенно не знакомы, например, с классической древнегреческой мифологией. Однако, в темах, связанных с современностью, разбираются на уровне российских студентов. С любовью относятся к детям и животным.

Студенты из Туркменистана отличаются дисциплинированностью. Они никогда не пропускают занятия, очень старательны. Данные студенты выполняют все задания. Они склонны выполнять задания по шаблону, им дается такой тип занятий легче всего. Туркменские студенты с трудом изменяют заданный образец. Свободно работают в парах и группах. Охотно объясняют материал друг другу. Туркменские студенты очень аккуратны и пунктуальны. Они очень переживают, если у них что-то не получается. Поэтому их необходимо поддерживать и хвалить. Эти студенты плохо ориентируются в некоторых темах, связанных с современной западной культурой. Так, с трудом могут назвать каких-либо звезд кино и поп- и рок-музыки (называют, как правило, одних и тех же). Это связано с закрытостью страны. Лучше избегать затрагивать с ними политические темы. Данные студенты очень доброжелательны. Они относятся к преподавателям с большим уважением. Эти наблюдения были сделаны в процессе работы с иностранными студентами, обучавшимися в ПГНИУ в период 2017–2020 гг.

Заключение

Как мы выяснили, на процесс адаптации и обучения иностранных студентов английскому языку влияет ряд факторов. Во-первых, это национально-психологические особенности иностранных студентов, которые должны учитываться при разработке учебных планов, образовательных программ, организации процесса обучения иностранных студентов и составлении сценариев медиационных процессов. Во-вторых, это фактор особенностей педагогической системы ВУЗа. Именно он поддается медиации в большей степени посредством использования комплексов методических приемов, планирования учебных программ, моделирования коммуникативных ситуаций и т. д. нацеленных на повышение эффективности образовательного процесса для иностранных студентов.

Исходя из этих факторов обучение английскому языку иностранных студентов требует от преподавателя реализации комплекса медиационных действий, имеющих социокультурную специфику, характеризующихся мультимодальностью, и комплементарностью с учетом индивидуальных особенностей студента. Происходит переосмысление роли преподавателя, переход от роли транслятора к медиатору знания. Эта роль представляется комплексно и включает в себя широкий спектр функций, позволяющих более гибко управлять процессом обучения. Внедренная в образовательный процесс, медиация позволяет создать «контекст», способствующий более быстрому и качественному формированию требуемых учебной программой компетенций иностранного студента в области английского языка. Увеличение гибкости процесса обучения и результативности учебных программ для иностранных студентов делает российский вуз более востребованным и перспективным на международном рынке образовательных услуг. Это позволит ответить вызовам современного общества, таким как глобализация и растущая академическая мобильность в сфере высшего образования.

Список литературы

1. Дьякова Н. П. Методики преподавания английского языка // Вестник Камчатского государственного технического университета. № 8. 2009. С. 110–117.
2. Колесников А. А., Денисов М. К. Формирование медиативной компетенции при обучении иностранным языкам в школе // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2012, № 34. С. 23–33.
3. Ланкина О. Ю. Содержание понятия "медиация" в обучении иностранным языкам // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 2, 2018. С. 175–184.
4. Лихачёва Ж. В. Организация обучения иностранным языкам в технических ВУЗах // Омский научный вестник. 2012, № 5 (112). С. 225–228.
5. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Общеввропейские компетенции // Департамент современных языков директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы. Москва: Изд-во «Московский государственный лингвистический университет», 2003. 256 с.
6. Петрова Е. С., Сатеева Е. В. Перевод и коммуникативная языковая медиация: грани понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: ООО Издательство "Грамота", 2014. № 9–3 (39). С. 121–126.
7. Печищев И. М. Дистанционное обучение vs аудиторное: что нельзя перенести в онлайн? [Видеозапись методического семинара № 2, 13 апреля 2020 г.] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FcDtq3wTWHo&feature=youtu.be> (дата обращения: 30.04.2020).
8. Печищев И. М. Контроль обучения: контроль, самоконтроль, формирующее обучение / . – 2020. Видеозапись методического семинара № 4. 17 апреля 2020 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aXaMoLysS7M&feature=youtu.be> (дата обращения: 30.04.2020)
9. Рахимов Т. Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в Российском ВУЗе и направление его развития. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2010. 4 (12). С. 123–136.
10. Сатеева Е. В. Перевод и коммуникативная языковая медиация как навыки устного общения. Санкт-Петербург: Международный банковский институт, 2014. № 1, Т. 8. С. 141–146.
11. Солодова Н. Г. Формирование медиативной компетенции у школьников на примере художественного произведения // Научный поиск. Шуя: Технологический центр, 2016. № 1. Т. 1. С. 70–73.
12. Шамликашвили Ц. А., Харитонов С. В. Основание медиации (Медиация как область научных исследований). Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение "Федеральный институт медиации", 2017 г. № 1. С. 30–50.
13. Шепелева Н. Ю. Использование приемов и методик изучения английского языка в смешанных группах, где обучаются иностранные студенты // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. Кострома: Изд-во «Костромской государственный университет», 2019. С. 195–198.
14. 20.35 Информбюро. 25 Российских вузов включены в рейтинг QS World University Rankings. Национальная техническая инициатива. Новое образование. 19.06.2019. URL: <https://ntinews.ru/news/obrazovanie/25-rossiyskikh-vuzov-vklyucheny-v-reyting-qs-world-university-rankings.html> (дата обращения: 30.04.2020).
15. Falling Walls Conference // Falling Walls. 2011–2020. URL: <https://falling-walls.com/conference/> (дата обращения: 30.04.2020).
16. The World University Rankings 2020: methodology. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/world-university-rankings-2020-methodology> (дата обращения: 30.04.2020).

Manzhula O. V.

Ph. D. (Philology), Associate Professor of the Department of English for Professional Communication, Perm State University

Isaeva E. V.

Ph. D. (Philology), Head of the Department of English for Professional Communication, Perm State University

THE PECULIARITIES OF MEDIATION IN TEACHING ENGLISH TO FOREIGN STUDENTS

Due to globalization, there is an increase in academic mobility in the world's leading universities. Perm State University has increased demands in the quality and flexibility of educational services. Due to the increase of foreign students at the university and the attraction of students from new countries, it is necessary to introduce technologies that soften the acute angles, eliminate problems in the education of students, in adapting them to study at our university. Mediation in foreign language teaching has a positive impact on effectiveness of the educational process. Conclusions of the latest researches allow to assume that by means of mediation it is possible to reduce such factors of adaptation, as personal-psychological and climatic, as well as the factor of specificity of pedagogical system of university. Particularly, the factor of specificity of pedagogical process of university is mostly exposed to mediation and it is capable to raise efficiency of educational process at training foreign students. The article reflects the concept of mediation as an interdisciplinary field and worldview approach to the perception of man as a person. Mediation is considered as a separate type of speech activity. The authors' understanding of communicative language mediation is described. The authors analyze the features of teaching foreign students at PSU. The role of mediation in teaching international students English is considered in detail. The authors prove that for successful application of mediation it is necessary to be guided by innovative developments in psychology. The importance of the peculiarities of students' mentality and culture in the implementation of mediation is emphasized. Much emphasis is also placed on the use of audio, video, and interactive resources. Due to the variety of methodological methods and technical means involved in the process of mediation in training, practical classes for foreign students who speak English at the level of A1-A2, contribute to the formation of knowledge that is necessary for the modern stage of scientific and professional activity (ability to make a report, presentation, negotiating skills, speaking at scientific conferences, etc. in English).

Keywords: mediation, English language teaching, foreign students, individualization of the learning process, oral activity, information transformation, intercultural communication, foreign language teaching.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

---

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
4. Графики, диаграммы не допускаются.
5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 10–15 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.
7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
  - 1 – код УДК;
  - 2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);
  - 3 – ученая степень, ученое звание;
  - 4 – должность, место работы (если таковое имеется).
  - 5 – контактная информация (адрес, e-mail, телефон – для размещения на сайте в сведениях об авторе);
  - 6 – название статьи;
  - 7 – аннотация (200–250 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;
  - 8 – ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и / или словосочетаний);
  - 9 – ссылки.

Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Бондарко, 2005, с. 25], [Leiss, 2010, S. 234], [Fillmore, 1987, p. 34].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения: 22.12.2019). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же» или "Ibid. " (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч. » или "Op. cit. " (для документов, напечатанных

латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7. 0. 5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

1. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.

2. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А. В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 51–63.

3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

УДК

Иванов Иван Иванович

Кандидат филологических наук, доцент кафедры .....,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 2396756
E-mail: azxvdvs@mail.ru

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ
ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ**

В статье анализируются проблемы, возникающие при трансляции типологических свойств туристического дискурса. Он интегрирует в себе элементы других типов дискурса, таких как географический, рекламный, спортивный, природоохранный, гастрономический и научно-популярный. С момента своего возникновения, туристический дискурс менялся под влиянием исторических и социоэкономических условий. Сегодня туристическая коммуникация носит коммерческий характер, предполагающий взаимодействие автора и читателя, как потенциального клиента туристического бизнеса. Этот тип дискурса характеризуется диалогичностью вследствие того, что тексты составляются компетентными профессионалами, а его читателями могут быть представители очень широкой и социально неоднородной аудитории. По этой причине в текст закладывается лингвокультурная, когнитивная и эмоциональная информация для того, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя, которая в обязательном порядке должна быть транслирована переводчиком. Это предполагает наличие у него рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения концептов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смысла оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу исходного текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте. При этом переводчик должен учитывать, что эмоциональная информация туристического текста может содержать целый ряд манипулятивных приемов, например, прилагательные в превосходной степени, которые призваны гиперболизировать описываемые достопримечательности. Эмоционально-оценочные характеристики могут нести и элементы текста, нацеленные на передачу когнитивной информации. Их сочетание приводит к выводу о том, что исследуемый текст написан в научно-популярном стиле, целью которого является донести в доступной форме специальные знания, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя. По этой причине когнитивная информация в чистом виде – терминология, встречается в тексте гораздо реже, чем в лексемах, отражающих их семантику, но несущих познавательную информацию, осложненную образами восприятия потенциального читателя данного текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, типологические свойства, интерпретация, рефлексия, когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл.

Введение

Текст Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1. ....

Ivanov I. I.

*Ph. D. (Philology), Associate Professor, ... Department,
Perm State University*

**LINGUISTIC REPRESENTATION OF TYPOLOGICAL FEATURES
OF TOURIST DISCOURSE IN TRANSLATION**

The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating the tourist discourse texts. They include the elements of other types of discourses such as geographical, advertising, sport, gastronomic and others. The tourist discourse has experienced many alterations due to historical and social factors. It has acquired commercial character due to the interrelation of its authors and the supposed tourist clients. This type of discourse resembles a dialogue between the professionals, creating the tourist text, and the potential readers of very versatile and not homogenous origin. For this reason the text contains the cultural, cognitive and emotional information, which is to attract the attention of the supposed reader and be obligatory translated. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he has got proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allows to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. The translator is to realize that the tourist discourse text may contain emotional information which can manipulate his perception of the text and make its contents look more attractive for a potential reader. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such text belongs to popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part such information is represented by the words which convey emotional aspect of the notions aimed at the emotional perception of the potential reader.

Keywords: tourist discourse, typological features, interpretation, reflection, cognitive approach to translation process, intentional meaning.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

---

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://evrazgumzhurnalrussia.blogspot.com>